А. Липинъ

СУДЪ НАДЪ АЗЕФЩИНОЮ

ИЗДАНІЕ
Парижской Группы Соціалистовъ-Революціонеровъ

№ 1757 596

PARIS
Impr. A. Gnatowsky, 8, rue Froidevaux.
1911

„Пров 38“

„Пров 49“

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

564
29

Судъ надъ азефщиною.

Дѣло Азефа получило, наконецъ, оффиціальную развязку. „Судебно-Слѣдственная Комиссія“, назначенная У-мъ „Совѣтомъ“ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, вынесла и опубликовала свое заключеніе.

Въ греческихъ драмахъ неизмѣннымъ участникомъ всѣхъ событій является хоръ, который высказываетъ о всемъ совершающемся свое сужденіе, мѣняющееся въ зависимости отъ развитія интриги. Въ драмѣ азефщины роль хора взяла на себя, по назначенію другихъ дѣйствующихъ лицъ, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“.

Сужденіе Комиссіи представляется, такимъ образомъ, неотъемлемою и незамѣнимою частью самой драмы. Безъ этого „судебно-слѣдственнаго“ эпилога азефская эпопея, столь изобилующая разнообразіемъ персонажей, пестротою положеній, богатствомъ контрастовъ и сложностью мотивовъ, была бы лишена полноты дѣйствія. Заключеніе „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ придало всей исторіи характеръ цѣльности и законченности.

Но теперь, когда всѣ роли выполнены, когда пьеса сыграна и занавѣсъ спущенъ, — вступаетъ въ свои права критика. Послѣднее слово объ азефщинѣ принадлежитъ не оффиціальнымъ судьямъ, а голосу общественной совѣсти. И приговоръ надъ азефщиною будетъ приговоромъ по дѣлу не только подсудимыхъ, но и самихъ оффиціальныхъ судей.

Предлагаемые матеріалы должны служить выясненію правды объ азефщинѣ.

Глава I.

Краткій комментантарій къ исторіи образованія „Судебно-Слѣдственной Комиссіи".

Послѣ оффиціальнаго признанія провокаціи Азефа, возмущеніе въ Партіи, или вѣрнѣе въ остаткахъ партіи С.-Р. было такъ велико, что не дать удовлетворенія общественному мнѣнію и не организовать какого-либо разслѣдованія азефщины казалось невозможнымъ.

Провокаторъ оставался въ центрѣ партіи въ теченіе множества лѣтъ. Верхи партіи его упорно оставляли у дѣлъ, не смотря на многочисленныя предупрежденія и изъ полицейскихъ, и изъ революціонныхъ источниковъ. Цѣлый годъ, послѣдній годъ тѣ же верхи партіи вели жестокую борьбу съ тѣми, кто доказывали существованіе провокаціи въ центрѣ Партіи и въ частности обвиняли Азефа. Когда провокаторъ былъ, наконецъ, оффиціально разоблаченъ, тѣ же верхи партіи повели дѣло такъ, что Азефу удалось скрыться и избѣгнуть возмездія.

Партія была дискредитирована, а ея административный персоналъ — сильно скомпрометированъ. Нависла свинцовая туча недовѣрія и сомнѣній.

Центральный Комитетъ Партіи заявилъ о своемъ рѣшеніи выйти въ отставку.

Назначеніе новыхъ органовъ для разслѣдованія дѣла Азефа и для временнаго хотя бы руководства дѣлами Партіи могло быть осуществлено двумя способами.

Или судебными и временно административными функціями могла быть облечена, *внѣ обычнаго порядка*, коллегія лицъ, которыя, по своему революціонному прошлому, моральному облику и способно-

стямъ, стояли бы, *по общепризнанному мнѣнію*, настолько высоко, что никакія сомнѣнія о пригодности ихъ для выполненія возложенной миссіи не были бы возможны. *Формально*, и только формально, выборъ этихъ лицъ могъ быть санкціонированъ какой-нибудь партійною коллегіею, напр., съѣздомъ или совѣтомъ; но фактически это было бы лишь санкціею рѣшенія независимаго общественнаго мнѣнія партіи. Еслибы центръ партіи согласился на эту комбинацію или, по крайней мѣрѣ, не оказывалъ ей противодѣйствія, то онъ засвидѣтельствовалъ бы свое искреннее намѣреніе способствовать полной ликвидаціи азефскаго кошмара и дѣйствительному оздоровленію партіи.

Или же старый Центральный Комитетъ могъ созвать *на обычныхъ основаніяхъ* какое-нибудь верховное учрежденіе партіи для избранія новаго Центральнаго Комитета и для назначенія комиссіи по разслѣдованію азефскаго дѣла.

При данномъ состояніи разгрома партіи, такимъ верховнымъ представительнымъ учрежденіемъ партіи могъ быть только „Совѣтъ“ Партіи.

Что фактически значила эта вторая комбинація?

Она значила, прежде всего, что этотъ „Совѣтъ“, созванный Центральнымъ Комитетомъ (при отсутствіи какого-либо высшаго контроля), составленный въ значительной степени изъ членовъ Центральнаго Комитета и назначенныхъ имъ должностныхъ лицъ, былъ въ сущности лишь эманаціею того же Центральнаго Комитета.

Она означала, стало быть, что рѣшенія этого „Совѣта“ фактически могли быть ничѣмъ инымъ, какъ только рѣшеніями Центральнаго Комитета.

Это означало, далѣе, что въ новыя центральныя учрежденія могли попасть, еще до разслѣдованія дѣла Азефа, лица, морально состоявшія подъ судомъ партіи и общественнаго мнѣнія, — какъ члены старыхъ центральныхъ учрежденій и ихъ агенты, такъ и ихъ ставленники.

Это означало, стало быть, что, еще до судебнаго разслѣдованія дѣла Азефа, вопросъ *фактически* могъ разрѣшаться самыми подсудимыми ихъ собственною

реабилитаціею и возстановленіемъ или даже возвышеніемъ ихъ въ партійныхъ функціяхъ.

Это означало, далѣе, что составъ комиссіи, долженствовавшей вести разслѣдованіе и вынести приговоръ по дѣлу Азефа, могъ вполнѣ зависѣть отъ стараго центра, которому нетрудно было способствовать формированію ея въ желательномъ для него смыслѣ.

Это значило, наконецъ, что *фактически* подсудимые назначали своихъ судей, которые въ извѣстномъ отношеніи могли зависѣть отъ своихъ подсудимыхъ.

Подобная комбинація разрѣшенія Азефскаго дѣла вырождалась, стало быть, въ комедію и даже мистификацію.

Но именно за эту вторую комбинацію рѣшительно высказался старый Центральный Комитетъ. Естественно, эта комбинація была принята и осуществлена „Совѣтомъ“, который тотъ же Центральный Комитетъ созвалъ для ликвидаціи дѣла Азефа.

Послѣ этого, все дальнѣйшее вытекало съ логическою необходимостью изъ своей предпосылки.

Наиболѣе видные члены старыхъ центральныхъ учрежденій, наиболѣе вмѣстѣ съ тѣмъ скомпрометированные по дѣлу Азефа, сохранили фактически свои партійныя позиціи. Въ новыя центральныя учрежденія попали главнымъ образомъ люди, доказавшіе свою „преданность“ старому центру до и послѣ оффиціальнаго разоблаченія провокаціи.

Для подсудимыхъ и для преданныхъ имъ лицъ, *практическая* безплодность судебнаго разслѣдованія азефщины была предрѣшена съ самаго начала.

Вопросъ о *моральной* сторонѣ дѣла оставался открытымъ: въ какой мѣрѣ „Судебно-Слѣдственная Комиссія“, назначенная тѣмъ же „Совѣтомъ“, оправдаетъ довѣріе своихъ довѣрителей?

Гласный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ, черезъ два года, „Заключеніемъ Судебно-Слѣдственной Комиссіи“.

Глава II.

О томъ, какъ „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ производила разслѣдованіе по дѣлу Азефа.

Разслѣдованіе дѣла Азефа, еслибы оно велось нормальнымъ образомъ, требовало выясненія не только индивидуальной отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ, но главнымъ образомъ коренныхъ причинъ азефщины.

Но что такое — разслѣдованіе, какъ не точное установленіе фактовъ, надлежащій подборъ матеріаловъ и добросовѣстная обработка ихъ для формулированія выводовъ, или судебнаго приговора?

Въ судебномъ разслѣдованіи факты устанавливаются свидѣтельскими показаніями и документами въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Одно изъ главныхъ условій объективности разслѣдованія заключается въ томъ, что искусственный или односторонній подборъ свидѣтелей и документовъ не явился причиною извращеннаго представленія о фактахъ или неправильной оцѣнки ихъ.

Какимъ образомъ, прежде всего, велось въ этомъ отношеніи разслѣдованіе „Судебно-Слѣдственною Комиссіею“?

Комиссія эта опросила всего 31 лицо („З. С.-С. К.“, стр. 7). Но въ своемъ „Заключеніи“ Комиссія цитируетъ или излагаетъ показанія далеко не всѣхъ опрошенныхъ лицъ. Для „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“, стало быть, существуетъ категорія опрошенныхъ, показанія которыхъ она считаетъ наиболѣе важными и существенными.

Къ этой категоріи принадлежатъ слѣдующія лица, перечисляемыя нами въ томъ же порядкѣ, въ какомъ на нихъ ссылается Комиссія въ своемъ „Заключеніи“:

1) Я., членъ Центральнаго Комитета (стр. 10, ср. стр. 64);
2) У., „одинъ изъ основателей Партіи и членъ Ц. К.“ (стр. 12);
3) И., членъ Ц. К. (стр. 12);

4) Бурцевъ (стр. 14);
5) Л. Г., „бывшая жена Азефа“ (стр. 14);
6) L. (авторъ настоящей брошюры);
7) Ц., бывшій членъ Ц. К. (стр. 24, ср. стр. 36);
8) Ж., членъ Ц. К. (стр. 26);
9) Щ., членъ Ц. К. (стр. 35, ср. стр. 63 и 86);
10) Г., „который послѣ продолжительной и отвѣтственной общепартійной работы, состоялъ одно время въ Б. О.“ (стр. 38); онъ же членъ „Комиссіи для изслѣдованія всѣхъ слуховъ о провокаціи, имѣющейся въ Партіи“ (стр. 70);
11) I. (стр. 39);
12) Е., „работавшій вмѣстѣ съ Азефомъ“ (стр. 39);
13) Д., членъ Ц. К. (стр. 43);
14) К., членъ Ц. К. (стр. 45);
15) Э., одинъ изъ „ближайшихъ (къ Ц. К.) партійныхъ товарищей“ или даже членъ Ц. К. (стр. 46, ср. стр. 78, 87, 97 и 99);
16) S. (стр. 47);
17) Ch., членъ Ц. К. (стр. 56);
18) О., членъ „Комиссіи для изслѣдованія всѣхъ слуховъ о провокаціи, имѣющейся въ Партіи“ (стр. 74);
19) Y. (членъ суда надъ Бурцевымъ);
20) Q., членъ Ц. К. (стр. 40 и 48); изъ „Заключенія“, впрочемъ, не видно, давало-ли это лицо свои показанія лично, или же оно свидѣтельствовало черезъ посредство Ж.

Изъ этихъ 20 лицъ состоитъ свидѣтельскій персоналъ, на показаніяхъ котораго „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ и основало главнымъ образомъ свое „Заключеніе“. Лица эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

I. *Десять* опрошенныхъ — члены Центральнаго Комитета, а именно: Я., У., И., Ц., Ж., Щ., Д., К., Ch. и Q.

II. *Двое* (Г. и О.) — бывшіе члены „Комиссіи для изслѣдованія всѣхъ слуховъ о провокаціи въ Партіи“, стало быть, лица, несомнѣнно весьма близкія къ Ц. К.

III. *Одно* (Э.) — „лицо, очень близкое къ Ц. К.“, быть можетъ, членъ Ц. К.

IV. *Одно* (Л. Г.) — „бывшая жена Азефа“, слѣдовательно, достаточно близкая къ Ц. К.

V. *Трое* (I., E. и S.) — члены Партіи, не квалифицируемые въ „Заключеніи“ въ смыслѣ ихъ близости къ Ц. К. Во всякомъ случаѣ мало вѣроятно, чтобы эти лица принадлежали къ числу „простыхъ рядовыхъ“ Партіи.

VI. Изъ остальныхъ *троихъ* опрошенныхъ Y. и Бурцевъ могли свидѣтельствовать только по сцеціальнымъ вопросамъ, такъ какъ они къ Партіи никогда не принадлежали и говорить что-нибудь о порядкахъ въ ней не могли.

Такимъ образомъ, изъ 20 допрошенныхъ лицъ, на показаніяхъ которыхъ „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ главнымъ образомъ построила свое „Заключеніе“, 14 несомнѣнно, а можетъ быть и 17, принадлежали къ составу Центральнаго Комитета или были весьма близки къ Ц. К., а еще двое о порядкахъ внутри Партіи, которые могли вести къ азефщинѣ, не были освѣдомлены и ничего въ этомъ отношеніи дать Комиссіи не могли.

Но Азефъ былъ несомнѣнно человѣкъ *центра*, и провокація Азефа была несомнѣнно провокаціею въ *центрѣ* Партіи. Главная доля отвѣтственности за допущеніе этой ужасной по размѣрамъ, по длительности и по жертвамъ провокаціи ложится, стало быть, на *центръ*. Люди *центра* должны были быть, не могли не быть для „Комиссіи“ *обвиняемыми* въ большей или меньшей степени. *И „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ составила свое „Заключеніе“ на основаніи показаній лицъ, подавляющее большинство которыхъ были сами обвиняемые!*

Но этого мало.

Провокація Азефа не была простымъ эпизодомъ, изолированнымъ отъ всей остальной жизни Партіи. Сама „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ это сознавала и высказала. „При опредѣленіи возложенной на нее задачи Комиссія исходила изъ того положенія, что

въ жизни Партіи С.-Р. провокаторская дѣятельность Азефа не была чѣмъ-то случайнымъ... Очевидно, въ самомъ укладѣ партійной жизни были извѣстныя условія, благопріятствовавшія развитію азефщины. Возможно болѣе полное выясненіе этихъ условій, какъ со стороны партійно-организаціонныхъ принциповъ, такъ и со стороны дѣйствій отвѣтственныхъ органовъ Партіи, и составляло задачу Комиссіи" („З. С.-С. К.", стр. 5). Но приводить въ связь азефщину съ партійно-организаціонными принципами и съ дѣйствіями отвѣтственныхъ органовъ Партіи, это значитъ предполагать, во-первыхъ, возможность организаціонныхъ дефектовъ, во-вторыхъ, возможность дефектовъ въ дѣятельности органовъ Партіи. На комъ лежитъ отвѣтственность за тѣ или другіе дефекты? Партія С.-Р. строилась *сверху*; ея отвѣтственные органы долгое время сливались съ *верхами* или получали директивы отъ *верховъ*. Не отъ верховъ, не отъ представителей центра слѣдовало ждать правильнаго сужденія и безпристрастной характеристики организаціонныхъ нравовъ и политики, которые были дѣтищемъ, главнымъ образомъ, самихъ верховъ. Правильное представленіе объ организаціонныхъ нравахъ въ Партіи могло быть получено лишь опросомъ лицъ, іерархическое положеніе которыхъ въ Партіи не предрасполагало ихъ къ оптимизму и идеализаціи. *Довольствуясь показаніями почти исключительно „центровиковъ", „Судебно-Слѣдственная Комиссія" этимъ самымъ неизбѣжно предопредѣлила субъективный характеръ той картины нравовъ въ Партіи, которая должна была получиться.*

Почему не былъ опрошенъ рядъ лицъ, свидѣтельство которыхъ представляетъ несомнѣнную цѣнность, въ смыслѣ точнаго установленія фактовъ и выясненія отвѣтственности тѣхъ или другихъ дѣятелей?

Почему, напр., не былъ опрошенъ бывшій шлиссельбуржецъ Мельниковъ, который еще въ Шлиссельбургѣ высказывалъ свои подозрѣнія касательно Азефа самому Гершуни, поставившему объ этомъ въ извѣстность потомъ Центральный Комитетъ?

Почему „Судебно-Слѣдственною Комиссіею" не былъ опрошенъ Петръ Рыссъ, или почему въ „За-

ключеніи“ нѣтъ никакихъ слѣдовъ хоть малѣйшей заинтересованности печатными заявленіями Петра Рысса о томъ, что давно уже онъ, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ брата, извѣстнаго максималиста Рысса, доводилъ до свѣдѣнія центра Партіи, черезъ близкихъ къ центру людей, о провокаціи Азефа?

Почему, съ другой стороны, не былъ „Судебно-Слѣдственною Комиссіею“ опрошенъ Бакай, сыгравшій столь крупную роль въ разоблаченіи Азефа и не мало горя испытавшій въ періодъ кампаніи противъ защитниковъ Азефа, принадлежавшихъ къ центру Партіи? Или „Комиссія“ полагала, что Бакай въ достаточной мѣрѣ для нея былъ представленъ Бурцевымъ, какъ своего рода патрономъ? Но чѣмъ, въ такомъ случаѣ, руководилась „Судебно-Слѣдственная Комиссія, предпочитая представительство непосредственнымъ показаніямъ свидѣтеля? Вѣдь ей, „Комиссіи“, очень хорошо были извѣстны „фантазіи“ Бурцева...

Далѣе, почему „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ не пригласила для свидѣтельствованія Л. П. Меньщикова (Икса), автора знаменитаго „петербургскаго письма“ объ Азефѣ и Татаровѣ, впослѣдствіи разоблачителя Гекельмана-Ландезена-Гартинга, Зинаиды Жученко, Каплинскаго, Батушанскско, Серебряковой и цѣлыхъ сотенъ агентовъ и провокаторовъ, въ совершенствѣ знакомаго съ такими сторонами Азефскаго дѣла, относительно которыхъ до послѣдняго времени приходилось довольствоваться лишь гипотезами? Или „Комиссія“ опять-таки считала для себя достаточною передачу нѣкоторыхъ свѣдѣній Меньщикова черезъ посредство свидѣтелей-подсудимыхъ? Но почему это предпочтеніе, оказываемое тѣни источника передъ самимъ источникомъ, въ особенности когда тѣнь нерѣдко является извращенною проекціею источника? А между тѣмъ, еслибы „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ не лишила себя, по собственной волѣ, этого свидѣтеля, она избавила бы себя отъ многихъ ошибокъ и нелѣпостей, которыми такъ богато ея слѣдственное творчество.

Почему „Судено-Слѣдственная Комиссія“ въ своемъ „Заключеніи“ совершенно игнорировала, не смотря на выработанную ею самою программу разслѣдованія, весь матеріалъ касательно связи азефщины съ организаціонными нравами въ Партіи, укоренившимися въ верхахъ съ самаго основанія ея? Почему, напр., она, „Комиссія“, отвергла предложеніе одного заслуженнаго революціонера, члена П. С.-Р., свидѣтельствовить о темныхъ сторонахъ партійно-организаціонныхъ нравовъ, отвергла на томъ основаніи, что „это къ дѣлу Азефа не относится?“ Почему „Комиссія“ самымъ тщательнымъ образомъ обошла всѣ данныя, доставленныя ей въ этомъ отношеніи мною? Не потому ли, что эта матерія казалась „Комиссіи“ крайне щекотливой, она, „Комиссія“, аттестовала мои показанія, какъ „чрезвычайно подробныя“ („З. С.-С. К.“, стр. 75)?

Итакъ, искусственный подборъ свидѣтелей, искусственный подборъ матеріала, обходъ нежелательныхъ вопросовъ...

Подобный великодушный методъ разслѣдованія дѣла Азефа облегчалъ возможность укладыванія данныхъ въ русло, благопріятное для безпрепятственнаго теченія свидѣтельствъ партійнаго центра и для побѣдоноснаго шествія его защиты.

„Комиссія — такъ она торжественно отзывается о своей собственной работѣ — можетъ только сказать, что она исполнила, какъ могла, то, что считала своимъ долгомъ передъ истиной и правдой. Она убѣждена, что этимъ она исполнила свой долгъ передъ Партіей, ибо Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ и должна и можетъ позволить себѣ роскошь правды“ („З. С.-С. К.“, стр. 9).

Для „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ правда — роскошь. Это очень характерно. Безъ сомнѣнія, роскошь, которую П. С.-Р. „и должна и можетъ себѣ позволиуь“. Но сознавала-ли Комиссія, что при такомъ взглядѣ на правду-роскошь, тѣ, которые считаютъ себя призванными говорить и дѣйствовать отъ имени Партіи, могутъ все же въ извѣстныхъ случа-

яхъ находить эту роскошь черезчуръ дорогой и, „въ интересахъ Партіи“, ее экономить?

* * *

Мы отчасти ужъ ознакомились съ *методами*, принятыми „Комиссіею“, для изслѣдованія „истины и правды“. Посмотримъ теперь, какъ она выясняла и устанавливала *факты*.

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“ работала полтора года. За это время она не раскрыла ни одного новаго факта. За то она ухитрилась внести не мало ошибокъ, путаницы и темноты въ пониманіе фактовъ, до того въ достаточной мѣрѣ извѣстныхъ.

Мы ограничимся лишь нѣкоторыми *примѣрами*.

Петербугское письмо. Возстановить въ точности содержаніе письма, предостерегавшаго въ 1905 году Партію противъ провокаціи Азефа и Татарова, — письма, которое Ц. К. все время, до оффиціальнаго признанія провокаціи Азефа, считало интригою Департамента Полиціи, которое затѣмъ, на основаніи свѣдѣній Бакая, приписывалось жандарму Кременецкому, а на самомъ дѣлѣ было составлено и послано въ Партію Менщиковымъ, — было нисколько не трудно. По словамъ „Судебно-Судебной Комиссіи“, письмо это было выучено наизусть нѣсколькими лицами („З. С.-С. К.“, стр. 55); текстъ этого письма былъ помѣщенъ въ № 21-22 „Знамени Труда“; а свидѣтельство самого автора письма, Менщикова, могло устранить оставшіяся сомнѣнія. Но какъ бы для того, чтобы доказать свою „работоспособность“, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ помѣщаетъ въ своемъ „Заключеніи“ (стр. 55), текстъ этого письма, *полный ошибокъ*, не позаботившись даже сличить его съ текстомъ „Знамени Труда“, несравненно болѣе точнымъ. Такъ работала Судебно-Слѣдственная Комиссія!

Сопоставимъ оба текста, поскольку они между собою различны.

Текстъ „ЗАКЛЮЧЕНІЯ“ стр. 55	строка, считая сверху	Точный текстъ. „ЗНАМЯ ТРУДА“, № 21-22, стр. 10-11,
Товарищи,	18	Товарищъ!
Бар.,	22	Барыкова;
Фре.,	22	Фрейфельда
Тамбовскаго	29	тамошняго
Самарѣ	32	Саратовѣ
Поэтому мы обращаемся къ Вамъ, какъ честный человѣкъ и революціонеръ. Исполните слѣдующее.	37	Поэтому обращаемся къ Вамъ. Какъ честный человѣкъ и революціонеръ, исполните слѣдующее:

Какимъ образомъ объяснить то, что, обладая текстомъ письма въ „Знамени Труда“ („точно каждое его слово выжжено каленымъ желѣзомъ“, говоритъ Н. М., авторъ статьи въ „З. Т.“, стр. 17) и имѣя возможность провѣрить этотъ текстъ, пригласивъ самого автора письма, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ предпочла воспользоваться текстомъ неточнымъ?

Не слѣдуетъ думать, что отступленія отъ точнаго текста касаются незначительныхъ мелочей. Ибо, во-первыхъ, благодаря этимъ отступленіямъ, содержаніе письма затемняется, и отвѣтственность какъ адресата, такъ и дѣятелей, которымъ содержаніе письма стало немедленно извѣстно, тѣмъ самымъ умаляется; во-вторыхъ, дѣйствительныя ошибки свидѣтелей-подсудимыхъ и самой „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ становились мнимыми ошибками автора письма, способными подорвать значеніе письма и опять-таки умалить отвѣтственность дѣятелей. Нужно-ли это доказывать? Сама „Судебно-Слѣдственная Комиссія“, констатируя, что „Бабушка, дѣйствительно, скрывалась у Ракитниковыхъ“, къ этому прибавляетъ: „Ошибка была только въ указаніи города“ („З. С.-С. К.“, стр. 56). Это послѣ того, какъ сама Комиссія допустила замѣну въ текстѣ письма Саратова — Самарою (въ точномъ текстѣ было вѣрно указано пребываніе Бабушки въ *Саратовѣ*). Вотъ что значитъ вылить съ больной головы на здоровую!..

Замѣтимъ, что и въ текстѣ письма въ „З. Т.“, и въ текстѣ письма его въ „Заключеніи“ имѣется одна

существенная ошибка, которой Комиссія, конечно, не исправила: фамилія *Николаева* должна быть замѣнена *Никоновымъ*.

Далѣе, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ не могла даже установить, былъ-ли данъ въ „Рев. Россіи“ (въ почтовомъ ящикѣ) отвѣтъ автору письма, для завязыванія дальнѣйшихъ съ нимъ сношеній. „Отвѣтъ же въ „Рев. Россіи“ — говорится въ „Заключеніи“ (стр. 60), — если и былъ помѣщенъ, то въ чрезвычайно неясной формѣ и тов. Я. не увѣренъ, дѣйствительно-ли это отвѣтъ на данное предложеніе“. Тов. Я., членъ Ц. К., далъ о семъ предметѣ свое показаніе, и, конечно, удовлетворившись, „Комиссія“ дальше этого не пошла.

Въ дѣйствительности, никакого отвѣта автору письма не было дано, и установить это обстоятельство было весьма легко. Менщиковъ, авторъ письма, просилъ адресовать отвѣтъ „доброжелателю“. Но по этому адресу никакого обращенія въ почтовомъ ящикѣ „Р. Р.“ не было. Приблизительно въ ту пору происходила черезъ почтовый ящикъ переписка съ „Анонимомъ“; но эта переписка была начата еще до полученія „петербургскаго письма“ и, стало быть, къ автору послѣдняго не могла относиться.

Какъ стало извѣстно письмо Азефу? — Случайно, говоритъ „Комиссія“ въ своемъ „Заключеніи“ — и только (стр. 65). Въ дѣйствительности адресатъ, членъ Петербургскаго Комитета С. (въ „Зн. Тр.“ Р.), получилъ это письмо не у себя на дому, а въ помѣщеніи, гдѣ онъ служилъ. Азефъ могъ придти къ нему на квартиру ужъ лишь послѣ того, какъ С. имѣлъ достаточно времени, чтобы вникнуть въ содержаніе письма, понять требованія автора его и свою обязанность не раскрывать тайны. Когда явился Азефъ, С. моментально нарушилъ поставленныя условія и сообщилъ содержаніе письма человѣку, котораго онъ зналъ лишь по кличкѣ („З. Т.“, № 21-22, стр. 11). Надъ этой „картинкой нравовъ“ въ Партіи „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ не сочла нужнымъ остановить свое вниманіе.

Интересно сопоставить оцѣнку значенія письма цент-

ромъ въ 1905 г. съ оцѣнкою значенія того-же письма „Судебно-Слѣдственною Комиссіею“ въ 1910 или 1911 году. „Письмо было обсуждено въ узкомъ кругу лицъ, очень близкихъ къ Ц. К., и было рѣшено провѣрить Татарова, который и ранѣе уже подорвалъ къ себѣ довѣріе, какъ своимъ образомъ жизни, такъ и планами, которыми онъ задавался... Что касается Азефа, то обвиненія, выдвинутыя противъ него въ письмѣ, были признаны совершенно неосновательными, ибо заключали въ себѣ указанія на разные ничтожные и мелкіе факты. Письмо поэтому было признано, въ отношеніи Азефа, не заслуживавшимъ дальнѣйшаго разслѣдованія“ (стр, 56). Любопытно, что въ № 21-22 „З. Т.“ Н. М. разсказываетъ, что въ Россіи тогда отношеніе къ фактамъ, перечисленнымъ въ письмѣ касательно Азефа и Татарова, было совершенно обратное (стр. 13). Но „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ рабски повторяетъ показанія своихъ свидѣтелей-подсудимыхъ: „Петербургское письмо“ ограничивалось тѣмъ, что связывало имя „инженера Азіева“ съ перечнемъ партійныхъ работниковъ, ставшихъ извѣстными полиціи.... Свѣдѣнія Петербургскаго письма не могли быть провѣрены“ („З. С.-С. К.“, стр. 63). Ничтожные и мелкіе факты! Только перечень партійныхъ работниковъ! Свѣдѣнія, не допускавшія провѣрки!..

Съѣздъ боевиковъ въ Нижнемъ, покушеніе на тамошняго губернатора, динамитная мастерская Конопляниковой, транспортъ динамита Видинянина, убѣжище Бабушки — выдача всего этого, это — ничтожные и мелкіе факты, простой перечень именъ, свѣдѣнія безъ возможности провѣрки! И это говорятъ не только подсудимые революціонеры, но и революціонный судъ!..

Не будемъ слишкомъ ни удивляться, ни возмущаться. Мы еще часто будемъ констатировать подобное совпаденіе мнѣній „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ если не съ „истиной и правдой“, то съ мнѣніями защищающихся подсудимыхъ.

Одесское извѣщеніе о провокаціи. Свѣдѣнія объ охранникѣ, служившемъ на югѣ Россіи, который въ 1906 г. выразилъ желаніе сдѣлать Центральному Комитету

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

разоблаченія касательно провокатора, стоящаго въ центрѣ Партіи, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ изложила на основаніи всецѣло показаній одной стороны (повидимому, члена Ц. К-а Я., ср. 2-ую выноску стр. 60 со 2-ою выноскою стр. 57 „Заключенія“) и потому, конечно, изобилуютъ ошибками. „Комиссія“, слѣдуя своему „методу“, ничего не сдѣлала для точнаго возстановленія фактовъ. „Охранникъ тѣмъ временемъ былъ переведенъ начальникомъ мѣстной охраны... Черезъ короткое время этотъ начальникъ былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ, гдѣ ему предъявили обвиненіе въ растратѣ и прогнали со службы“ („З. С.-С. К.“, стр. 60). Рѣчь идетъ здѣсь объ охранникѣ С., переведенномъ изъ О. въ С., для завѣдыванія агентурнымъ пунктомъ. Самъ С. просилъ свое начальство о переводѣ его изъ О., гдѣ онъ не хотѣлъ болѣе служить, ибо черезчуръ сильная провокація въ О. его возмущала: немножко совѣсти у него, повидимому, оставалось. Въ Петербургѣ онъ обвинялся не въ растратѣ казенныхъ денегъ, а въ *провалѣ секретныхъ сотрудниковъ*. Допрашивалъ его Герасимовъ. Донесъ о немъ, безъ сомнѣнія, Азефъ, узнавъ отъ Ц. К. о его намѣреніи доставить Партіи свѣдѣнія о провокаціи. Невѣрно также и то, что С. былъ прогнанъ со службы. Въ дѣйствительности, онъ обидѣлся и самъ ушелъ. При этомъ дали ему 2000 рублей и столько же его сожительницѣ (тоже агенту). Послѣ этого они оба уѣхали въ Америку.

Самарское письмо. Въ этомъ документѣ, между прочимъ, говорится, что агенты петербургской охраны получили распоряженіе арестовать террористовъ, занятыхъ слѣжкой за высокопоставленными лицами, и что они, въ пику агентамъ д-та полиціи, арестовали Филипповскаго, т. е. Азефа („З. С.-С. К.“, стр. 62). По этому поводу Я., членъ Ц. К., показалъ слѣд.: „Первое обстоятельство, которое заставило насъ не давать вѣры письму, это — то, что авторъ письма указывалъ на арестъ Азефа и группы боевиковъ въ то время, какъ ни ареста Азефа, ни ареста боевиковъ по нашимъ свѣдѣніямъ, не было“ (стр. 64). Вмѣсто того, чтобы выяснить вопросъ о томъ, *что сдѣлалъ*

Ц. К. для провѣрки свѣдѣнія объ арестѣ Азефа, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ справилась у Я., былъ-ли Азефъ дѣйствительно арестованъ. На это Я. далъ отвѣтъ, основанный на сообщеніи „Икса“, т. е. Менщикова. Что касается ареста боевиковъ, то „Комиссія“ даже не обратила вниманія на то, что въ самомъ письмѣ отнюдь не говорится, что террористы были дѣйствительно арестованы, а рѣчь идетъ лишь о томъ, что получено было распоряженіе ихъ арестовать.

Объ уровнѣ теоретическаго образованія Азефа. „Отмѣтимъ мимоходомъ, говоритъ „Комиссія“, что теперь принято говорить объ Азефѣ, какъ о человѣкѣ, совершенно невѣжественномъ въ теоретическихъ вопросахъ. Отраженіе этого, теперь ходячаго, мнѣнія мы находимъ въ показаніяхъ т. L., который прямо называетъ его человѣкомъ, „въ высшей степени недалекимъ, невѣжественнымъ“. Оцѣнка эта, насколько можно судить по приведенному свидѣтельству и нѣкоторымъ другимъ показаніямъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности“ (стр. 17).

Мнѣ дѣйствительно неоднократно, въ частности передъ „Судебно-Слѣдственной Комиссіею“, приходилось высказываться объ Азефѣ, какъ о человѣкѣ невѣжественномъ. Я былъ знакомъ съ Азефомъ, хотя встрѣчался съ нимъ нечасто. Но мнѣ достаточно было одинъ разъ говорить съ нимъ въ теченіе часа на теоретическія темы, чтобы убѣдиться въ полномъ ничтожествѣ его въ этомъ отношеніи. Не говорю уже о томъ, что весь его морально-интеллектуальный обликъ производилъ на меня неблагопріятное впечатлѣніе, усиливавшееся все болѣе и болѣе съ инцидентами, въ которыхъ онъ игралъ роль.

Правда, бывшіе друзья Азефа, бывшіе его товарищи по Ц. К. или лица, близкія къ Ц. К., поддерживали противоположное мнѣніе о степени теоретической интеллигентности Азефа. Психологически это вполнѣ понятно. Люди были, въ теченіе многихъ лѣтъ, игрушкою въ рукахъ провокатора, который достигъ поста главы Б. О., для котораго не было тайнъ въ Партіи, котораго признавали интимнымъ другомъ, лучшимъ товарищемъ и провозглашали величайшимъ револю-

ціонеромъ и героемъ, не хуже Желябова. Сознавать теперь это очень тяжело. Въ частности, для собственнаго достоинства и личнаго самолюбія это — ударъ тѣмъ болѣе тяжелый, чѣмъ ниже уровень качествъ и способностей, на основѣ которыхъ выросъ престижъ провокатора. Естественнымъ образомъ является тенденція увѣрить себя и другихъ въ томъ, что провокаторъ обладалъ знаніями и талантами тѣмъ болѣе недюжинными, чѣмъ болѣе противоположное дискредитировало моральное чутье и „способность сужденія“ его бывшихъ друзей и защитниковъ. Подобной аттестаціи Азефа, повторяемъ, вполнѣ естественно ожидать со стороны свидѣтелей-подсудимыхъ. Другое дѣло — судъ, безпристрастный судъ, который долженъ считаться съ субъективными предрасположеніями защищающихся и способствовать раскрытію „истины и правды“ провѣркою подобныхъ утвержденій при помощи фактовъ и другихъ свидѣтельствъ.

Но „Комиссія“ и въ данномъ случаѣ, конечно, оказалась на высотѣ своихъ „методовъ“ и своего судейскаго безпристрастія. Она всецѣло примкнула къ мнѣнію объ Азефѣ бывшихъ его друзей и защитниковъ изъ центра Партіи. Она цитируетъ показанія двухъ членовъ Ц. К-а У. и Я., „близко знавшихъ Азефа“ (еще бы нѣтъ!). И только...

Но что собственно говорятъ эти два апологета теоретической компетенціи Азефа?

У. разсказываетъ о томъ, какъ Азефъ въ одномъ марксистскомъ кружкѣ защищалъ теорію „борьбы за индивидуальность“ Михайловскаго и произвелъ на окружающихъ впечатлѣніе искренностью и знаніемъ предмета („З. С.-С. К.“, стр. 16-17). Какія удивительныя знанія! Умѣть защищать идеи Михайловскаго въ марксистскомъ кружкѣ, это, быть можетъ, достаточный теоретически-образовательный цензъ даже для того, чтобы попасть въ Ц. К.?

Что же касается свидѣтельства Я., то послѣдній „приводитъ однако при этомъ любопытную подробность, изъ которой видно, что Азефъ, чтобы придать себѣ вѣсу, умѣлъ иногда искусно красть чужія идеи и выдавать ихъ за свои“ (стр. 17). И далѣе слѣду-

етъ примѣръ того, какъ Азефъ былъ porte parole'емъ нѣкоторыхъ писателей, съ которыми онъ встрѣчался и говорилъ въ Петербургѣ, и мнѣнія которыхъ онъ выдавалъ за свои. — Комментаріевъ сіе свидѣтельство не требуетъ.

Была-ли сама „Комиссія“ увѣрена въ надлежащей высотѣ теоретическихъ знаній Азефа? Вотъ что она говоритъ на стр. 47 своего „Заключенія“: „Если ранѣе, чтобы подойти ближе къ вліятельнымъ партійнымъ людямъ, которымъ дорога была идейная сторона дѣла, онъ и считалъ необходимымъ играть роль интересующагося теоретическими вопросами, то позднѣе, когда его положеніе въ Партіи столь упрочилось, онъ предпочелъ не вступать на эту скользкую для него почву“. „Комиссія“ говоритъ объ области теоретическихъ вопросовъ, какъ о *скользкой почвѣ* для Азефа. Какой это можетъ имѣть другой смыслъ, какъ не тотъ, что въ этой области онъ далеко не былъ твердъ?

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“ не могла и въ данномъ вопросѣ ни предохранить себя отъ противорѣчій, ни sauver les apparences.

Свѣдѣнія Бакая. Въ своемъ „Заключеніи“ та же „Комиссія“ то и дѣло обнаруживаетъ свою поразительную неспособность точно и полно излагать существенныя данныя. Благодаря этому, перспектива событій и картина отвѣтственности получается неясная или извращенная.

Въ аргументаціи Конспиративной Комиссіи (какъ, конечно, и Бурцева) крупную роль играло слѣдующее свѣдѣніе, исходившее отъ Бакая и ставшее намъ извѣстнымъ черезъ Бурцева. Бакай разсказывалъ, что охранникъ Гуровичъ или Мѣдниковъ, въ разговорѣ съ нимъ, жаловался на жандарма Кременецкаго, который-де „испортилъ“ охранѣ двухъ сотрудниковъ (т. е. провокаторовъ), Татарова и Виноградова, такъ какъ онъ, Кременецкій, по злобѣ своей, донесъ объ этихъ „сотрудникахъ“ революціонерамъ. Это былъ въ высшей степени важный фактъ, ибо сличеніе его съ „петербургскимъ письмомъ“, полученнымъ Партіею, указывало на тождество провокатора Киноградова съ

Азефомъ. На самомъ дѣлѣ, и охранники, и мы впослѣдствіи ошибались, приписывая это письмо Кременецкому: авторъ письма былъ Иксъ-Менщиковъ. Но не въ этомъ сейчасъ суть.

И этотъ первостепенной важности фактъ нигдѣ не приведенъ въ „Заключеніи“ — ни въ изложеніи данныхъ Конспиративной Комиссіи, ни въ изложеніи данныхъ Бурцева.

Представители Ц. К. и въ „Комиссіи“, и до „Комиссіи“ неоднократно заявляли, что они, между прочимъ, потому не придавали вѣры свидѣтельствамъ Бакая въ періодъ отъ 1906 до 1908 года, что „одно время Бакай спуталъ Раскина съ извѣстнымъ Рыссомъ, который съ Азефомъ ничего общаго не имѣлъ“ (стр. 73). Это, повидимому, признаетъ и сама „Комиссія“ (стр. 75). Въ дѣйствительности, Бакай самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ приписываемаго ему смѣшенія Раскина съ Рыссомъ. Въ одномъ письмѣ (еще не опубликованномъ, но подлежащемъ отчасти опубликованію) Бакай утверждаетъ, что личность Раскина ему установить не пришлось, но что онъ узналъ о Рыссѣ и другихъ; что онъ никогда не смѣшивалъ Раскина съ Рыссомъ; что Бурцевъ самъ строилъ подобныя предположенія и представлялъ ихъ какъ исходящія отъ него, Бакая; что онъ, Бакай, цѣлый годъ настаивалъ на выясненіи личности Раскина опросомъ „варшавскаго инженера“, къ которому Раскинъ ѣздилъ въ 1904 г. Еслибы представители Ц. К., вмѣсто посредничества Бурцева, лично тогда опросили-бы Бакая, то эта путаница оказалась-бы плодомъ фантазіи Бурцева.

Но какъ представители Ц. К. въ свое время воздержались отъ надлежащаго разслѣдованія данныхъ о провокаціи, такъ теперь и „Судебно-Слѣдственная Комиссія“, удовлетворяясь показаніями одной стороны, воздержалась отъ разслѣдованія того, что дѣйствительно происходило и дѣлалось.

Какъ Азефъ узналъ о разоблаченіяхъ Лопухина, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ не могла установить, какимъ именно путемъ Азефъ узналъ о Лопухинѣ, и не считаетъ недопустимымъ объясненіе т. Я., что

Азефъ, догадавшись по какимъ-либо признакамъ, что показаніе идетъ изъ полицейскаго источника, самъ сдѣлалъ выводъ относительно Лопухина, какъ единственно могущаго дать такія свѣдѣнія изъ того весьма ограниченнаго круга лицъ въ полицейскомъ мірѣ, который зналъ провокаторскую роль Азефа. Комиссія, на основаніи сказаннаго, полагаетъ, что фактъ освѣдомленности Азефа о Лопухинскомъ инцидентѣ не можетъ быть вмѣненъ въ вину представителямъ Ц. К. на судѣ. („З. С.-С. К.“, стр. 86).

Что „Судебно-Слѣдственная Комиссія не могла установить источника освѣдомленности Азефа о разоблаченіяхъ Лопухина, это — допустимо и понятно. Понятно, но отнюдь не допустимо принятіе „Комиссіей“ объясненія Я., въ высшей степени неправдоподобнаго: Азефъ, дескать, догадался о показаніяхъ Лопухина. Новый примѣръ необыкновенной геніальности Азефа! Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Лопухина рѣчь идетъ не о предположеніяхъ, а о точныхъ свѣдѣніяхъ: Азефъ *узналъ*, Азефъ и потомъ Герасимовъ пошли къ Лопухину для переговоровъ въ виду полученныхъ свѣдѣній, и т. д.. Или это — тоже уловка охранниковъ и прокуроровъ для сѣянія смуты въ революціонной средѣ? Если Азефъ и Герасимовъ могли кого нибудь заподозрить въ разоблаченіяхъ — еслибы не было спеціальныхъ свѣдѣній именно о Лопухинѣ, — то скорѣе всего Менщикова, остававшагося подъ подозрѣніемъ со времени „петербургскаго письма“.

Поведеніе представителей Ц. К. на судѣ надъ Бурцевымъ. Неоднократно и въ Конспиративной Комиссіи, и лично предо мною Бурцевъ горько жаловался на крайнее пристрастіе представителей Ц. К. въ защитѣ Азефа передъ судомъ надъ Бурцевымъ, на идеализацію его личности, на ложную характеристику его обыкновеній и уровня жизни („сидитъ на хлѣбѣ и селедкѣ“), на умолчаніе передъ судомъ объ однихъ и поверхностное упоминаніе о другихъ документахъ и свидѣтельствахъ, служившихъ къ обвиненію или уличенію Азефа и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій противъ Ц. К. Бурцевъ формулировалъ въ

письмѣ, обращенномъ ко мнѣ 25 марта 1909 года и напечатанномъ въ № 5 „Рев. Мысли“ (іюль 1909 г.), стр. 20-21.

Какъ отнеслась къ этимъ обвиненіямъ „Судебно-Слѣдственная Комиссія“?

„Комиссія“ ограничилась тѣмъ, что процитировала въ своемъ „Заключеніи“ одно мѣсто изъ показанія Y., члена этого суда, относящееся къ „саратовскому письму“ (стр. 84-85). Обвиненія Бурцева и письмо его въ „Рев. Мысли“ „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ совершенно игнорируетъ. Бурцевъ напрасно питалъ надежду, что „спеціальная комиссія по дѣлу Азефа болѣе обстоятельно выяснитъ дѣло“ („Р. М.“, № 5, стр. 21).

Одно изъ двухъ:

Или Бурцевъ былъ правъ, формулируя рядъ обвиненій противъ представителей Ц. К.; почему тогда „Судеб.-Слѣдств. Комиссія“ не заявила этого открыто и не исчерпала вопроса надлежащими моральными санкціями?

Или Бурцевъ оклеветалъ представителей Ц. К.; почему тогда та же „Комиссія“ не выступила въ защиту ихъ противъ нареканій Бурцева?

Такъ или иначе, вопросъ о томъ, насколько полно и точно представителями Ц. К. были предъявлены тов. суду имѣвшіяся противъ Азефа данныя, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ оставила открытымъ.

Остается также открытымъ вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли тѣми же представителями Ц. К. была дана ложная и крайне идеализированная характеристика Азефа тому-же суду.

Остается, наконецъ, открытымъ вопросъ о томъ, вѣрно-ли, что представители Ц. К. свидѣтельствовали передъ судомъ о крайне скромномъ образѣ жизни Азефа, и въ какой мѣрѣ денежная отчетность, практиковавшаяся въ Б. О., позволяла вообще утверждать, что Азефъ довольствоваться ограниченными рессурсами, ему назначенными.

Относительно послѣдняго вопроса я представилъ „Судебно-Слѣдственнной Комиссіи“ кое-какія данныя, оставшіяся, конечно, неиспользованными.

Между тѣмъ, къ этому вопросу „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ подошла вплотную, когда нѣкоторые члены Ц. К., какъ Я. и Д., показали, что контроль кассы Б. О. при Азефѣ былъ только бумажный („З. С.-С. К.“, стр. 53-54). „Кралъ ли Азефъ?“ — спрашиваетъ тов. Ц. и отвѣчаетъ: „Я убѣжденъ, что онъ кралъ“. Тов. Ц. такъ полагаетъ не только потому, что вся постановка дѣла давала для этого возможность, но и потому, что теперь ему припоминаются нѣкоторыя черты изъ поведенія Азефа, на которыя онъ своевременно не обратилъ вниманія (стр. 54).

Еще одинъ пунктъ. Послѣ оффиціальнаго признанія провокаціи Азефа, Бурцевъ, какъ извѣстно, жаловался, что ему грозила страшная опасность не только со стороны охранниковъ, но и со стороны нѣкоторыхъ соціалистовъ-революціонеровъ, предполагавшихъ, по словамъ Бурцева, его убить въ случаѣ, еслибы тов. судъ высказался противъ него. Обвиненіе это — весьма серьезное; оно требовало тщательнаго разслѣдованія. „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ и въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлала.

Но довольно. Нами приведено уже достаточно примѣровъ того, какъ работала „Судебно-Слѣдственная Комиссія“. A paucis disce omnia...

Глава III.

Конспиративная Комиссія Парижской Гр. С.-Р. и дѣло Азефа.

Твердое убѣжденіе Конспиративной Комиссіи Парижской Группы Соціалистовъ-Революціонеровъ въ томъ, что въ центрѣ Партіи существуетъ провокація, было основано на данныхъ троякаго рода:

1) на логическомъ анализѣ цѣлаго ряда фактовъ или общеизвѣстныхъ, или ставшихъ извѣстными Конспиративной Комиссіи;

2) на обстоятельствахъ провала Сѣвернаго Боевого

Отряда и нѣкоторыхъ спеціальныхъ конспиративныхъ данныхъ, относившихся къ этому провалу;

3) на свѣдѣніяхъ Бакая и нѣкоторыхъ другихъ фактахъ, сообщенныхъ Бурцевымъ.

Къ *первой* категоріи данныхъ относятся такіе факты, какъ бездѣятельность и безсиліе Б. О. въ самый ужасный моментъ реакціи; иммунитетъ главныхъ дѣятелей Партіи, принадлежащихъ къ центру или близкихъ къ нему; арестъ и осужденіе Штифтара и Гронскаго; крайняя освѣдомленность охраны о многомъ, что происходитъ въ Партіи; хвастливыя заявленія Столыпина и Герасимова; свидѣтельство Мельникова; сообщеніе Рысса; свѣдѣнія самихъ членовъ Комиссіи о моральной низости Азефа и нѣкоторые другіе факты.

Что всѣ эти факты, на которые мы тогда ссылались, въ дѣйствительности объясняются провокаціей, и только провокаціею, — это теперь совершенно установлено.

Что полное безсиліе Б. О. въ 1905 и 1906 гг. было результатомъ дьявольскихъ махинацій Азефа, дѣлавшаго все, чтобы свести на нѣтъ дѣятельность и самое существованіе Б. О., — теперь фактъ несомнѣнный. И „Суд.-Слѣдств. Комиссія“ говоритъ: „Теперь извѣстно, что тутъ была рука Азефа“ („З. С.-С. К.“, стр. 51).

Неприкосновенность главныхъ дѣятелей центра Партіи теперь, конечно, объясняется провокаціей Азефа, которому необходимо было удержать въ центрѣ Партіи неприкосновенными тѣхъ дѣятелей, которые ему безгранично довѣряли и ставили его страшно высоко. Теперь извѣстно, что ни одинъ сколько-нибудь важный арестъ въ центральныхъ сферахъ Партіи не дѣлался безъ вѣдома и одобренія Азефа.

Объ арестѣ и казни Штифтара-Зильберберга и Гронскаго-Сулятицкаго въ самомъ „Заключеніи“ теперь говорится: „Что Штифтаръ и Гронскій были выданы Азефомъ, является теперь въ высшей степени вѣроятнымъ“ (стр. 76).

Что охрана была освѣдомлена о Партіи черезъ

Азефа (и другихъ болѣе мелкихъ провокаторовъ), это теперь — фактъ извѣстный.

Что Столыпины и Герасимовы, публично заявлявшіе о томъ, что имъ извѣстны наиболѣе интимныя вещи, касающіяся партійной жизни и боевой дѣятельности, не зря хвастали, а цинично бравировали свою освѣдомленность черезъ провокаціонные источники, смѣясь въ то же время надъ неслыханнымъ ослѣпленіемъ руководителей Партіи, — объ этомъ теперь всѣ знаютъ.

Правъ былъ осужденный по дѣлу Гершуни Мельниковъ, когда онъ въ Шлиссельбургѣ высказывалъ свои подозрѣнія объ Азефѣ самому Гершуни.

Правъ былъ и максималистъ Рыссъ, когда онъ, черезъ своего брата Петра, доводилъ до свѣдѣнія Партіи о провокаціи Азефа.

Правильность этихъ нашихъ умозаключеній — изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли лишь значеніе косвенныхъ уликъ — такимъ образомъ вполнѣ подтвердилась.

Какъ извѣстно, Ц. К. противопоставлялъ всѣмъ даннымъ о провокаціи въ центрѣ и въ частности о провокаціи Азефа рѣшительное нежеланіе серьезно съ ними считаться, fin de non recevoir. Подобная же участь постигла и данныя, представленныя Конспиративною Комиссіею. Въ данномъ случаѣ достойна вниманія аргументація Ц. К. противъ этихъ данныхъ.

Что касается безсилія и бездѣйствія Б. О., то „Ц. К., признавая фактъ неудачи въ общемъ, логически вовсе не долженъ былъ объяснять его существованіемъ провокаціи... Если неудачи были, то онѣ могли объясняться слишкомъ рутинной постановкой дѣла“ („З. С.-С. К.“, стр. 72). Итакъ Ц. К. *принималъ* другое объясненіе только потому, что *другое объясненіе было возможно.* Но люди, у которыхъ сердце должно было болѣть отъ того, что кровавыя преступленія обновленнаго самодержавія оставались столь долгое время безъ отпора, не должны были довольствоваться этимъ *возможнымъ объясненіемъ*, въ особенности, когда имѣлись другія данныя, этимъ *возможнымъ объясненіемъ* не объяснявшіяся.

Лично я — и въ своихъ показаніяхъ передъ „Комиссіею для изслѣдованія всѣхъ случаевъ провокаціи, имѣющейся въ Партіи“, весною 1908 года, и въ запискѣ, представленной Центр. К-ту лѣтомъ того же года (отъ имени Конспиративной Комиссіи) — обращалъ особое вниманіе на то обстоятельство, что въ концѣ 1906 и въ теченіе 1907 года „боевыми отрядами“ былъ совершенъ все-же цѣлый рядъ удачныхъ террористическихъ актовъ: я это объяснялъ тѣмъ, что, благодаря большей фактической автономіи этихъ отрядовъ, Ц. К. (а, слѣдовательно, и засѣвшій въ немъ провокаторъ) былъ меньше освѣдомленъ объ ихъ планахъ, мало въ нихъ вмѣшивался и тѣмъ самымъ отнималъ у своей внутренней провокаціи возможность ихъ парализовать. Что же касается провала Сѣвернаго Боевого Отряда въ началѣ 1908 года, то я его объяснялъ именно тѣмъ, что Ц. К. (а слѣд., Азефъ) былъ вполнѣ освѣдомленъ о планѣ дѣла и нѣкоторыхъ участникахъ. Мое объясненіе, помимо всего прочаго, представлялось, стало быть, гораздо *болѣе вѣроятнымъ*, чѣмъ *возможное объясненіе* Ц. К-та Что моя аргументація вполнѣ оправдывалась событіями — и это было извѣстно Ц. К-ту, — видно изъ того, что *Азефъ съ конца 1906 г. до осени 1907 года былъ за-границею*, т. е. какъ разъ въ тотъ періодъ премени, когда дѣятельность боевыхъ отрядовъ развилась наиболѣе успѣшнымъ образомъ („З. С.-С. К.“, стр. 52-53). Будучи далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, онъ не могъ продолжать съ тѣмъ же успѣхомъ своихъ выдачъ. А Сѣверный Боевой Отрядъ былъ имъ выданъ какъ разъ вскорѣ послѣ его возвращенія въ Россію.

Обо всей этой части моей аргументаціи въ „Заключеніи“ вовсе не упоминается. За то „Комиссія“ приводитъ часть контръ-аргументаціи представителей Ц. К.: „Обвинителямъ, какъ это видѣла „Комиссія по изслѣдованію“, не была извѣстна въ подробностяхъ крупная роль Азефа въ боевыхъ дѣлахъ первостепенной важности, въ которыхъ, какъ это представлялось тогда комиссіи очевиднымъ, никакихъ слѣдовъ предательства не оказывалось. Такъ, напр.,

Азефу былъ извѣстенъ во всѣхъ подробностяхъ планъ покушенія на начальника Главнаго Тюремнаго Управленія Максимовскаго, а между тѣмъ это покушеніе увѣнчалось успѣхомъ. Были извѣстны ему и другія чрезвычайно серьезныя предпріятія, въ которыхъ опять-таки никакой провокаціи не было замѣтно" (стр. 78). „Комиссія" не сопровождаетъ этого мѣста никакими комментаріями, что въ данномъ случаѣ должно, повидимому, быть равносильнымъ признанію правильности аргументаціи.

Между тѣмъ приведенная категорія данныхъ, прежде всего, относилась главнымъ образомъ не къ доказательству провокаціи именно Азефа, а къ доказательству существованія вообще провокаціи въ центрѣ Партіи. Стало быть, если Ц. К. не считалъ ни въ какомъ случаѣ возможнымъ заподозрить Азефа, то все-же онъ долженъ былъ искать провокатора въ своей средѣ.

Примѣнительно же къ Азефу контръ-аргументація представителей Ц. К. исходила изъ того положенія, что провокаторъ будто *всегда все* выдаетъ; еслибы это было такъ, то никакой провокаторъ не могъ бы пустить прочныхъ корней въ Партіи, ибо онъ на первыхъ же порахъ навлекъ бы на себя подозрѣнія. Что же касается участія Азефа въ покушеніи на Плеве и тому подобныхъ дѣлахъ, то я передъ „Комиссіею по изслѣдованію слуховъ о провокаціи" прежде всего указалъ на возможность того, что Азефъ не въ теченіе всей своей революціонной дѣятельности былъ провокаторомъ, а сталъ имъ съ нѣкотораго момента, и, во-вторыхъ, напомнилъ о возможности соединенія и провокаторства, и революціонной работы въ дѣятельности одного лица, причемъ я сослался на знаменитый прецедентъ дегаевщины. Важно было лишь то, что во всѣхъ боевыхъ дѣлахъ, гдѣ онъ дѣйствительно принималъ участіе, онъ бралъ на себя лишь роль организаторскую, и что, начиная съ 1905 года, большая часть террористическихъ дѣлъ, о которыхъ онъ былъ освѣдомленъ, проваливалась или сводилась на нѣтъ, тогда какъ

наиболѣе успѣшно выполнялись дѣла, о которыхъ онъ не былъ освѣдомленъ.

Правда, представители Ц. К. горделиво провозглашали, что намъ, обвинителямъ, „не была извѣстна крупная роль Азефа въ боевыхъ дѣлахъ первостепенной важности". О, конечно, намъ, не занимавшимъ никакого оффиціальнаго поста въ Партіи, приходилось съ величайшимъ трудомъ и терпѣливо собирать крохи свѣдѣній, служившихъ къ уличенію провокаціи и имѣвшихся въ такомъ изобиліи въ распоряженіи Ц. К-та. Мы, напримѣръ, не имѣли понятія ни о „саратовскомъ письмѣ", ни объ одесскомъ извѣщеніи; мы не знали всѣхъ подробностей содержанія „петербургскаго письма". Еслибы мы имѣли въ рукахъ это драгоцѣнное оружіе, мы съумѣли-бы изъ него сдѣлать надлежащее употребленіе.

Но траги-комизмъ здѣсь заключается въ томъ, что коллегія мужей, выступавшихъ противъ насъ въ сознаніи превосходства своей освѣдомленности объ Азефѣ, какъ коллегія (кромѣ, быть можетъ, отдѣльныхъ ея членовъ), сама оказалась не освѣдомленною даже о существованіи „саратовскаго письма". Нарядили „Комиссію по изслѣдованію слуховъ о провокаціи", надѣлили ее слѣдственными полномочіями, но не сочли даже нужнымъ намекнуть этой комиссіи (въ ея цѣломъ) объ этомъ страшномъ обвинительномъ документѣ противъ Азефа! (Ср. стр. 63-65 „З. С.-С. К.").

Противъ иммунитета главныхъ дѣятелей, принадлежавшихъ къ центру, со стороны полиціи, не смотря на полную извѣстность ихъ охранѣ и частыя и открытыя ихъ выступленія и разъѣзды, Ц. К. ссылался на то, что нѣкоторые его члены все-же были арестованы, а одинъ членъ чуть не былъ арестованъ. Но почему же однако не были ни разу арестованы другіе дѣятели (какъ члены Ц. К., такъ и не-члены Ц. К.) и почему этотъ послѣдній дѣятель только *чуть не* былъ арестованъ? Неприкосновенность Азефа объяснялась его сверхъестественной ловкостью; примѣнимо-ли это объясненіе къ другимъ? Не проще-ли было объяснять, что скорѣе случайны были

аресты (или большая часть ихъ), а не противоположное, — тамъ, гдѣ они не были вынуждены обстоятельствами. Сравнительно мягкія наказанія, которыя постигали арестованныхъ, тоже должны были казаться странными.

„Въ дѣйствительности, говорится въ „Заключеніи“ (стр. 73), изъ свѣдѣній, сообщенныхъ впослѣдствіи бывшимъ чиновникомъ охраннаго отдѣленія Меньщиковымъ, явствуетъ, что по отношенію къ Ц. К-ту у правительства въ разныя времена были разныя намѣренія: былъ „періодъ ликвидаторскій“, когда хотѣли всѣхъ арестовать, былъ періодъ, когда смотрѣли на все сквозь пальцы“. Эта ссылка на Меньщикова — безъ основанія.

Наконецъ, арестъ и казнь Штифтара и Гронскаго, для Ц. К., *могли быть объяснены* оговоромъ прислуги гостинницы на Иматрѣ. Но какъ прислуга могла оговорить ихъ конкретное участіе именно въ убійствѣ Лауница, совершенномъ въ Петербургѣ?

* * *

Ко *второй* категоріи данныхъ, собранныхъ Конспиративною Комиссіею для доказательства существованія провокаціи въ центрѣ Партіи, относится логическій анализъ всѣхъ обстоятельствъ провала Сѣвернаго Боевого Отряда въ началѣ 1908 года и фактовъ, предшествовавшихъ этому провалу, но находящихся съ нимъ въ связи.

Что Сѣверный Боевой Отрядъ былъ выданъ Азефомъ, это теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Лопухина, при перечисленіи заслугъ Азефа передъ охраною, упоминается и объ этомъ его дѣяніи.

Аргументація Конспиративной Комиссіи, стало быть, и въ этомъ отношеніи была совершенно безошибочна.

Эта аргументація изложена въ „Заключеніи“ до такой степени неполно и неумѣло, что сущность ея совершенно извращена. Сознавала-ли „Судебно-Слѣдственная Комиссія“, что *подобный* способъ изложенія

является фальсификаціею свидѣтельствъ и документовъ?

Контръ-аргументація представителей Ц. К., въ отношеніи вопроса о провалѣ Сѣвернаго Боевого Отряда, сводилась на то, что этотъ провалъ *могъ быть объясненъ* предательствомъ Масокина и свѣдѣніями, добытыми охраною при арестѣ и обыскѣ у Карла.

Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, что еслибы точка зрѣнія Ц. К. была вѣрна, то, такъ-какъ предательство Масокина и арестъ Карла произошли и стали извѣстны *задолго до провала* Сѣв. Боевого Отряда, Ц. К., согласно своей собственной точкѣ зрѣнія, долженъ былъ предвидѣть провалъ и считать его неизбѣжнымъ, и что, слѣдовательно, не наложивъ veto на новый планъ членовъ Боевого Отряда, Ц. К. не только не выполнилъ своей самой неотложной обязанности, но и дѣйствовалъ противъ требованія самой элементарной гуманности.

Сейчасъ для насъ существенное значеніе имѣетъ то, что въ своей аргументаціи — и передъ „Комиссіею по изслѣдованію слуховъ о провокаціи“, и въ своей запискѣ — я усиленно настаивалъ на томъ, что *ни предательство Масокина, ни результаты обыска у Карла не могутъ всецѣло объяснить провала*, и приводилъ этому доказательства. Въ „Заключеніи“ излагается точка зрѣнія Ц. К., но моя критика этой точки зрѣнія совершенно игнорируется.

Прежде всего, въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Сѣв. Боевого Отряда прямо говорится о полученіи полиціею свѣдѣній о готовящемся покушеніи. Она не могла узнать о немъ ни отъ Масокина, ни изъ бумагъ Карла, такъ-какъ самый планъ этого покушенія на Николая Николаевича и Щегловитова возникъ значительно позже, на смѣну плановъ, отъ которыхъ пришлось отказаться именно въ виду выдачъ Масокина и ареста Карла.

Масокинъ не зналъ о планѣ покушенія въ Госуд. Совѣтѣ и, слѣдовательно, не могъ этого плана выдать. Что касается бумагъ, захваченныхъ у Карла, то нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ были похищены революціонерами еще передъ тѣмъ, какъ онѣ по-

пали въ русскую охрану; въ числѣ же остальныхъ бумагъ, единственный документъ, который имѣлъ отношеніе къ готовившемуся покушенію въ Госуд. Совѣтѣ, это былъ планъ Гос. Совѣта, съ обозначеніемъ мѣстъ, занимаемыхъ министрами. Но этотъ планъ если и могъ наводить на мысль о томъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ готовилось какое-то покушеніе, не могъ быть достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы утверждать *оффиціально*, какъ это дѣлалось, что въ Государственномъ Совѣтѣ готовился именно *взрывъ*. Указаніе въ рѣчи Столыпина, по поводу финляндскаго запроса правыхъ, на значеніе именно ареста Карла для предотвращенія готовившагося взрыва представлялось весьма вѣроятною диверсіею; но возможно, что провокація пришла *въ этомъ дѣлѣ* на помощь охранѣ ужъ послѣ ареста Карла.

Но главное — не въ этомъ.

Главное значеніе для моей аргументаціи имѣлъ тотъ фактъ, что *охрана была освѣдомлена не только о готовившемся взрывѣ съ Госуд. Совѣтѣ, но и о планѣ самого покушенія и объ одномъ изъ исполнителей—Лебединцевѣ (Маріо Кальвино)*, томъ самомъ, который былъ арестованъ потомъ вмѣстѣ съ другими членами Сѣв. Боевого Отряда при послѣднемъ покушеніи на вел. кн. Николя Николаевича и Щегловитова.

Масокинъ не могъ выдать Лебединцева потому, что онъ его не зналъ и, вѣроятно, никогда не видѣлъ.

Въ бумагахъ Карла никакихъ указаній на личность Лебединцева, конечно, не было.

Между тѣмъ, приблизительно въ моментъ внесенія правыми запроса въ Госуд. Думу, въ газетахъ стали появляться извѣстія о введеніи въ Государственномъ Совѣтѣ крайне строгихъ мѣръ надзора по отношенію къ представителямъ печати, имѣвшимъ доступъ въ залу засѣданій: *отнимали портфели, сличали фотографическія карточки* газетныхъ корреспондентовъ, и пр.

Чтобы понять все значеніе этого факта, слѣдовало принять во вниманіе не только то, что Лебединцевъ жилъ въ Петербургѣ подъ видомъ итальянца, кор-

респондента заграничныхъ изданій. Надо принять въ особенности то во вниманіе, что, насколько извѣстно, планъ Лебединцева и его товарищей заключался въ томъ, чтобы въ теченіе нѣкотораго времени вводить въ залу засѣданій Госуд. Совѣта, подъ видомъ корреспондентовъ, подставныхъ людей, невинныхъ въ политическомъ отношеніи, а *въ рѣшительный день замѣнить ихъ террористами, которые должны были имѣть разрывные снаряды въ корреспондентскихъ портфеляхъ*.

То, что у газетныхъ корреспондентовъ стали при входѣ отнимать ихъ портфели и сличать фотографическія карточки, указывало самымъ очевиднымъ образомъ на освѣдомленность охраны о выработанномъ планѣ покушенія.

Или, быть можетъ, Лебединцева *выслѣдили?* Быть можетъ, *догадались*, что онъ долженъ принимать участіе въ покушеніи? Быть можетъ, *догадались*, что хотятъ подмѣнить мнимыхъ корреспондентовъ и ввести въ залу террористовъ, не смотря на несоотвѣтствіе фотографическихъ карточекъ? Быть можетъ, *догадались*, что хотятъ пронести въ залу бомбы? Быть можетъ, *догадались*, что бомбы должны были лежать въ корреспондентскихъ портфеляхъ? Тогда все это *могло быть объяснено* иначе.

Конечно, такое объясненіе было возможно, но лишь какъ *логическій бредъ*.

Ужъ тогда заграничнымъ друзьямъ Лебединцева, обратившимъ вниманіе на всѣ эти странныя совпаденія, казалось въ высшей степени вѣроятнымъ, что Лебединцевъ и его товарищи — въ сѣтяхъ охраны, поддерживаемой провокаціею и ждущей удобнаго момента для уловленія своей добычи. Это имъ казалось до такой степени несомнѣннымъ, что они стали умолять Лебединцева пріѣхать хоть на короткое время за-границу для переговоровъ и съ цѣлью избѣжанія катастрофы. Лебединцевъ ужъ было согласился, и за-границею со дня на день ждали его пріѣзда (см. статью о Лебединцевѣ въ № 11-12 заграничнаго „Былого“).

Такимъ образомъ, по всѣмъ даннымъ, насколько

можно было судить по его перепискѣ съ друзьями, Лебединцевъ не долженъ былъ принимать участія во вновь задуманномъ покушеніи на вел. князя и на Щегловитова. Какъ въ послѣдній моментъ онъ оказался въ числѣ другихъ участниковъ этого дѣла, осталось и остается неизвѣстнымъ.

Въ день провала онъ былъ арестованъ на улицѣ съ бомбою въ рукахъ.

Когда давно намѣченныя жертвы попали въ когти охраны, послѣдняя ужъ не скрывала, что ей извѣстно многое изъ прошлыхъ попытокъ взятыхъ террористовъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ казни Лебединцева и его товарищей, въ октябристской газетѣ „Голосъ Москвы“ появилась статья „Тайна повѣшеннаго“, несомнѣнно написанная охранникомъ или инспирированная охраною. Статья эта была посвящена Лебединцеву, и въ ней ложь перемѣшана съ правдою. Но та доля правды, которая заключалась въ письмѣ, свидѣтельствовала самымъ очевиднымъ образомъ, что охрана знала не только о роли Лебединцева въ предполагавшемся взрывѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, но и о нѣкоторыхъ другихъ его планахъ, не приведенныхъ въ исполненіе по разнымъ причинамъ.

Появленіе этой статьи вслѣдъ за гибелью Сѣвернаго Боевого Отряда и сопоставленіе данныхъ этой статьи съ свѣдѣніями о дѣйствительныхъ замыслахъ Лебединцева и съ мѣрами надзора, принятыми полиціею осенью 1907 года относительно газетныхъ корреспондентовъ въ Гос. Совѣтѣ, играли центральную роль въ моихъ доказательствахъ существованія провокаціи въ центрѣ Партіи. На значеніе статьи въ „Голосѣ Москвы“ я обращалъ усиленное вниманіе и въ своихъ устныхъ показаніяхъ передъ „Комиссіею по изслѣдованію слуховъ о провокаціи“, и въ „Запискѣ“, представленной лѣтомъ 1908 года Центральному Комитету. Говорилъ я обо всемъ этомъ и „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“. И все это было безполезно.

* *

Къ *третьей* категоріи доказательствъ, которыя систематизировала Конспиративная Комиссія, относятся весьма важныя свѣдѣнія Бакая и нѣкоторыя другія свѣдѣнія объ Азефѣ и его поведеніи, сообщенныя намъ Бурцевымъ.

Изъ разсказовъ Бакая слѣдовало, во-цервыхъ, то, что въ Партіи С.-Р. существовалъ крайне важный провокаторъ Раскинъ-Виноградовъ, котораго необыкновенно высоко ставила информируемая имъ охрана. Во-вторыхъ, согласно этимъ свѣдѣніямъ, охранники жаловались на то, что жандармъ Кременецкій выдалъ революціонерамъ двухъ провокаторовъ — Татарова и Виноградова. Въ-третьихъ, согласно тѣмъ же свѣдѣніямъ, Раскинъ-Виноградовъ ѣздилъ, въ сопровожденіи Мѣдникова и филеровъ, на свиданіе къ одному „варшавскому инженеру“ въ 1904 г.

Сопоставленіе этихъ данныхъ съ „петербургскимъ письмомъ“ указывало на тождество Виноградова и Азефа.

Опросъ „варшавскаго инженера“ могъ также служить установленію личности Раскина-Виноградова, что и было сдѣлано, по настояніямъ Бакая, Бурцевымъ. Новое совпаденіе: оказалось, что къ „варшавскому инженеру“ на свиданіе ѣздилъ Азефъ.

Въ отношеніи свѣдѣній Бакая, контръ-аргументація Ц. К-а сводилась, какъ извѣстно, во-первыхъ, къ недовѣрію, возбуждаемому нѣкоторыми „противорѣчіями“ въ данныхъ Бакая (объ этомъ см. стр. 21), и, во-вторыхъ, къ тому, что вообще вся роль Бакая *можетъ быть объяснена* тѣмъ, что онъ подосланъ департаментомъ полиціи для дискредитированія Азефа, какъ тѣмъ же *могли быть объяснены* „петербургское письмо“, данныя „сататовскаго письма“ и пр.

Передъ тѣмъ какъ перейти къ разбору оцѣнки матеріала, сдѣланнаго „Комиссіею“, здѣсь умѣстно сдѣлать одно замѣчаніе pro domo sua.

Конспиративная Комиссія собирала всѣ данныя, какія только могли способствовать выясненію вопроса о существованіи провокаціи въ Партіи и въ частности объ Азефѣ, не заботясь объ установленіи „авторскихъ правъ“ тѣхъ или другихъ добытыхъ свѣдѣній. Мы

работали исключительно въ интересахъ революціоннаго дѣла. Мы сознавали свою обязанность. Мы рѣшили не допустить ни въ какомъ случаѣ новыхъ гекатомбъ террористовъ, закалываемыхъ на алтарѣ провокаціи, благодаря безумному гипнозу Ц. К-а, неспособнаго видѣть и не хотѣвшаго ничего слышать.

Мы не предвидѣли, что впослѣдствіи этотъ вопросъ сдѣлается предметомъ рекламы и саморекламы.

Но это произошло. Сейчасъ же послѣ оффиціальнаго признанія провокаціи Азефа, одинъ изъ представителей Ц. К., на полу-публичномъ докладѣ о дѣлѣ Азефа, высказалъ, въ отвѣтъ на одинъ заданный ему вопросъ, ни болѣе ни менѣе какъ то, что *вся* аргументація Конспиративной Комиссіи представляла собою *лишь* повтореніе Бурцевской аргументаціи. Былъ-ли это своеобразный адвокатскій пріемъ самозащиты или „тонкій“ политическій разсчетъ? Какъ бы то ни было, подобная версія одной главы изъ исторіи раскрытія Азефской провокаціи не исчезла безслѣдно. Какъ и слѣдовало ожидать, *частичное* ея вліяніе отразилось и въ „Заключеніи С.-С. Комиссіи“ (стр. 75 и 79).

Въ виду этого, здѣсь представляется умѣстнымъ категорически заявить, что изъ данныхъ, которыя были собраны и систематизированы Конспиративною Комиссіею относительно провокаціи, она, Конспиративная Комиссія, отъ Бурцева получила только *данныя третьей категоріи*, т. е. свѣдѣнія Бакая и нѣкоторыя свѣдѣнія о вызывающе-неконспиративномъ поведеніи Азефа въ Россіи, которое тогда его друзья считали доказательствомъ его сверхъ-естественной ловкости. И если въ аргументаціи Бурцева оказались, помимо доказательствъ, основанныхъ на свѣдѣніяхъ Бакая, пункты, сходные съ нашими аргументами, то *не мы* повторяли *его*.

Лично я сталъ подозрѣвать о существованіи центральной провокаціи еще въ 1906 году. Мои подозрѣнія усилились въ началѣ 1907 года, послѣ суда надъ Штифтаромъ и Гронскимъ, Лѣтомъ того же года я узналъ отъ Бурцева о свѣдѣніяхъ Бакая касательно Раскина-Виноградова. Мои гипотезы стали перехо-

дить въ увѣренность осенью 1907 года, послѣ ареста Карла и извѣстій, связанныхъ со слухами о предполагавшемся взрывѣ въ Государственномъ Совѣтѣ. А послѣ провала СѢв. Боеваго Отряда всякія сомнѣнія для меня исчезли. О полученіи Партіей С.-Р. „петербургскаго письма“ намъ стало извѣстно лишь послѣ смерти Гершуни.

Послѣ провала СѢв. Боеваго Отряда я рѣшилъ, что надо открыть энергичную кампанію. Немедленно была внесена въ Парижскую Группу Соціалистовъ-Революціонеровъ резолюція о существованіи провокаціи въ Партіи, которая и была единогласно принята. Это былъ первый оффиціальный актъ начавшейся борьбы противъ провокаціи. Резолюція эта была разослана другимъ группамъ и сообщена Ц. К-ту. И послѣ этой оффиціальной постановки вопроса и требованія съ нашей стороны тщательнаго разслѣдованія, Ц. К. сталъ говорить, что мы “тоже распростаняемъ *слухи*“(!) о существованіи провокаціи („З. С.-С. К.“, стр.), притомъ „слухи деморализующіе“ (стр. 83). Вслѣдъ за Ц. К. ту же характеристику рабски, по принятому „методу“, повторяетъ и „Суд.-Слѣдственная Комиссія“, которая, слѣдуя тому же „методу“, ни однимъ словомъ, конечно, не обмолвилась объ этой оффиціальной резолюціи. Такъ творится судъ, такъ пишется исторія!

Одновременно съ резолюціей о провокаціи, было внесено въ П. Г. С.-Р. предложеніе объ избраніи особой комиссіи для собиранія свѣдѣній и матеріаловъ, особенно конспиративнаго свойства, важныхъ въ отношеніи раскрытія провокаціи. Образованная такимъ образомъ комиссія (въ составъ которой вошелъ и я) и получила потомъ, краткости ради, названіе „Конспиративной Комиссіи“.

Все это было въ началѣ 1909 года. Наиболѣе существенными данными о провокаціи мы располагали уже въ въ февралѣ 1908 года, а наиболѣе значительною частью ихъ еще до оффиціальнаго формированія Комиссіи.

Со времени образованія Конспиративной Комиссіи, Бурцевъ обыкновенно участвовалъ въ ея засѣданіяхъ,

какъ бы въ качествѣ неоффиціальнаго ея члена. Дѣло было общее. Мы обмѣнивались свѣдѣніями, мнѣніями, впечатлѣніями. Часто обсуждался вмѣстѣ планъ дѣйствій. Появившійся впослѣдствіи въ № 4 „Рев. Мысли“ отчетъ объ „Исторія раскрытія провокаціи“ прошелъ и съ одобренія Бурцева, который сдѣлалъ притомъ нѣкоторыя измѣненія въ части, касающейся его; если въ этой статьѣ и остались какія-нибудь неточности, касающіяся его свѣдѣній и его дѣятельности, то онѣ всецѣло лежатъ на отвѣтственности Бурцева.

Несомнѣнная заслуга Бурцева состояла въ томъ, что онъ придалъ серьезное значеніе свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ случайно обратившагося къ нему Бакая, что онъ стойко держалъ себя въ тов. надъ нимъ судѣ, и что онъ потомъ добился разоблаченій Лопухина.*)

Таковы были элементы и данныя работы, накопленіе которыхъ повела къ раскрытію провокаціи. Послѣ провала Сѣвернаго Боевого Отряда, для насъ не оставалось уже сомнѣнія въ томъ, что въ центрѣ Партіи С.-Р. существуетъ провокація. И не надо было обладать геніемъ, чтобы послѣ сличенія данныхъ Бакая о Татаровѣ-Виноградовѣ съ данными „петербургскаго письма“ о Татаровѣ-Азефѣ и послѣ установленія личности того, кто ѣздилъ въ 1904-омъ году къ „варшавскому инженеру“, придти къ выводу, что провокаторъ именно и есть Азефъ. Но нужна была вся экстраординарная психологія центра Партіи С.-Р., чтобы не видѣть того, что было такъ очевидно.

Въ теченіе цѣлаго 1908-го года наша маленькая группа работала, оставаясь единственнымъ піонеромъ въ области разрѣшенія наболѣвшаго вопроса. Въ оффиціальныхъ кругахъ Партіи мы нигдѣ не встрѣчали ни отклика, ни сочувствія, ни поддержки. Наоборотъ, много вражды, ненависти, клеветы.... Но кто знаетъ, была ли бы безъ насъ провокація оффиціально разоблачена.

---

*) С поведеніи Бурцева послѣ оффиціальнаго разоблаченія провокаціи Азефа смотри «Приложеніе» въ концѣ настоящей брошюры.

Послѣ этой исторической справки мы можемъ вернуться обратно къ процессу по дѣлу азефщины.

Глава IV.

О томъ, какъ «Судебно-Слѣдственная Комиссія» творила судъ.

Мы видѣли до сихъ поръ „Судебно-Слѣдственную Комиссію“ въ роли *слѣдователя*. Посмотримъ теперь, какъ она выполняла свою миссію *судьи*.

Прежде всего предстояло рѣшить вопросъ: какова персональная отвѣтственность лицъ и учрежденій Партіи въ дѣлѣ Азефа?

Отвѣтственность главнымъ образомъ заключалась въ томъ, что *Азефъ совершенно не былъ устраненъ изъ Партіи*, не смотря на массу накопившихся серьезныхъ данныхъ.

Циркуляръ Департамента Полиціи о революціонерахъ-аграрникахъ, разоблаченный въ „Извѣстіяхъ Бунда“ въ 1904 г. Подозрѣнія и данныя объ Азефѣ, сообщенныя въ Шлиссельбургѣ Мельниковымъ Гершуни. „Петербургское письмо“ 1905 года, разоблачавшее и Татарова, и Азефа. Одесское извѣщеніе о провокаціи. „Саратовское письмо“, дававшее новыя данныя о провокаціи Азефа въ 1906 году. Безсиліе Б. О. въ теченіе 1905 и 1906 годовъ. Рядъ удачныхъ предпріятій боевыхъ отрядовъ, въ которыхъ Азефъ не участвовалъ. Свѣдѣнія Бакая о провокаторѣ Раскинѣ-Виноградовѣ и совпаденіе его сообщеній о жалобахъ на Кременецкаго съ фактомъ полученія Партіею „петербургскаго письма“: совпаденіе четы „Татаровъ-Виноградовъ“ съ четою „Татаровъ-Азефъ“. Сообщеніе Рысса о провокаціи Азефа. Загадочный арестъ и казнь Штифтара и Гронскаго. Загадочный полицейскій иммунитетъ Азефа и нѣкоторыхъ виднѣйшихъ дѣятелей Партіи. Арестъ Карла и загадочныя мѣры охраны въ Государственномъ

Совѣтѣ. Трагическій провалъ, въ самыхъ загадочныхъ обстоятельствахъ, всего Сѣв. Боевого Отряда. Резолюція Парижской Группы С.-Р. и данныя Конспиративной Комиссіи. Новыя данныя о поѣздкѣ Азефа къ „варшавскому инженеру“ въ 1904 году... Цѣлый Монбланъ данныхъ!

Даже обстоятельства провала томской типографіи въ 1901 году и тщательное ихъ разслѣдованіе должны были навести подозрѣніе о существованіи провокаціи. То, что въ этомъ дѣлѣ оказалась предательница Вербицкая, не могло объяснить ареста этой самой Вербицкой (ср. „Заключеніе“, стр. 19). Слѣдовало поставить себѣ и вопросъ о томъ, почему дѣло было изъято изъ вѣдѣнія мѣстныхъ жандармовъ и передано московскому жандармскому управленію: дознаніе велъ московскій жандармъ Смидовичъ, который и добился признаній Вербицкой. Азефъ жилъ и „работалъ“ въ Москвѣ!

Ц. К. противопоставлялъ всѣмъ даннымъ и уликамъ одинъ доводъ: всѣ факты *могли быть объяснены* иначе. Такъ, „петербургское письмо“ *могло быть объяснено* интригою охраны, стремившейся дискредитировать несравненнаго Азефа, цѣною хотя-бы выдачи своего собственнаго провокатора Татарова. Одесское сообщеніе *могло быть объяснено* подобною-же интригою. „Саратовское письмо“ *могло быть объяснено*, какъ продложеніе той-же тактики Департамента Полиціи, направленной на дискредитированіе неуловимаго Азефа. Бездѣятельность и безсиліе Б. О. *могли быть объяснены* рутинною постановкою боевого дѣла. Свѣдѣнія Бакая *могли быть объяснены* тѣмъ, что онъ подосланъ охраною. Самая неуязвимость Азефа *могла быть объяснена* его сверхъестественнымъ конспиративнымъ искусствомъ. Неуязвимость для полиціи другихъ видныхъ членовъ Ц. К. и дѣятелей Партіи *могла быть объяснена* другими причинами. Провалъ Сѣвернаго Боевого Отряда *могъ быть объясненъ* предательствомъ Масокина и бумагами, отобранными у Карла. Обвиненія, систематизированныя въ 1908 г., *могли быть объяснены* тѣмъ, что обвинители являлись безсознательнымъ орудіемъ Департамента По-

лиціи. Другія улики и обвиненія *могли вообще чѣмъ-нибудь быть объяснены.* Даже свѣдѣнія Лопухина *могли быть объяснены* тѣмъ, что онъ продолжаетъ работать для Департамента Полиціи.

Со стороны *логической*, подобная аргументація Ц. К. страдала чудовищнымъ непониманіемъ категоріи *сложной вѣроятности.* Если натянутое объясненіе и могло быть допустимо по отношенію къ одной изъ уликъ, то примѣненіе подобныхъ объясненій къ цѣлому ряду разнородныхъ данныхъ и уликъ должно было казаться *въ высшей степени невѣроятнымъ.*

Но важнѣе всего, конечно, *практическія послѣдствія*, которыя должны были вытекать изъ всѣхъ этихъ данныхъ и уликъ. Въ научныхъ теоріяхъ одна гипотеза можетъ быть предпочтена другой, какъ дающая болѣе правдоподобное, болѣе вѣроятное объясненіе, или же всѣ имѣющіяся въ распоряженіи гипотезы отбрасываются, какъ несостоятельныя. Но въ прикладной области знаній гипотеза, которая даже не можетъ опереться на точно доказанные факты, принимается во вниманіе — когда въ ея пользу даже говоритъ только слабая вѣроятность — въ томъ случаѣ, если полное игнорированіе ея на практикѣ можетъ грозить опасностью или вообще нежелательными послѣдствіями. Если, напр., есть хоть малѣйшее опасеніе, что новый химическій продуктъ обладаетъ ядовитыми свойствами, то допущеніе его въ качествѣ питательнаго вещества не будетъ имѣть мѣста до тѣхъ поръ, покамѣстъ не будетъ неопровержимо доказано противоположное.

Въ подобныхъ случаяхъ onus probandi лежитъ на тѣхъ, которые отрицаютъ возможность опасности или ущерба. До того момента, когда подобное доказательство дано, обязательны *мѣры предосторожности.*

Ц. К. совершенно не думалъ о томъ, что, противопоставляя всѣмъ даннымъ и уликамъ свои *возможныя объясненія*, онъ этимъ отнюдь не доказалъ, что противоположныя объясненія, основанныя на признаніи существованія въ Партіи провокаціи, *невозможны.*

Но если такъ, то опасность провокаціи въ средѣ

Ц. К. оставалась. И Ц. К. не имѣлъ права подвергать риску дѣло и людей, покрывая себя *воозможностью* своего оффиціальнаго объясненія. На его обязанности лежало не отдѣлываться бюрократическими отписками, а принять немедленно же *необходимыя мѣры предосторожности.*

Но въ средѣ Ц. К. единственный человѣкъ, на котораго указывали улики и который, въ силу своего моральнаго облика, могъ вызывать подозрѣнія, былъ Азефъ. Даже въ числѣ членовъ Ц. К. былъ одинъ, а именно Ch. („Заключеніе", стр. 60 и 68), который давно уже относился къ Азефу съ недовѣріемъ. Съ другой стороны, оставленіе Азефа въ центрѣ Партіи грозило, именно въ виду его положенія, величайшими опасностями, разъ была хоть тѣнь сомнѣнія и недовѣрія. Обязанность Ц. К. была совершенно отстранить Азефа отъ партійной работы вплоть до полнаго выясненія вопроса о его невинности или — виновности.

Если же Ц. К., питая абсолютное довѣріе къ Азефу, не хотѣлъ устранять его изъ своей среды, то онъ не имѣлъ права октроировать *своего* довѣрія участникамъ дѣлъ, къ которымъ имѣлъ соприкосновеніе или о которыхъ могъ быть освѣдомленъ Азефъ. Ц. К. не имѣлъ права злоупотреблять довѣріемъ героевъ, шедшихъ въ бой, но не знавшихъ о кошмарѣ подозрѣній, тяготѣвшихъ надъ центромъ и надъ однимъ изъ его членовъ. Ц. К. не имѣлъ права пустить въ оборотъ капиталъ человѣческихъ жизней подъ гарантіей лишь векселя *своего* довѣрія къ Азефу. Онъ былъ обязанъ, передъ каждымъ новымъ шагомъ, предупреждать людей: „Но знайте, что существуетъ «петербургское письмо», что существуетъ «саратовское письмо», что существуютъ подозрѣнія Мельникова, что имѣется показаніе Татарова, что имѣется обвиненіе Рысса, что существуетъ масса другихъ обличительныхъ данныхъ противъ Азефа, что членъ Ц. К-та Ch. ему не довѣряетъ, но что мы абсолютно довѣряемъ Азефу, что мы оставляемъ его въ нашей средѣ, и что онъ освѣдомленъ о вашемъ предпріятіи. Теперь дѣйствуйте какъ хотите". Тогда

люди, если и шли-бы на бойню, то по крайней мѣрѣ въ полной освѣдомленности объ опасности, въ полномъ сознаніи предстоящаго риска...

Ц. К. не исполнилъ своей обязанности. Онъ оставлялъ Азефа до конца въ центрѣ дѣлъ. Онъ продолжалъ посылать въ бой людей, не знавшихъ о подозрѣніяхъ, надъ нимъ тяготѣвшихъ. Онъ защищалъ Азефа до послѣдняго момента. И въ самый послѣдній моментъ, когда пришлось согласиться съ горькою истиною, Ц. К. ухитрился дѣйствовать такъ, что провокаторъ скрылся и до сихъ поръ остался безнаказаннымъ.

Вотъ почему на этомъ Ц. К. тяготѣетъ самая страшная отвѣтственность, какую когда-либо въ исторіи испытывали руководители революціонныхъ партій. Какъ бы ни были значительны заслуги дѣятелей Ц. К. въ прошломъ, но они виновны въ томъ, что загублены драгоцѣнныя жизни, и напрасно пролита кровь жертвъ Азефа. Они виновны въ томъ, что безъ пользы для дѣла были убиты Никитенко и Синявскій, Лебединцевъ и Синегубъ, и многіе другіе мученики сложили свои головы, заранѣе обреченные на смерть провокаціею. Они виновны въ допущеніи разгрома боевыхъ силъ, въ томъ, что моментъ былъ потерянъ, въ томъ, что Партія была дискредитирована, въ томъ, что самый терроръ былъ дискредитированъ, въ томъ, что общественная совѣсть *такъ* померкла, а въ революціонной средѣ *такъ* пышно расцвѣли плоды безпомощности, отчаянія и деморализаціи...

* *
*

Отъ „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ не слѣдовало, конечно, ожидать ни надлежащей оцѣнки аргументаціи Ц. К-та *въ ея цѣломъ*, ни надлежащей въ особенности оцѣнки *дѣйствій* Ц. К-та, насколько они вытекали изъ *логической* позиціи, которую принялъ и которой держался все время центръ Партіи.

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“ не только не опредѣляетъ, что собственно долженъ былъ дѣлать съ самаго начала Ц. К., но въ нѣкоторыхъ случаяхъ

даже опредѣленно выноситъ апологію тому, что послѣдній дѣйствительно дѣлалъ.

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“ не осмѣлилась даже назвать своего труда *приговоромъ*. Она его назвала „Заключеніемъ“.

Въ этомъ „Заключеніи“ она разсказываетъ (или умалчиваетъ) факты и отъ времени до времени сопровождаетъ изложеніе этихъ фактовъ отеческими замѣчаніями или нравоученіями, сильно напоминающими изреченія Козьмы Пруткова. Страшная трагедія азефщины въ оцѣнкѣ Козьмы Пруткова!

Мы уже знаемъ, что „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ совершенно игнорируетъ сообщенія Мельникова и Рысса. Почему они въ свое время не были приняты во вниманіе Ц. К-омъ? Почему сама „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ не занялась этимъ вопросомъ? Объ этомъ въ „Заключеніи“ — *ни слова*.

Извѣстно, какое употребленіе Ц. К. сдѣлалъ изъ „петербургскаго письма“. Примѣнить какую-либо *моральную санкцію* къ этому акту Ц. К-та „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ *не сочла нужнымъ*. Значитъ, все было въ порядкѣ вещей!

Далѣе, почему тѣ, которые получили это письмо, начали съ нарушенія поставленныхъ въ письмѣ требованій и условій? Вѣдь этимъ преграждалась возможность полученія дальнѣйшихъ свѣдѣній изъ того же источника. Благодаря подобной некорректности къ информатору, Азефъ немедленно же узналъ, что изъ охраны о немъ посылаются революціонерамъ свѣдѣнія. Какъ потомъ стало извѣстно, карьера автора письма Менщикова была сломана, вслѣдствіе жалобъ Азефа въ Департаментѣ Полиціи и возникшихъ сомнѣній относительно Менщикова. Дѣйствовать такъ было и нечестно, и противно интересамъ Партіи, которая лишалась возможности получать новыя цѣнныя свѣдѣнія. Подобный образъ дѣйствій былъ крайне предосудителенъ. Но „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ объ этомъ не говоритъ *ни слова*.

Почему, далѣе, не была сдѣлана попытка вступить въ сношенія съ авторомъ письма тѣмъ путемъ, какой послѣдній предлагалъ? Вѣдь Партія тогда ни-

чѣмъ-бы не рисковала, тогда какъ перспективы дальнѣйшихъ раазоблаченій оставались-бы открыты. Даже непоколебимая вѣра въ Азефа не оправдывала въ данномъ случаѣ воздержанія, ибо ничего, сверхъ пользы, изъ такой переписки произойти не могло. „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ этотъ вопросъ *совершенно обошла мимо.*

Что касется употребленія, сдѣланнаго изъ „саратовскаго письма“, то „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ говоритъ по этому поводу слѣдующее въ своемъ „Заключеніи“: „Если сопоставить упоминаемое въ письмѣ бѣгство участниковъ съѣзда, среди которыхъ была Бабушка, съ указаніемъ „петербургскаго письма“ на выдачу Бабушки Азефомъ, если принять во вниманіе, что присутствіе Азефа въ Саратовѣ въ указанное время было вполнѣ извѣстно, то необходимость немедленнаго и строжайшаго разслѣдованія всѣхъ этихъ указаній кажется вполнѣ очевидной. Такому разслѣдованію письмо однако не было подвергнуто“ (стр. 63). Но Азефа, Азефа-то слѣдовало оставлять въ Ц. К. и Б. О.?

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“ тщательно избѣгаетъ того, чтобы квалифицировать отвѣтственность Ц. К-та за то или другое рѣшеніе, то или другое дѣйствіе (или „недѣланіе“), въ видѣ моральной санкціи, произнесенной судомъ. Но вотъ одинъ изъ членовъ Ц. К., а именно Я., излагая выводъ, сдѣланный въ 1906 году Ц. К-омъ относительно „саратовскаго письма“, называетъ этотъ выводъ *наивнымъ*, „какъ мы теперь видимъ“ (стр. 64). Въ этомъ умилительномъ самобичеваніи высокопоставленнаго подсудимаго „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ усмотрѣла разрѣшеніе свыше. И достопочтенные судьи, члены Комиссіи, стали вторить: да, дѣйствительно, „наивное объясненіе“, какъ сами изволили выразиться (стр. 66 и 67)...

„Нѣкоторое движеніе письму все таки было дано, а именно Гершуни поручилъ разслѣдованіе этого дѣла одному изъ саратовскихъ товарищей. Къ сожалѣнію, этотъ товарищъ былъ вскорѣ арестованъ и никакого разслѣдованія произвести не успѣлъ...

Нельзя однако при всемъ томъ не признать, что письмо это, при объективно-критическомъ отношеніи къ нему, заслуживало со стороны Ц. К. несравненно большаго вниманія, чѣма это ему было оказано" („З. С.-С. К.", стр. 69). Какой нѣжный репримандъ! *Канцелярски-бюрократическаго* метода веденія страшно серьезнго дѣла, заглохшаго послѣ смерти Гершуни, „Судебно-Слѣдственная Комиссія" даже не замѣчаетъ и на немъ не останавливается.

„Саратовское письмо" осталось неизвѣстнымъ до конца многимъ членамъ Ц. К-та. Оно, повидимому, осталось неизвѣстнымъ до конца второму главѣ Б. О., бывшему члену Ц. К-та Ц. (стр. 52 и 63-65). Оно осталось неизвѣстнымъ „Комиссіи по изслѣдованію слуховъ о провокаціи", какъ коллегіи. Легко вообразить, какія послѣдствія должно было имѣть это обстоятельство и для отношенія къ Азефу лицъ, не знавшихъ о „саратовскомъ письмѣ", и для „изслѣдованія слуховъ о провокаціи". Трудно представить себѣ болѣе бюрократическій по сути и гибельно-жестокій по послѣдствіямъ способъ веденія дѣла. Въ самомъ Ц. К., оказывается, была іерархія: были привилегированные члены, перваго класса, которые знали все, и другіе, второго класса, которые далеко не всегда были въ курсѣ дѣлъ. Одинъ изъ членовъ Ц. К-та У., второй категоріи, жалуется на подобные нравы въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Вообще вся саратовская исторія была мнѣ неизвѣстна вплоть до самаго послѣдняго времени, т. е. до разбора провокаціи Азефа въ Парижѣ. Этотъ фактъ служитъ лишнимъ доказательствомъ, какъ мало вниманія удѣлялось Ц. К-омъ разнаго рода документамъ, такъ-что содержаніе ихъ даже не сообщалось наиболѣе, казалось, близкимъ людямъ (членамъ Ц. К.), а съ другой стороны, характеризуетъ слабость коллегіальнаго начала въ центральномъ учрежденіи Партіи" („З. С.-С. К.", стр. 63). „Судебно-Слѣдственная Комиссія", конечно, *прошла мимо* зрѣлища этой язвы *бюрократизма* въ революціонной партіи. Только въ концѣ своего „Заключенія" она высказала скромное пожеланіе о необходимости „болѣе строгаго проведенія колле-

гіальнаго принципа въ рѣшеніяхъ партійныхъ организацій, особенно въ Центральномъ Комитетѣ" (стр. 96).

„Судебно-Слѣдственная Комиссія" совершенно не остановилась на томъ обстоятельствѣ, что свѣдѣнія Бакая о „Раскинѣ-Виноградовѣ" были доставлены Ц. К-ту черезъ Бурцева еще въ 1906 и 1907 году. Еще задолго до провала Сѣв. Боевого Отряда Ц. К. зналъ, изъ разоблаченій Бакая, о жалобахъ охранниковъ на выдачу Кременецкимъ революціонерамъ Татарова и Виноградова. Ни Бурцевъ, ни я тогда не знали еще о существованіи „петербургскаго письма". Но Ц. К. могъ тогда уже сличить данныя Бакая съ обстоятельствомъ полученія революціонерами этого письма. Въ своемъ „Заключеніи", „Судебно-Слѣдственная Комиссія", какъ мною уже замѣчено, ни слова не говоритъ объ инцидентѣ съ жалобою на Кременецкаго, хотя это — фактъ въ высшей степени серьезный и существенный. „Судебно-Слѣдственная Комиссія" пріурочиваетъ свое сужденіе о данныхъ Бакая и объ употребленіи, которое изъ нихъ сдѣлалъ Ц. К., къ 1908-му году, когда Сѣв. Боевой Отрядъ погибъ, началась кампанія противъ провокаціи и была назначена „Комиссія по изслѣдованію слуховъ о провокаціи".

По поводу отношенія Ц. К-та къ свѣдѣніямъ Бакая „Судебно-Слѣдственная Комиссія" выражается слѣдующимъ образомъ: „Въ связи съ петербургскимъ и особенно саратовскимъ письмомъ, они несомнѣнно заслуживали не логическаго только анализа, а весьма серьезнаго разслѣдованія, тѣмъ болѣе, что сама „Комиссія по изслѣдованію слуховъ о провокаціи" пришла къ заключенію о существованіи провокаціи въ Партіи, и что на Ц. К. лежала отвѣтственность за безопасность Партіи со стороны провокаторовъ вообще и въ особенности со стороны провокаторовъ, могущихъ дѣйствовать въ его собственной средѣ, какъ наиболѣе опасныхъ" (стран. 79, ср. стр. 93). — Но былъ или не былъ обязанъ Ц. К. отстранить отъ дѣлъ Азефа въ 1907 и 1908 году?

Какъ *бездушно-оюрократически* велось дѣло, послѣ назначенія „Комиссіи по изслѣдованію слуховъ о

провокаціи", видно изъ слѣдующаго. Въ Россіи разслѣдованіе даннаго дѣла взялъ на себя Ц. К. Комиссіи же было поручено разслѣдовать дѣло въ его заграничномъ объемѣ, сдѣлать то, чего не могъ взять на себя Ц. К. „Намъ поэтому и въ голову не приходило, — говоритъ тов. О., — ставить вопросъ о комъ бы то ни было, хотя бы о томъ же Азефѣ, въ полномъ объемѣ. Мы разсматривали только тѣ обвиненія, которыя намъ предъявляли. Если же есть еще какія-нибудь другія обвиненія, которыя намъ не предъявляются, то это ужъ не наше дѣло разбирать ихъ. Я зналъ, напримѣръ, кое-что о петербургскомъ письмѣ, но не думалъ, что мы должны разсматривать и это письмо. Это дѣло должно было вестись уже въ Россіи, а не здѣсь, заграницей" („З. С.-С. К.", стр. 74-75). Къ этому „Судебно-Слѣдственная Комиссія" дѣлаетъ слѣдующее глубокомысленное замѣчаніе: „Такой мѣстный и узкій характеръ ея разслѣдованія не могъ, конечно, дать серьезныхъ результатовъ (стр. 75).

„Не могъ дать серьезныхъ результатовъ". Какъ это мило! Объ отсутствіи „серьезныхъ результатовъ" рѣчь могла-бы идти въ томъ случаѣ, еслибы Ц. К., по своей иниціативѣ, занялся-бы разслѣдованіемъ вопроса о провокаціи по какимъ-нибудь ему извѣстнымъ признакамъ и даннымъ. Здѣсь же дѣло шло о разборѣ аргументаціи обвинителей, доказывавшихъ, во-первыхъ, что въ центрѣ есть провокація, и, во-вторыхъ, что провокаторъ этотъ — Азефъ. Если „Комиссія по изслѣдованію слуховъ о провокаціи" отнеслась къ обоимъ обвиненіямъ отрицательно, то нельзя говорить, что она не дала серьезныхъ результатовъ; напротивъ, она дала *весьма серьезные результаты*, но *въ смыслѣ отрицательномъ*, результаты *ложные*, результаты, *шедшіе противъ истины*. И что крайне важно: эти результаты, это заключеніе она дала на основаніи анализа не всѣхъ данныхъ, а лишь половины данныхъ, предоставивъ остальную часть данныхъ вѣдѣнію Ц. К та въ Россіи! Въ самомъ бюрократическомъ режимѣ врядъ-ли можно себѣ представить такой изумительный методъ рѣшенія перво-

степенной важности вопроса, когда, для раздѣленія труда, изученіе вопроса разбивается на двѣ части, когда каждая часть поручается особой канцеляріи, и когда окончательное заключеніе выносится одной канцеляріею, не потрудившеюся даже справиться съ матеріалами и результатами „трудовъ“ второй канцеляріи... А между тѣмъ, въ данномъ случаѣ дѣло шло въ сущности о судьбѣ грядущей борьбы, о жизни товарищей, о жизни и чести Партіи!

„Заключеніе это было представлено комиссіею въ іюлѣ 1908 года Центр. Ком. и было имъ принято. Тов. Э. говоритъ, что отношеніе къ данному вопросу въ засѣданіи, гдѣ онъ разсматривался, носило, по его впечатлѣнію, поверхностный характеръ“ („З. С.-С. К.“, стр. 78). Канцеляріи сдѣлали свое дѣло, протоколы были подписаны, гора сошла съ плечъ и — Азефъ былъ реабилитированъ! И во время Лондонской Конференціи лѣта 1908 г. — на которую пишущій эти строки доставилъ свою „Записку“ — Азефъ велъ себя еще наглѣе, чѣмъ когда бы то ни было („З. С.-С. К.“, стр. 34).

Такъ онъ оставался въ Партіи и въ центрѣ въ теченіе почти всего 1908-го года, принималъ участіе въ дѣлахъ и рѣшеніяхъ, вырабатывалъ новые планы — и все это даже послѣ того, какъ стали извѣстны новыя улики — свѣдѣнія Лопухина, сообщенныя Бурцевымъ. А въ послѣдній моментъ, когда виновность Азефа стала очевидною даже для Ц. К-а, провокаторъ ушелъ цѣлъ и невредимъ.

Во время послѣднихъ совѣщаній Ц. К-та о томъ, какъ быть съ Азефомъ, въ Ц. К. поступило предложеніе отъ добровольцевъ ликвидировать собственными силами, безъ всякаго риска для Ц. К-та, дѣло Азефа такъ, какъ онъ этого заслуживалъ. Предложеніе это было Ц. К-омъ отклонено. „Ради Бога, не вмѣшивайтесь; вы все испортите“.

Въ результатѣ всего провокаторъ ускользнулъ и своимъ уходомъ нанесъ Партіи не меньшій моральный ударъ, чѣмъ своимъ пребываніемъ въ ней.

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“ приписываетъ это „растерянности и нерѣшительности“ Ц. К-та въ

силу психологіи момента и говорить, что отвѣтственность за уходъ Азефа досженъ съ Ц. К-омъ „въ извѣстной степени раздѣлять... цѣлый рядъ другихъ товарищей“ („З. С.-С. К.“, стр. 90 и 93).

Наконецъ, заявивъ, что „въ данномъ дѣлѣ (Азефа) нельзя указать какихъ-либо индивидуальныхъ виновниковъ и ставить вопросъ о персональной отвѣтственности“, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ кончаетъ диѳирамбомъ „руководящимъ членамъ Партіи, въ дѣлѣ Азефа заблуждавшимся совершенно добросовѣстно“... („Закл.“, стр. 94).

* * *

Къ даннымъ Конспиративной Комиссіи и „Комиссія по изслѣдованію слуховъ о провокаціи“, и Ц. К. отнеслись съ бюрократическимъ высокомѣріемъ. Для нихъ „они являлись логическимъ выводомъ изъ положеній частью произвольныхъ, частью завѣдомо невѣрныхъ“ („Заключеніе С.-С. К.“, стр. 70 и 75).

Мы видѣли, какую сверхъ-канцелярскую небрежность центръ Партіи проявилъ къ изученію этихъ данныхъ. Одна испанская поговорка гласитъ, что „самый глухой — это тотъ, кто не желаетъ слушать“.

Любопытнѣе всего то, что „Комиссія по изслѣдованію слуховъ о провокаціи“ все же вынесла заключеніе, что въ Партіи есть провокаторы, и что разслѣдованіе необходимо продолжать („Закл. С.-С. К.“ стр. 78).

На основаніи чего же было вынесено это заключеніе? На основаніи нашихъ „положеній частью произвольныхъ, частью невѣрныхъ“?

И еще болѣе любопытно то, что рѣшеніе о необходимости продолжать разслѣдованіе осталось мертвою буквою. Достойный образчикъ *бюрократически-кастоваго* духа!

Какъ бы то ни было, контръ-аргументація Ц. К-та и его комиссіи относилась къ эпохѣ, когда провокація еще не была оффиціально признана. Разоблаченіе Азефа и всѣ дальнѣйшія событія показали, что

весь нашъ анализъ, всѣ наши данныя были вѣрны.

Но самое удивительное еще впереди.

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“, назначенная *послѣ* раскрытія провокаціи и съ цѣлью разслѣдовать дѣло и судить виновниковъ, рабски повторяетъ, черезъ полтора года, возраженія Ц. К-та и въ концѣ концовъ высказывается въ томъ смыслѣ, что наши „данныя могли быть оставлены Центр. К-омъ безъ вниманія вслѣдствіе ихъ объективной несостоятельности“ („Закл.“, стр. 79).

Итакъ, на основаніи нашихъ данныхъ, Ц. К. *могъ* воздержаться отъ исканія въ своей средѣ провокатора, *могъ* оставлять въ центрѣ дѣлъ Азефа, *могъ* продолжать посылать людей на висѣлицу, на гибель, ad majorem eius gloriam!..

И все это потому, что Ц. К. *могъ объяснять все иначе*!

И это говоритъ судебное учрежденіе революціонной партіи,—притомъ иногда оперирующее теперь, a posteriori, нашими собственными аргументами, когда оно, не сознавая этого, доказываетъ само правильность нашего анализа, какъ, напр., при обсужденіи полицейскаго иммунитета Центр. К-та! („Заключеніе“, стр. 93 и 66).

Мыслимо-ли еще болѣе рѣзкое проявленіе *бюрократически-кастоваго* духа въ общей корпораціи не только подсудимыхъ, но и ихъ судей?

Докторъ систематически прописываетъ своимъ клiентамъ лекарство, отъ котораго они систематически умираютъ. Доктору начинаютъ доказывать, что лекарство его ядовито. Докторъ ничего слушать не хочетъ и продолжаетъ отравленіе паціентовъ. Въ концѣ концовъ, оффиціально устанавливается то, что было давно извѣстно (хотя и неоффиціально), а именно, что въ прописываемомъ лекарствѣ заключается сильный ядъ, и доктора отдаютъ подъ судъ, по обвиненію въ причиненіи смерти многихъ людей, по небрежности или неспособности. Но судья, другъ доктора, оправдываетъ его на томъ основаніи, что докторъ *могъ объяснять иначе* смерть отравленныхъ имъ людей...

Общественное мнѣніе скажетъ, что судья достоинъ той самой скамьи подсудимыхъ, на которой сидитъ его другъ-докторъ.

Въ нашемъ случаѣ, сужденіе „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ — достойный продуктъ вырожденія морально-политической мысли, создавшаго ту самую азефщину, судить которую она взялась.

* * *

Дѣло Азефа приходилось уже сравнивать съ дѣломъ Дрейфуса; тѣ же интриги темныхъ силъ, та же борьба за торжество правды, то же ослѣпленіе верховъ, тотъ же кастовый духъ въ учрежденіяхъ, судахъ и комиссіяхъ, то же оправданіе и возвышеніе виновныхъ, то же заподозриваніе (если не осужденіе) невинныхъ, тѣ же переживанія изуродованной психологіи участниковъ и зрителей... Но, по страшнымъ жертвамъ, дѣло Азефа куда, конечно, трагичнѣе. А главное, дѣло Дрейфуса разыгрывалось среди клокочущихъ страстей преторіанской арміи и пропитанныхъ націоналистическимъ ядомъ шовинистическихъ массъ, тогда какъ дѣло Азефа имѣло совершенно другую арену: и участники, и зрители принадлежали или примыкали къ борющейся за великіе идеалы соціалистической и революціонной партіи.

Но даже въ дѣлѣ Дрейфуса трудно найти эпизодъ, подобный тому, который является финаломъ дѣятельности „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ по дѣлу Азефа.

„По составленіи своего „Заключенія“ Судебно-Слѣдственная Комиссія сочла необходимымъ пригласить 6 марта 1911 г. въ засѣданіе всѣхъ членовъ бывшаго Ц. К., какъ лицъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ дѣлѣ Азефа, для ознакомленія ихъ съ этимъ „Заключеніемъ“ передъ его опубликованіемъ. При этомъ отъ имени Комиссіи предсѣдателемъ ея, т. Бахомъ, было заявлено, что... товарищамъ изъ бывшаго Ц. К. предоставляется лишь право сдѣлать (устно или письменно) замѣчанія фактическаго характера, которыя, по разсмотрѣніи ихъ Комиссіей, будутъ полностью

или частью — въ мѣру ихъ объктивной цѣнности — отпечатаны и присоединены къ „Заключенію“ въ видѣ особаго приложенія. Предоставленнымъ Комиссіей правомъ воспользовались четверо изъ товарищей, ознакомленныхъ съ ‚Заключеніемъ‘“ („З. С.-С. К.“, стр. 97).

„Дополненія“ были отпечатаны и присоединены къ „Заключенію“.

Въ этихъ „Дополненіяхъ“ члены Ц. К. дѣлаютъ часто возраженія противъ способа изложенія фактовъ „Судебно-Слѣдственною Комиссіею“. Въ одномъ случаѣ членъ Ц. К. „категорически протестуетъ противъ невѣрнаго“ изложенія вопроса тою же Комиссіею (стр. 105).

Къ замѣчаніямъ членовъ Ц. К. „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ сдѣлала собственныя замѣчанія, въ которыхъ она часто вступаетъ въ споръ съ членами Ц. К-та.

Въ двухъ мѣстахъ текстъ „Заключенія“ былъ измѣненъ „Судебно-Слѣдственною Комиссіею“, послѣ сдѣланныхъ членами Ц. К. замѣчаній, „во избѣжаніе недоразумѣній и невѣрныхъ толкованій“ (“З. С.-С. К.“, стр. 107-108.)

Видали-ли когда-нибудь судъ, который, до публичнаго оглашенія своего приговора, представилъ бы его предварительно на разсмотрѣніе подсудимыхъ, видоизмѣнялъ бы редакцію своего приговора, вслѣдствіе протеста подсудимыхъ, присоединялъ бы къ своему приговору замѣчанія и возраженія подсудимыхъ, вступалъ бы въ дополненіяхъ къ замѣчаніямъ на приговоръ въ пререканія съ подсудимыми и огласилъ бы все это, какъ единое и нераздѣльное произведеніе?

Почему, если къ предварительному ознакомленію съ „Заключеніемъ“ и къ предварительной критикѣ его были допущены подсудимые, почему не были допущены на равныхъ правахъ свидѣтели не-подсудимые и другія лица, „заинтересованныя въ дѣлѣ Азефа“?

Объясняется все это очень просто.

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“ была выбрана „Совѣтомъ“ Партіи, который фактически былъ расширенною коллегіею Центральнаго Комитета. „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ была фактически назна-

чена Центральнымъ Комитетомъ. Судъ фактически былъ назначенъ своими собственными подсудимыми.

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“ получила отъ своихъ избирателей-подсудимыхъ заказъ на приговоръ, или заключеніе.

Когда заказъ былъ выполненъ, Судь прежде всего долженъ былъ опросить заказчиковъ, довольны-ли они произведеніемъ, и даже согласились усовершенствовать его, насколько возможно, согласно желанію послѣднихъ. „Постороннимъ людямъ“, конечно, до этого не могло быть, въ представленіи судей, никакого дѣла.

И въ результатѣ „исправленный и дополненный“ приговоръ-заключеніе-заказъ.

Глава V.

Нашли виноватаго. 1) Психологія боевиковъ.

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“ не ограничилась установленіемъ въ дѣлѣ Азефа „персональной отвѣтственности“, которой, впрочемъ, она не нашла вовсе. Она поставила себѣ цѣлью выяснить самыя существенныя и самыя сокровенныя причины самой возможности длительной провокаціи, добраться до „самаго нутра“ ея. И она ихъ открыла и повѣдала міру.

„Вина длительной провокаціи Азефа лежитъ въ условіяхъ и постановкѣ боевого дѣла, въ нравахъ и навыкахъ партійной жизни“ — таково заключеніе „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ („З. С.-С. К.“, стр. 94).

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“ сосредоточила свое вниманіе на „слабыхъ и темныхъ сторонахъ“ Боевой Организаціи (стр. 42).

Она нашла, что Боевая Организація имѣла характеръ „совершенно обособленной, надпартійной“ организаціи (стр. 13, 31, 39, 42, 91 и 95); что „Б. О. захватнымъ порядкомъ опредѣлила свои отношенія къ Партіи“ (стр. 30); что это была замкнутая въ себѣ корпорація, „отчужденная по своему духу“ отъ Пар-

тіи (стр. 42 и 38); и что въ основѣ составленія устава Б. О. „лежали не задачи идейнаго, общепартійнаго характера, а вѣдомственные интересы“ (стр. 35).

Она установила существованіе „особой психологіи боевиковъ“ (стр. 38) и „отсутствіе интереса къ идейной сторонѣ дѣятельности Партіи“ у боевиковъ, которыхъ „программные вопросы вообще мало интересовали“ (стр. 35).

Она сочувственно цитируетъ такія показанія членовъ Ц. К. и лицъ, близкихъ къ Ц. К., которыя подтверждаютъ все ту же точку зрѣнія (стр. 35-38). Она цитируетъ показанія, въ которыхъ характеризуется „кавалергарская психологія“ типичнаго боевика (стр. 38 и 36). Она цитируетъ показанія члена Центральнаго Комитета Щ.: „И вотъ въ такомъ духѣ было воспитано много чудеснѣйшихъ юношей и дѣвушекъ, что только Б. О. подъ руководствомъ Ц. и Азефа, особенно Азефа, можетъ что-нибудь творить, а остальныя партійныя организаціи — это только такъ себѣ“ (стр. 36).

Она ставитъ на видъ помощнику главы Боевой Организаціи Ц. его отчужденность, „внѣшнюю партійность“ и „неуваженіе къ авторитету высшаго органа Партіи“ (стр. 32-33 и 36-37).

Она умозаключаетъ: „При такомъ духѣ обособленности, который господствовалъ въ Боевой Организаціи, при этой особой психологіи боевиковъ и возможно было расцвѣсти тому преклоненію передъ Азефомъ, какъ своего рода олицетвореніемъ идеи террора, которое такъ характерно для членовъ Боевой Организаціи“ (стр, 38).

Она часто говоритъ о томъ престижѣ, которымъ пользовался въ Б. О. Азефъ, о преклоненіи передъ нимъ боевиковъ, о захватѣ Азефомъ въ свои руки Б. О-іи и подчиненіи ея своему безусловному вліянію, о томъ, что „изъ всѣхъ, ослѣпленныхъ престижемъ Азефа, члены Б. О. прозрѣли послѣдними“ (стр. 13, 25, 38-40 и 45).

Она установила, что Азефъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ Б. О., путемъ интригъ поселилъ между членами Ц. К. и боевиками взаимное предубѣжденіе,

весьма выгодное для его спеціальныхъ цѣлей; и что съ самаго начала создалось и впослѣдствіи продолжалось оппозиціонное и отрицательное отношеніе Б. О. къ Ц. К., развившее навыкъ относиться неуважительно къ высшему органу Партіи (стр. 26-27, 33, 40 и 91).

„Такой характеръ Б. О., умозаключаетъ „Судебно-Слѣдственная Комиссія", не давалъ въ отношеніяхъ ея членовъ Ц. К. мѣста товарищеской близости и довѣрію, при которыхъ, нѣтъ сомнѣнія, провокаторская дѣятельность Азефа была бы вскрыта гораздо раньше" (стр. 42, ср. стр. 27, 40 и 41).

* *
*

Такова картина психологіи боевиковъ и ихъ отношенія къ Партіи, данная „Судебно-Слѣдственною Комиссіею".

Въ этой характеристикѣ есть и правда, и ложь.

Здѣсь не имѣетъ значенія вопросъ о томъ, вѣрны или невѣрны приведенные въ „Заключеніи" факты*). Что здѣсь важно, это освѣщеніе ихъ и пбнытка связать съ ними азефщину.

Что между боевиками и *оффиціальною* Партіею существовало отчужденіе, это безспорно. Стоитъ только сравнить воззванія Боевой Организаціи, заявленія, письма и сужденія членовъ Б. О. и боевыхъ отрядовъ съ *оффиціальною* литераторою Партіи, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ далеко одна идеологія отстаетъ отъ другой.

Но существованіе подобнаго идейнаго расхожденія говоритъ не противъ боевиковъ, а скорѣе въ ихъ пользу.

---

*) Въ № 37 «Знамени Труда» (стр. 14-16) бывшій членъ Боевой Организаціи Е., одинъ изъ свидѣтельствовавшихъ передъ «Судебно-Слѣдственною Комиссіею» доказываетъ, что относящіеся сюда факты въ «Заключеніи» изложены невѣрно и неточно, такъ какъ Комиссія не позаботилась провѣрить соотвѣтствующихъ показаній. А въ № 38 «Знамени Труда» (стр. 32) помѣщено письмо Петра Карповича, жалующагося на то, что Комиссія, не смотряна его письменно выраженное согласіе, не сочла нужнымъ допросить его ни разу, чѣмъ лишила его всякихъ средствъ защиты его революціоннаго прошлаго.

Они, боевики, не могли признавать схоластической философіи *оффиціальнаго* міросозерцанія Партіи С.-Р. Они не могли примириться съ этою эклектическою смѣсью пережитковъ архаическаго марксизма и архаическаго бунтарства, съ этою теоретическою программою, ученически копировавшею старыя ошибки русскаго народничества и новыя заблужденія нѣмецкаго соціалъ-демократизма. Они не раздѣляли иллюзій *оффиціально* признанныхъ вождей и не вѣрили въ пророчества оффиціальныхъ глашатаевъ Партіи. Сами они не были и не могли быть теоретиками, но здравый смыслъ и здоровый революціонный инстинктъ имъ подсказывали правду, и чувство правды ихъ отталкивало отъ оффиціально-шаблонныхъ формулъ.

Да что имъ могло дать *оффиціальное* міровоззрѣніе Партіи въ смыслѣ интеллектуальной поддержки и нравственнаго подкрѣпленія? Террористическая тактика оффиціально признавалась, но съ такими оговорками и ограниченіями, что для всѣхъ было ясно, что оффиціальные руководители Партіи боятся скомпрометировать себя въ глазахъ соц.-демократовъ и другихъ разномыслящихъ. Когда грянулъ выстрѣлъ Балмашева, центръ Партіи молчалъ и призналъ этотъ террористическій актъ дѣломъ партійнымъ лишь послѣ смерти Балмашева, когда выяснилось, что общественное мнѣніе встрѣтило актъ сочувственно; это, какъ извѣстно, дало поводъ соціалъ-демократической „Искрѣ“ обвинить Партію въ самозванномъ присвоеніи себѣ заслуги чужого подвига, и многіе соціалъ-демократы (и даже сочувствующіе соціалистамъ-революціонерамъ) искренно повѣрили въ это узурпированіе Партіею Балмашевскаго дѣла. Далѣе, въ *оффиціальной* литературѣ Партіи роль террористической тактики признавалась ограниченною и побочною, въ сравненіи съ ожидавшеюся фатальною всероссійскою вооруженною революціею, и оффиціальное отношеніе къ этой тактикѣ, при всѣхъ метаморфозахъ, обнаруживало все же умаленіе ея значенія въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе росъ культъ всеисчерпывающаго „массоваго движенія“. Развѣ террористы могли черпать энтузіазмъ и воодушевленіе для своей борьбы въ этой

дряблой, нерѣшительной и перемѣнчивой духовно-теоретической мѣщанинѣ? Не удивительно, что боевики такъ часто обращали свои взоры къ Народной Волѣ.

Вотъ почему въ Б. О. и въ боевые отряды шли люди, въ значительной степени не раздѣлявшіе *оффиціальныхъ* воззрѣній Партіи. Вотъ почему также центръ былъ вынужденъ допускать въ эти учрежденія людей, не считаясь съ степенью ихъ оффиціально-партійной ортодоксіи. Иначе Партія врядъ-ли имѣла бы террористовъ и террористическую борьбу.

Но они пришли въ Партію, которой они отдавали свою жизнь, ради соціалистическаго идеала и освобожденія Россіи. *Они* создали силу и престижъ Партіи. *Они* окружили обаяніемъ ея имя. *Они* сдѣлали Партію чѣмъ-то послѣ того, какъ она была ничѣмъ. Могли-ли предвидѣть эти борцы, изъ которыхъ одни погибли въ борьбѣ, а другіе томятся еще нынѣ въ каторжныхъ казематахъ, что наступитъ день, когда революціонно-кастовая юстиція пошлетъ имъ упрекъ въ отчужденіи отъ Партіи и, диверсіи ради, свяжетъ съ ихъ духовнымъ бытіемъ *азефщину*?

А этотъ бѣдный Ц., который, хотя и бывшій членъ Ц. К., но, какъ боевикъ, второй руководитель Б. О., а также и еретикъ, былъ, повидимому, выбранъ козломъ отпущенія для вершенія того же изумительнаго правосудія!

Отчужденіе боевиковъ отъ Партіи, это — *первый этапъ* въ разсужденіяхъ „Судебно-Слѣдственной Комиссіи".

Отсюда быстрый переходъ ко *второму этапу* умозаключеній, а именно къ *„отсутствію идейнаго интереса* къ идейной сторонѣ дѣятельности Партіи С.-Р." у тѣхъ же боевиковъ.

Итакъ, если у боевиковъ не было интереса къ оффиціальной теоретико-программной схоластикѣ Партіи, то у нихъ отсутствовалъ интересъ къ идейной сторонѣ дѣятельности Партіи! Такъ революціоная бюрократія понимаетъ и оцѣниваетъ идейные интересы.

Но во имя какихъ интересовъ боролись и жертво-

вали своею жизнью террористы? Во имя интересовъ не-идейныхъ?

„Въ уставѣ Б. О. нѣтъ упоминанія о какой-либо идейной связи между этой организаціей и Партіей С.-Р. Цѣль свою Б. О. опредѣляетъ такъ: „Боевая Организація ставитъ себѣ задачей борьбу съ самодержавіемъ путемъ террористическихъ актовъ“. И только. Во имя чего она борется съ самодержавіемъ, почему борется подъ знаменемъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, объ этомъ не говорится ни слова. Это — умолчаніе весьма характерно“ („З. С.-С. К.“, стр. 34-35).

Это послѣднее замѣчаніе „весьма характерно“ для канцелярской „психологіи“ самой „Суд.-Слѣдственной Комиссіи“. Она приходитъ въ ужасъ отъ того, что къ уставу Б. О. не приложена надлежащая казенная печать, что къ нему не приклеенъ надлежащій революціонно-канцелярскій ярлыкъ. Безъ узаконеннаго штемпеля и трафаретнаго ярлычка, „задача борьбы съ самодержавіемъ“ ничего „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ не говоритъ или представляется ей страшною ересью. Бѣдныя „идеи“, которыя берется судить столь компетентная канцелярія, какъ „Судебно-Слѣдственная Комиссія“!

Третій этапъ въ разсужденіяхъ „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“, это — *связь азефщины съ психологіей и характеромъ Б. О.*

Наконецъ нашли виноватаго! Въ азефщинѣ виновны сами террористы, ея ближайшія жертвы.

* * *

Но развѣ вы, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“, вы, пародія на судъ, имѣвшіе смѣлость признать виновными тѣхъ, которые были первыми жертвами провокаціи, пытались хоть чѣмъ-нибудь серьезно доказать связь между пресловутою „психологіею боевиковъ“ и азефщиною?

Вы копались съ необыкновеннымъ усердіемъ въ томъ, что вы называете „слабыми и темными сторонами“ боевиковъ. Но развѣ эта ваша слѣдственная

работа имѣла хоть какое-нибудь серьезное отношеніе къ дѣлу Азефа и пролила хоть сколько-нибудь свѣта на азефщину?

Вы сами высказали, что вина длительной провокаціи Азефа лежитъ, между прочимъ, „въ нравахъ и навыкахъ партійной жизни“. Почему же, прежде всего, вы съ такимъ же усердіемъ не произвели разслѣдованія „нравовъ и навыковъ“ всей „партійной жизни“?

Почему вы „несовершенства механизма“ рѣшили заранѣе изслѣдовать „лишь постольку, поскольку они имѣли тѣсную связь съ боевою дѣятельностью Партіи“ („З. С.-С. К., стр. 8)? Почему вы не распространили своего изслѣдованія на „нравы и навыки“ въ Ц. К., въ другихъ учрежденіяхъ Партіи, въ ея верхахъ и низахъ? Почему не занялись вы разслѣдованіемъ партійной „психологіи“, партійныхъ организаціонныхъ „нравовъ и навыковъ“ вообще?

Вы сознательно уклонились отъ постановки и рѣшенія *подобной* задачи. И на это есть причины. Но сознавали-ли вы, что, заранѣе ограничивая подобнымъ образомъ поле изслѣдованія, вы заранѣе обрекли себя на фальсификацію результата?

Развѣ азефщина была явленіемъ, въ предѣлахъ Партіи строго локализованномъ въ пространствѣ и времени? Развѣ въ этомъ явленіи не отвѣтственна вся Партія, но въ особенности и главнымъ образомъ ея верхи?

Вы говорите о безпредѣльномъ престижѣ и безграничномъ властвованіи Азефа въ Б. О. Но какъ проникъ Азефъ въ Партію? Кто его ввелъ въ Б. О.? Кто ему создалъ въ Партіи власть и престижъ? Кто поддерживалъ все время въ Партіи его власть и его престижъ? И развѣ власть и престижъ Азефа не были властью и престижемъ его въ Партіи вообще?

Азефъ не началъ своей революціонной карьеры съ террористической борьбы. Онъ присосался къ революціонерамъ въ качествѣ „сочувствующаго“. Онъ „оказывалъ услуги“ и — о чемъ „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ умалчиваетъ — отъ времени до времени для Партіи „добывалъ деньги“. Азефъ „рабо-

талъ“ среди соціалистовъ-революціонеровъ, когда не было еще не только террористической борьбы, но и самой объединенной Партіи.

Азефъ участвовалъ, вмѣстѣ съ Гершуни, въ образованіи „Партіи С.-Р.“. Въ 1902 г. онъ вступаетъ въ Ц. К. Партіи. Въ 1903 г. Гершуни поручаетъ Азефу, на случай своего провала, реорганизовать путемъ кооптаціи Центральный Комитетъ. Онъ дѣйствительно кооптируетъ Ц. К., вводитъ туда людей, ему желательныхъ, загражданетъ вступленіе туда людямъ, ему нежелательнымъ, и подчиняетъ своей волѣ этотъ новый Ц. К. А на первомъ партійномъ съѣздѣ, въ началѣ 1906 г., благодаря вліянію прежнихъ товарищей по Ц. К. и другимъ центральнымъ учрежденіямъ, Азефъ *избирается* членомъ Ц. К.; это было уже послѣ „петербургскаго“, а, быть можетъ, и послѣ „саратовскаго письма“.

Довѣріе, которымъ Азефъ пользовался у Гершуни, и высокое мнѣніе, которое послѣдній себѣ составилъ объ Азефѣ, были такъ велики, что, передъ своимъ арестомъ, Гершуни ставитъ Азефа во главѣ Партіи. Не менѣе безгранично было довѣріе и уваженіе къ Азефу Гоца. Отношеніе Гоца къ Азефу было „безконечно любовное“ въ теченіе многихъ лѣтъ („З. С.-С. К., стр. 43). Но развѣ, сверхъ умершаго Гоца и Гершуни, въ Ц. К. не было нынѣ благопучно здравствующихъ лицъ, для которыхъ Азефъ былъ съ самаго начала самымъ близкимъ другомъ, и которые защищали его до самаго послѣдняго момента? Здѣсь не приходится валить все на мертвыхъ...

Одинъ изъ членовъ Ц. К. говоритъ слѣдующее о своемъ отношеніи къ Азефу: „Другое обстоятельство, которое меня всегда успокоивало относительно Азефа, — это отношеніе къ нему товарищей-боевиковъ. Я не прикасался къ душѣ этого человѣка, я не понималъ ея; но они-то должны знать его и какъ человѣка. Они-то не могутъ не знать его. А боевики относились къ нему съ безграничнымъ довѣріемъ. Это я зналъ“ („З. С.-С. К.“, стр. 45).

Почему этотъ членъ Ц. К. искалъ матеріаловъ для своего успокоенія среди боевиковъ, а не ближе къ себѣ,

среди товарищей по Ц. К.? Это Ц. К. создалъ Азефа, одно время Азефъ былъ всецѣло Ц. К. Это Ц. К. поставилъ его во главѣ боевого дѣла, и въ 1903 г. Азефъ сталъ преемникомъ Гершуни. Это Ц. К. создалъ и поддерживалъ престижъ Азефа. Это отъ Ц. К. обаяніе и преклоненіе передъ Азефомъ перешли къ боевикамъ и потомъ поддерживались въ силу традиціи, никѣмъ потомъ не провѣрявшейся.

Ц. К., какъ высшее административное учрежденіе Партіи, не представляетъ того характера текучести, какъ Б. О. и боевые отряды, персоналъ которыхъ постоянно мѣняется, въ силу печальныхъ условій борьбы. Значительная часть членовъ Ц. К. должна была знать Азефа лично и постоянно, тогда какъ для боевиковъ разъ создавшаяся репутація Азефа укрѣплялась путемъ передовѣрія.

Новые боевики, вступавшіе въ Б. О., получали Азефа, какъ готоваго уже, поставленнаго центромъ Партіи, начальника. „Тов. Ц. говоритъ, что, рѣшивъ работать въ террорѣ, онъ явился для этого къ Гоцу, а ботъ познакомилъ его съ Азефомъ, съ которымъ тов. Ц. и вошелъ въ сношеніе по вопросу о своемъ вступленіи въ Б. О. Таковы же были условія вступленія Сазонова, Швейцера, Каляева. Каждый вступалъ въ Б. О. отдѣльно и нѣкоторые уже потомъ, на дѣлѣ, впервые знакомились другъ съ другомъ. „Изъ этого ясно, говоритъ т. Ц. — что наше положеніе, какъ членовъ Б. О., было нетождественно съ положеніемъ Азефа. Азефъ сразу явился какъ бы нашимъ начальникомъ, — въ моихъ, напр., глазахъ начальникомъ оффиціальнымъ, указаннымъ Ц. К-мъ, въ лицѣ Михаила Гоца. Уже изъ этого ясно, что авторитетъ его между нами сразу долженъ былъ быть очень большой. Этотъ авторитетъ еще увеличивался тѣмъ, что намъ было извѣстно, что Азефъ ближайшій сотрудникъ и другъ Г. А. Гершуни“ („З. С.-С. К.“, стр.24-25).

Въ боевыхъ отрядахъ, не имѣвшихъ непосредственнаго касательства къ Азефу, котораго большинство членовъ этихъ отрядовъ даже лично не знало, престижъ Азефа былъ очень великъ, такъ какъ слава о немъ гремѣла „во всей Партіи“.

Реорганизація Б. О. въ концѣ 1907 г. была поручена опять-таки Азефу Центральнымъ Комитетомъ. Это было уже послѣ „петербургскаго письма“, послѣ „саратовскаго письма“, послѣ свѣдѣній Бакая, послѣ сообщенія Рысса и послѣ цѣлаго ряда другихъ „уликъ“.

Самъ Азефъ всегда оставался членомъ Ц. К.

Контроль надъ Азефомъ принадлежалъ Ц. К-у, но контроль этотъ не былъ даже бумажнымъ контролемъ.

Итакъ, если волка пустили въ овчарню, то отвѣтственность за произведенныя опустошенія, лежитъ не на растерзанныхъ жертвахъ, а на тѣхъ, кто поставили его во главѣ ихъ.

Далѣе, если „члены Б. О. прозрѣли послѣдними“, то на комъ опять-таки лежитъ за это отвѣтственность?

Кто получалъ и оставлялъ безъ должнаго вниманія всѣ данныя и доказательства провокаціи Азефа? — Не боевики, а Ц. К.

Это Ц. К. получилъ „петербургское письмо“, „саратовское письмо“, одесское извѣщеніе, показанія Татарова, свѣдѣнія Бакая, данныя Мельникова и другія улики. Когда мы получили несомнѣнную увѣренность въ томъ, что въ центрѣ Партіи имѣется провокація, мы наши данныя опять-таки сообщили Ц. К-у. О сообщеніи Лопухина опять-таки былъ поставленъ въ извѣстность Ц. К., черезъ своихъ представителей въ тов. судѣ.

Развѣ боевики знали обо всѣхъ этихъ уликахъ противъ Азефа, которыя поступали въ Ц. К. въ теченіе многихъ лѣтъ? Вѣдь о нѣкоторыхъ изъ этихъ уликъ не знали даже нѣкоторые члены Ц. К., не знали о нихъ тѣ, которые рѣшали участь Татарова („З. С.-С. К.“, стр. 58), не знали нѣкоторые изъ членовъ „Комиссіи по изслѣдованію слуховъ о провокаціи“, которые, потомъ выносили заключеніе о невинности Азефа. Какъ же могли знать о нихъ боевики, которые всецѣло довѣряли Ц. К-у, постоянно провозглашавшему величіе и доблести Азефа?

„Члены Б. О. прозрѣли послѣдними“! Если бы это и было вѣрно, то это было бы вполнѣ естественно въ той искусственной атмосферѣ возвышенія на пьедe-

сталъ Азефа, которую создалъ Ц. К., окружая имя его ореоломъ и скрывая въ то же время отъ себя и отъ всѣхъ другихъ всѣ улики противъ бандита, провокацію котораго было такъ легко своевременно открыть. Не боевики должны были ходить къ Ц. К-у за справками объ Азефѣ, а Ц. К. къ боевикамъ съ необходимыми аттестаціями его.

Но невѣрно и то, что *только* „члены Б. О. прозрѣли послѣдними". Въ самомъ „Заключеніи" мы видимъ, какъ обстояло дѣло на томъ собраніи „членовъ Ц. К. и ближайшихъ товарищей", которое состоялось послѣ того, какъ, изъ Лопухинскихъ разоблаченій, провокація Азефа стала очевидною и для большинства коллегіи Ц. К.: „Изъ членовъ Ц. К., нѣкоторые, какъ, напр. т. Щ., не были убѣждены окончательно въ виновности Азефа: „теплилась еще чуть-чуть надежда, что авось онъ (Азефъ) окажется правымъ"... На этомъ собраніи, когда дѣло было доложено, *только 4 человѣка (не члены Ц. К.)* держались того мнѣнія, что имѣющихся данныхъ совершенно достаточно для произнесенія приговора надъ Азефомъ и немедленнаго приведенія его въ исполненіе" (стр. 86-87, курсивъ нашъ).

Гипнозъ былъ всеобщій — во всей Партіи, и на верхахъ, и въ низахъ. Периферія вполнѣ полагалась на центръ.

Когда слѣды провокаціи были на лицо, вся Партія ничего не видѣла, ничего не слышала. Гдѣ была Партія, когда шла борьба для разоблаченія провокаціи? Гдѣ были и что тогда дѣлали сами достопочтенное члены „Судебно-Слѣдственной Комиссіи"? Нигдѣ въ Партіи, повторяю, боровшіеся не видѣли ни сочувствія, ни отклика, ни поддержки...

Но нужна была вся бюрократически-кастовая преданность „Судебно-Слѣдственной Комиссіи", чтобы осмѣлиться взвалить вину этого гипноза на Б. О. и связать азефщину съ психологіею террористовъ.

Мало было обезцѣнить терроръ нерѣшительностью его теоретическаго обоснованія и колебаніями въ его практическомъ осуществленіи. Мало было обезсилить терроръ его фактическимъ недѣланіемъ. Мало было

дискредитировать терроръ, систематически поручая руководство имъ человѣку, противъ котораго существовали обвиненія въ провокаціи. Мало было допустить физическую гибель террористовъ, павшихъ жертвою провокатора. Мало было опозорить терроръ, допустивъ ассоціированіе съ нимъ провокаціи. Нѣтъ, надо было еще попытаться наложить клеймо азефщины на самую душу террористовъ, связывая съ этою азефщиною ихъ внутреннюю „психологію“. И за выполненіе этой благородной миссіи взялась „Судебно-Слѣдственная Комиссія“.

Глава VI.

Нашли виноватаго. 2) „Переоцѣнка террора“.

Но главное открытіе „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ еще впереди.

Открытіе это заключается въ томъ, что въ азефщинѣ виноваты не только террористы, но главнымъ образомъ сама террористическая борьба.

Впрочемъ, мнѣнія о необходимости вычеркнуть „терроръ, какъ планомѣрное средство борьбы“ изъ партійной тактики придерживается только предсѣдатель „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ Бахъ („З. С.-С. К.“, стр. 95). Комиссія же, какъ цѣлое, видитъ причину азефщины въ *переоцѣнкѣ* террора верхами Партіи.

По мнѣнію „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“, руководящими сферами Партіи С.-Р., при основаніи ея, придавалось террору преувеличенное значеніе. Для нихъ террористическая борьба была не только неотъемлемою, но и господствующею отраслью партійной дѣятельности, передъ которою всѣ другія отрасли отступаютъ на другой планъ („З. С.-С. К.“, стр. 13, 20, 44, 54 и 91).

Боевой Организаціи ни въ чемъ и никогда не отказывали. Требованія ея удовлетворялись, — при недостаткѣ средствъ, — въ ущербъ другимъ отраслямъ

партійной дѣятельности: сокращали не размахъ Б. О., а прочія партійныя предпріятія (стр. 12-13 и 91).

Переоцѣнка террора вела къ преувеличенной оцѣнкѣ тѣхъ членовъ Партіи, которые умѣли успѣшно вести боевое дѣло (стр. 13-14, 45 и 91).

Именно въ преувеличенно-террористическомъ настроеніи руководителей партіи Азефъ нашелъ почву, благопріятную для осуществленія его плановъ. Вокругъ Азефа, какъ лица, удачно практиковавшаго терроръ, создалась атмосфера поклоненія и безграничнаго довѣрія (стр. 14., 20, 21 и 44-45). Гоцъ высоко цѣнилъ и уважалъ Азефа, какъ удачливаго *практика* террора. Подобнымъ же образомъ къ Азефу относились другіе руководители Партіи. Азефъ занялъ въ Партіи привилегированное положеніе незамѣнимаго, провиденціальнаго человѣка, который одинъ только и можетъ осуществить терроръ (стр. 12, 43-44, 48-49 и 54).

Окруженный ореоломъ провиденціальнаго террориста, Азефъ могъ такимъ образомъ оставаться на протяженіи многихъ лѣтъ недосягаемымъ и продержался такъ долго въ Партіи *вопреки упорнымъ и долголѣтнимъ предупрежденіямъ* (стр. 14 и 20).

Итакъ, объясненіе долголѣтней партійной карьеры Азефа „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ видитъ въ „переоцѣнкѣ террора“ верхами Партіи.

Сообразно съ этимъ, она формулируетъ слѣдующее заключеніе: „Партія С.-Р., какъ соціалистическая по существу, можетъ отводить въ своей дѣятельности террору лишь строго опредѣленное мѣсто и не должна допускать развитія террора за счетъ другихъ отраслей партійной дѣятельности“ (стр. 95).

Таково конечное заключеніе, которое „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ вынесла изъ изученія всего дѣла, какъ мораль азефщины.

* * *

Подобное сужденіе о „переоцѣнкѣ террора“ весьма опять-таки „характерно“ для „психологіи“ оффиціальнаго соціалиста-революціонера.

Въ оффиціальной программѣ и оффиціальной тактикѣ оффиціальной Партіи С.-Р. проводится постоянно принципъ: всего по-немножку, все въ надлежащей пропорціи... Все равно какъ въ какомъ-нибудь кушаньѣ или медикаментѣ.

Согласно этому рецепту, въ тактикѣ Партіи должно быть столько-то золотниковъ террора, столько-то фунтовъ литературной работы, столько-то пудовъ „массовой“ дѣятельности.

Впрочемъ, численныхъ коэффиціентовъ надлежащей пропорціи до сихъ поръ еще никто не установилъ. Не попыталась это сдѣлать и „Судебно-Слѣдственная Комиссія“. А кому, какъ не ей, и книги въ руки? Вѣдь *она* вынесла приговоръ террору.

Во всякомъ случаѣ, для нашихъ критиковъ террора несомнѣнно ясно, что терроромъ занимались слишкомъ много, что значеніе его преувеличили. Осужденіе этой переоцѣнки террора „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ базируетъ на томъ фактѣ, что партія С.-Р. — соціалистическая по существу. Для „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“, развитіе террористической борьбы выше извѣстнаго предѣла несовмѣстимо съ принципами соціализма.

Выходитъ, что соціализмъ заключаетъ въ себѣ велѣнія, которыя преграждаютъ путь къ осуществленію его собственныхъ идеаловъ! Каково пониманіе соціализма, разрушающаго свои собственныя цѣли своими внутренними противорѣчіями!

Въ дѣйствительности, соціализмъ такъ же мало можетъ противополагаться террору либо росту его въ интенсивности и объемѣ, какъ всякая задача можетъ противополагаться необходимому методу ея рѣшенія.

Къ чему стремится соціализмъ, какъ не къ полному освобожденію человѣчества отъ всѣхъ формъ гнета, эксплуатаціи и соціальнаго неравенства? И что такое террористическая борьба, какъ не необходимое и раціональное средство къ достиженію политической свободы, къ завоеванію демократіи и политическаго самоопредѣленія народа — одной изъ основныхъ задачъ соціализма?

Соціалистическая работа и борьба за соціалисти-

ческій идеалъ въ широкомъ смыслѣ *всегда и повсюду* для соціалиста возможна и обязательна. Но только въ *извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ* соціализмъ требуетъ борьбы *революціонной и насильственной*. И только въ *особыхъ комбинаціяхъ*, какъ напр. въ случаѣ господства жестокаго политическаго деспотизма, великій идеалъ соціализма вполнѣ санкціонируетъ террористическую борьбу, какъ мѣру цѣлесообразную и справедливую.

Соціалисть только въ опредѣленныхъ общественныхъ условіяхъ становится террористомъ. Но разъ онъ имъ становится, онъ необходимо долженъ дѣйствовать такъ, чтобы средство могло вести и дѣйствительно вело къ цѣли.

Можно съ законнымъ *логическимъ* правомъ отрицать самую плодотворность террористической борьбы и возможность путемъ этой борьбы завоевать или облегчить завоеваніе политической свободы въ Россіи. Но совершенно безсмысленно говорить, что терроръ надо дѣлать, но не слишкомъ много.

Нѣтъ, терроръ надо дѣлать какъ слѣдуетъ, или вовсе его не дѣлать. Иначе результаты не окупаютъ жертвъ. Поэтому, когда террористическая борьба стоитъ на очереди, можно упрекать людей ва недооцѣнкѣ ея, но никогда не въ томъ, что ему удѣлили слишкомъ много годныхъ для цѣли силъ и средствъ (кромѣ, конечно, случая уничтоженія терроромъ своихъ собственныхъ результатовъ).

Обще-соціалистическая работа, всегда отличаясь богатствомъ формъ и содержанія, фактически безгранична. Она всѣмъ доступна, всегда осуществима и всегда приноситъ свои плоды. Она не пріурочена къ опредѣленному моменту или къ опредѣленному положенію. Она не требуетъ дѣятелей, значительно возвышающихся въ томъ или другомъ отношеніи надъ дюжинными личностями. Если она и требуетъ жертвъ, то она не связываетъ ихъ съ тѣмъ рискомъ, который неизбѣженъ во всякой борьбѣ насильственными средствами. Въ извѣстномъ смыслѣ, здѣсь нельзя обвинять работниковъ въ томъ, что было сдѣлано слишкомъ мало или слишкомъ много. То, что

не было сдѣлано сегодня, можетъ быть сдѣлано, безъ чувствительнаго ущерба для дѣла, и завтра. Таковы области массовой пропаганды, организаціонной работы, литературной проповѣди соціализма и прочія формы культурно-соціалистической дѣятельности.

Другое дѣло — революціонная борьба въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ террористическая борьба, вооруженное возстаніе, вооруженное нападеніе. Здѣсь важенъ моментъ, важна политическая конъюнктура. Разъ аттака рѣшена, необходимо выполнить планъ съ наибольшими шансами успѣха и съ наименьшимъ рискомъ для участниковъ. Здѣсь важно, чтобы удары слѣдовали непрерывно за ударами, и чтобы систематическое преслѣдованіе врага довело его какъ можно скорѣе до состоянія изнеможенія. Здѣсь важно, не упуская момента, поддерживать тотъ общественный энтузіазмъ, въ которомъ рождаются герои, участвующіе въ борьбѣ, а то возбужденіе, которое возвышаетъ массы, окружаетъ борющихся ореоломъ сочувствія и не перестаетъ стимулировать притока средствъ и силъ. Не дать опомниться врагу, бить и добивать его до окончательнаго торжества надъ нимъ, — вотъ задача революціонеровъ. Наспльственную борьбу необходимо интенсифицировать ужъ ради того, чтобы возможно скорѣйшее одержаніе побѣды позволило возможно скорѣе отказаться отъ этой формы борьбы. Само собою понятно, что подобная борьба должна втянуть въ свою сферу всѣ возможныя силы и использовать всѣ наличные рессурсы и средства массовой самодѣятельности и общественнаго недовольства.

Поэтому нельзя терроръ дѣлать вполовину. Онъ — слишкомъ тяжелая и горькая необходимость, чтобы дѣлать его только отчасти. Иначе моментъ можетъ быть упущенъ, врагъ можетъ оправиться, его репрессіи могутъ произвести обезкураживающее дѣйствіе революціонный энтузіазмъ можетъ изсякнуть, притокъ силъ и средствъ — прекратиться, разбитыя надежды и разочарованіе могутъ повлечь деморализацію, борьба можетъ потерять свой престижъ, и въ результатѣ можетъ наступить страшный кризисъ не только для революціи, но и для соціализма. И тогда, когда ошибка

сознана (если только она сознана), то ужъ черезчуръ поздно. Жертвъ не воскресить, силъ не возсоздать, прошлаго момента не воротишь. Борьбу, съ огромными затрудненіями, приходится начинать не только сызнова, но и въ гораздо болѣе неблагопріятной обстановкѣ.

Таковъ можетъ быть результатъ гомеопатическаго примѣненія террористической тактики. Такъ въ сущности у насъ и было въ періодъ послѣдней революціи. И „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ совѣтуетъ примѣнять еще большую „умѣренность и аккуратность“ въ отношеніи террора впредь.

Что было бы, если бы, напр., слѣдуя этому рецепту, португальскіе революціонеры, изгнавшіе Браганцскій домъ и завоевавшіе своей родинѣ республиканскій режимъ, стали бы, вмѣсто того чтобы сосредочить всѣ свои силы и средства на подготовленіи вооруженнаго возстанія организованнымъ меньшинствомъ, распредѣлять ихъ на многіе годы разныхъ отраслей культурно-массовой работы? — Браганцская династія продолжала бы грабить и угнетать Португалію еще, быть можетъ, многія десятилѣтія, а народныя массы продолжали бы, при владычествѣ этого дома, влачить такое же жалкое существованіе, какъ и прежде.

Впрочемъ, нашелся одинъ оффиціальный мудрецъ, который на страницахъ „Знамени Труда“ португальской революціи „не одобрилъ“, какъ еретической и несогласной съ ортодоксально-оффиціальнымъ рецептомъ П. С.-Р., истиннымъ выраженіемъ „научнаго соціализма“, съ его надлежащими „дополненіями и поправками“.

Точь-въ-точь какъ тотъ врачъ, который, на основаніи научныхъ данныхъ, предсказалъ смерть своего больного, и, когда этотъ послѣдній, выздоровѣвъ, къ нему явился, выпроводилъ его съ ужасомъ, какъ „для науки умершаго“!

Такими еретическими революціями полна вся исторія.

„Мораль“ свою „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ черпнула изъ оффиціально-бюрократической мудрости высокопоставленныхъ партійныхъ публицистовъ.

* * *

Утвержденіе „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“, что руководители Партіи переоцѣнивали терроръ, такъ мало соотвѣтствуетъ истинѣ, что въ дѣйствительности вѣрно совершенно противоположное: съ самаго образованія Партіи террору отводилось „опредѣленное мѣсто“, мѣсто черезчуръ скромное, въ смыслѣ возможнаго развитія энергіи террора до той степени, при которой только и могъ бы быть достигнутъ прочный результатъ.

Уже самый характеръ эклектизма вновь образованной Партіи, въ смыслѣ и персонала, и идей, противился тому, чтобы терроръ занялъ въ ея тактикѣ господствующее положеніе. Въ образованіи Партіи участвовали и соціалисты-народники до-народовольческаго періода, и бывшіе народовольцы, и раскаявшіеся народоправцы, и раскаявшіеся соціалъ-демократы. И всѣхъ старались удовлетворить въ той или другой мѣрѣ: соціалистамъ-народникамъ 70-хъ годовъ обѣщана была аграрная программа и нѣкоторля доза крестьянскаго бунтарства, народовольцамъ — немного террора, народоправцамъ — координація всѣхъ общественныхъ силъ на платформѣ политической борьбы, соціалъ-демократамъ — неприкосновенность основъ соціалъ-демократической программы, смягченной, исправленной и дополненной. Въ результатѣ этого своеобразнало конгломерата программъ и направленій, постепенно выработалось оффиціальное міровоззрѣніе Партіи, эклектическая смѣсь (на оффиціальномъ языкѣ „синтезъ“) народничества и марксизма, съ дополненіями и поправками какъ изъ русской соціалистической мысли 70-хъ и 80-хъ годовъ, такъ и изъ нѣмецкаго ревизіонизма, съ идеею „трудового народа“ и „соціализаціи земли“ въ центрѣ, со всѣми пережитками идеализаціи массъ и историческаго процесса, съ ожиданіемъ фатальной массовой революціи, якобы неизбѣжно вызываемой аграрными отношеніями въ деревнѣ, съ провиденціалистическимъ толкованіемъ миссіи грядущей революціи. Кто, въ рядахъ Партіи, позволялъ себѣ критиковать этотъ схоластически-программный шаблонъ, тотъ брался подъ подозрѣніе или даже предавался анаѳемѣ, какъ еретикъ. Въ

такомъ міросозерцаніи не могло быть мѣста террору, какъ господствующей формѣ борьбы.

Цѣлесообразность и необходимость террора вытекаетъ изъ признанія возможности и необходимости иниціативной борьбы Партіи, какъ организованнаго союза, противъ самодержавной касты, возможности и необходимости завоеванія въ Россіи демократическаго строя силами Партіи, опирающейся на поддержку и сочувствіе массъ и всѣхъ оппозиціонныхъ силъ общества, но не увлекающейся иллюзіями грядущаго побѣдоноснаго всенароднаго вооруженнаго возстанія. Да развѣ здѣсь дѣло только въ террорѣ? Здѣсь дѣло въ задачѣ борьбы *Партіи*, какъ *организованнаго революціоннаго меньшинства*, при помощи всѣхъ средствъ, какими можетъ располагать организованное меньшинство, противъ *другого организованнаго меньшинства*, какимъ является самодержавіе. Здѣсь дѣло, стало быть, не только въ террорѣ, но и въ военныхъ заговорахъ, вооруженныхъ нападеніяхъ и пр. Вопреки невѣжественной схоластикѣ, претендующей на научность, вся исторія свидѣтельствуетъ о возможности побѣды въ подобныхъ комбинаціяхъ и формахъ борьбы. Народовольцы сознавали значеніе этой простой истины. Сознавалась она также и многими террористами-еретикаки, принадлежавшими къ Б. О. и боевымъ отрядамъ.

Но отъ подобной точки зрѣнія стояли всегда очень далеко основатели Партіи. Стать на такую точку зрѣнія значило бы порвать съ осторожнымъ эклектизмомъ и проявить смѣлость, казавшуюся безуміемъ послѣ эпохи декаданса. Реакція 80-хъ годовъ, послѣ пораженія Народной Воли, сдѣлала свое деморализующее дѣло (точь въ-точь какъ теперь, но въ меньшемъ масштабѣ). Марксистская идеологія, господствовавшая въ 90-хъ годахъ, принесла свои плоды. Воспитаніе совершилось. У диссидентовъ, считавшихъ себя продолжателями старыхъ традицій, хватало силы лишь на *компромиссы*. У соціалъ-демократовъ поучались, къ нимъ прислушивались, ихъ боялись: что то они скажутъ? Подобно тому, какъ мелкіе нѣмецкіе князья старались подражать этикету, блеску и благо-

роднымъ манерамъ двора Людовика XIV, такъ и наши революціонныя фракціи начала прошлаго десятилѣтія сохраняя свою самобытность, все же постоянно думали о томъ, чтобы *не слишкомъ отличаться* отъ соціалъ-демократіи Собственный эклектизмъ и страхъ передъ „друго-врагами“ стояли на пути къ теоретической оцѣнкѣ и практической постановкѣ террора въ уровень съ требованіями историческаго опыта и съ условіями борьбы въ русской дѣйствительности. Дѣло тормозилось, робость парализовала, и каждый боязливый шагъ въ этомъ направленіи сопровождался предосторожностями и оговорками, которыя въ значительной степени обезцѣнивали результаты борьбы.

Нужны-ли доказательства? Достаточно взглянуть на оффиціальныя professions de foi касательно террора въ партійной литературѣ, достаточно вспомнить поведеніе Партіи въ дѣлѣ Балмашева, достаточно вспомнить признанный Партіею иммунитетъ династіи и ея главы и кассаціонную жалобу Каляева,

Но если Партія, въ лицѣ своихъ руководителей, удѣляла все же, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ послѣ своего основанія, нѣкоторое вниманіе террористической борьбѣ, которою она пріобрѣла тогда извѣстный престижъ, то тотъ курсъ, который она взяла въ послѣдующій фазисъ революціоннаго движенія, ясно показалъ, что къ террору она относится приблизительно такъ: будетъ онъ — хорошо, не будетъ — бѣда не велика.

Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, внутренняго идейнаго процесса, все болѣе усиливавшаго преобладаніе народнически-марксистскихъ пережитковъ надъ слабыми остатками принциповъ активной инициативы въ партійномъ міросозерцаніи, импрессіонированная, съ другой стороны, возникшимъ массовымъ движеніемъ, значенія котораго она не смогла безпристрастно оцѣнить, наконецъ, порабощенная и увлеченная подражаніемъ другимъ фракціямъ и теченіямъ, Партія С.-Р. всецѣло отдалась ожиданію и подготовленію всероссійской, всепролетарской, всекрестьянской, всенародной, всемассовой революціи и непосредственному проведенію въ жизнь „соціализаціи земли“. А въ

это время самодержавіе, на глазахъ всѣхъ, готовила свой реваншъ.

Послѣ разгона первой Думы, Ц. К. издаетъ свой знаменитый декретъ о начатіи всенароднаго возстанія.

Во время второй Думы онъ отдается дѣлу пропагандированія черезъ Думу законопроекта о „соціализаціи земли“.

Послѣ разгона второй Думы, Ц. К. объявляетъ во всеуслышаніе, что надвигается „всеобщая забастовка“, какъ до разгона онъ оповѣстилъ, что депутаты с-р-ы, въ случаѣ роспуска Думы, не разойдутся.

Неслыханныя преступленія правительства остались безъ противодѣйствія и безъ возмездія. Врагъ окрѣпъ. Начался революціонный развалъ. Партія потеряла свой престижъ. Съ этого момента быстро сталъ приближаться крахъ.

Гдѣ былъ тогда терроръ? Почему не принимались самыя отчаянныя мѣры для того, чтобы онъ не числился только на бумагѣ? Почему не предусмотрѣли бѣды? Почему не возникъ вопросъ объ измѣнѣ?

Какъ бы то ни было, но въ самый рѣшительный моментъ борьбы, Партія, въ лицѣ своего центра, допустила свое банкротство.

Для „психологіи“ все той же „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ опять-таки весьма характерно, что дѣятельности партійной администраціи именно въ этотъ моментъ она воздаетъ хвалу. „Партія С.-Р. съ самаго своего основанія была массовой, и въ дни русской революціи, когда ей дано было выступить на широкую арену общественно-политической жизни, она это блестяще доказала. Въ этотъ періодъ (конецъ 1905 и начало 1906 г.) и настроеніе правящихъ сферъ Партіи, — необходимо это отмѣтить, — значительно измѣнилось, совпадая съ настроеніемъ всей Партіи. Тогда, какъ извѣстно, центральный органъ Партіи цѣликомъ ушелъ въ широкую массовую работу“ („З. С.-С. К.“, стр. 13). Извѣстно, что именно въ этотъ моментъ иллюзіи и ошибки русской революціи достигли своего кульминаціоннаго пункта. Съ этимъ моментомъ совпадаетъ начало контръ-революціи. Правительство дѣятельно готовилось къ возстановленію

стараго режима. Революціонеры не видѣли и не понимали происходящаго вокругъ нихъ. Партія С.-Р. и ея правящій центръ оказались совершенно неподготовленными къ создавшемуся положенію. Массовое движеніе было подавлено; а Партія, какъ организованный союзъ, не располагала силою, тогда необходимою для нападенія на правительство, и „чаяла движенія воды". Революція была разгромлена. Наступилъ крахъ. За подготовленіе этого краха нашъ судъ и воздаетъ хвалу центру.

Въ аргументаціи „Судебно-Слѣдственной Комиссіи", относящейся къ „переоцѣнкѣ террора", роль „гвоздя" играетъ слѣдующій фактъ. На одномъ изъ засѣданій Ц. К-а, во время Лондонской Конференціи, былъ съ большимъ трудомъ выработанъ и принятъ партійный бюджетъ. При этомъ совершенно упустили изъ виду старое постановленіе Ц. К-а объ учрежденіи особаго фонда для Б. О. Объ этомъ вспомнили, и на слѣдующій день пришлось весь составленный уже партійный бюджетъ передѣлывать („З. С.-С. К.", стр. 12-13). Въ томъ, что *совершенно забыли* о внесеніи въ бюджетъ своевременно установленной суммы для Б. О., и что старое постановленіе самого Ц. К-а о неприкосновенности этой суммы *было уважено лишь послѣ спора*, „Судебно-Слѣдственная Комиссія" видитъ доказательство переоцѣнки террора! Конечно, „Судебно-Слѣдственная Комиссія" имѣетъ право считать „общеорганизаціонные расходы" (и въ томъ числѣ расходы на содержаніе партійной бюрократіи) болѣе важными, чѣмъ траты на боевое дѣло; но надо признать, что въ данномъ случаѣ отъ сдѣланнаго ею вывода до исполненія „долга передъ истиной и правдой" довольно далеко.

Когда говорятъ, что Партія не щадила *никогда* никакихъ средствъ для боевого дѣла, то это скорѣе — „насъ возвышающій обманъ".

Какъ будто бы не приходилось въ послѣдніе годы слышать постоянныхъ жалобъ отъ боевиковъ о трудностяхъ работы вслѣдствіе недостатка средствъ!

Какъ будто бы они съ величайшимъ трудомъ не

собирали грошей для возможнаго осуществленія дѣлъ, гдѣ ставилась на каргу ихъ жизнь!

Какъ будто нѣкоторые боевики не погибли послѣ совершенія ими своего дѣла только потому, что не было средствъ организовать для нихъ спасеніе!

Какъ будто послѣ провала Сѣвернаго Боевого Отряда не оповѣщали въ „Знамени Труда“, что теперь нѣтъ ни денегъ, ни людей!

А между тѣмъ въ это время бюрократическія функціи партійныхъ учрежденій продолжали отправляться съ прежнею правильностью, а до того на „общеорганизаціонныя“ нужды были истрачены огромныя суммы.

И послѣ всего этого, послѣ пораженія революціи, краха массоваго движенія, торжества обновленнаго самодержавія, при воѣ шакаловъ реакціи, среди атмосферы деморализаціи, ренегатства и измѣнъ, послѣ того какъ Партія, обезсиленная и дискредитированная, фактически не дѣлала террора въ теченіе трехъ лѣтъ, является „Судебно-Слѣдственная Комиссія“, судящая прошлое, настоящее и будущее Партіи, и произрекаетъ свой авторитетный приговоръ: „терроръ переоцѣненъ!“ Истинный выводъ подразумѣвается само собою: террору наступилъ конецъ.

Нужно-ли еще большее торжество для враговъ и для друзей, которые хуже враговъ? „Наша, наша взяла!“ Ликуютъ культурники и филистеры, ликуютъ „товарищи“, давно готовые отказаться отъ компрометирующаго идейнаго наслѣдія! Ликуютъ „реальные политики“ изъ соціалъ-демократіи! Ликуетъ „оппозиція его величества“, ликуютъ всѣ умѣренно-аккуратные и всѣ ренегаты! Ликуютъ столпы „обновленнаго строя“, и еще недавно ликовалъ Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ! Ликуетъ тѣнь Плеве, хотя и съ сокрушеніемъ о жертвѣ, понесенной на алтарь переоцѣненнаго террора!..

Это — ликованіе надъ поверженной правдой. Это ликованіе надъ разбитыми идеалами террористовъ, павшихъ въ неоконченной борьбѣ и не имѣющихъ продолжателей.

Дѣйствительно-ли правда окончательно повержена,

и софизмы Молчалиныхъ стали признанною истиною? Или, быть можетъ, правда воспрянетъ и найдетъ грозныхъ мстителей?

* * *

Но какимъ образомъ „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ связываетъ свою легенду о „переоцѣнкѣ террора“ съ неподдѣльною дѣйствительностью азефщины?

Для оффиціальнаго соціалиста-революціонера, когда является затрудненіе въ присканіи „истинно-научнаго“ объясненія какого-нибудь факта, роль Провидѣнія обыкновенно беретъ на себя соціалъ-демократія.

Какъ только стало извѣстно разоблаченіе Азефа, россійскіе соціалъ-демократы немедленно открыли „историко-матеріалистическое“ объясненіе азефщины: причина ея — въ самомъ террорѣ, который-де неизбѣжно культивируетъ провокацію.

Если бы не было кого провоцировать, то не было бы провокаторовъ: это — несомнѣнно. Если бы не было террора, то не было бы ни террористовъ, ни провокаторовъ среди террористовъ. Если бы не было революціи, если бы вовсе не было революціонной дѣятельности, то не было бы ни революціонеровъ, ни провокаторовъ среди несуществующихъ революціонеровъ. Все это — несомнѣнная истина.

Анти-террористическая аргументація нашихъ соціалъ-демократовъ сводится, стало быть, къ глубокомысленной тавтологіи: если бы ничего не было, то ничего бы не было. А такъ какъ тавтологія никогда не можетъ объяснить ни одного конкретнаго явленія, то она въ данномъ случаѣ такъ же мало можетъ объяснить провокацію Азефа въ Партіи С.-Р., практикующей терроръ, какъ мало она можетъ объяснить провокацію Гуровичей, Каплинскихъ Серебряковыхъ и цѣлаго легіона другихъ провокаторовъ въ средѣ соціалъ-демократовъ, терроръ отвергающихъ.

Но за спасительную тавтологію анти-террористическихъ соціалъ-демократовъ, какъ за соломинку, ухватилась „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ „террористическихъ“ соціалистовъ-революціонеровъ.

Не слѣдуетъ, съ другой стороны, забывать, что когда

оффиціальный соціалистъ-революціонеръ копируетъ соціалъ демократа, то онъ неизмѣнно слѣдуетъ правилу: походить на соціалъ-демократа, отличаться отъ него мало, но все-же хоть немного отъ него отличаться. Это — вполнѣ понятно: ибо иначе къ чему вообще называть себя соціалистомъ-революціонеромъ и не слиться съ своимъ „друго-врагомъ“ въ единое и нераздѣльное цѣлое?

Заимствуя объясненіе азефщины у соціалъ-демократовъ, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“, вполнѣ сознавая, какое заимствованіе и у кого она дѣлаетъ, не уклонилась вмѣстѣ съ тѣмъ отъ строгаго соблюденія означеннаго правила: *заимствовать, но немного видоизмѣнять.* Такъ часто дѣлаются и литературные плагіаты.

И вотъ „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ немного модифицируетъ объясненіе соціалъ-демократовъ. Для нея, причина азефщины — не въ томъ, что примѣнялся терроръ, а въ томъ, что его переоцѣнили. „Комиссія далека отъ мысли, выраженной, между прочимъ, нѣкоторыми соціалъ-демократами, что террористическія организаціи неизбѣжно привлекаютъ провокацію. Мысль эта совершенно невѣрна Вся террористическая кампанія „Народной Воли“, прогремѣвшая на весь міръ, прошла безъ малѣйшаго слѣда „провокаціи... Не въ террорѣ, какъ пріемѣ революціонной борьбы, а въ преувеличенно-террористическомъ настроеніи руководящихъ сферъ Партіи нашелъ Азефъ почву, благопріятную для осуществленія его плановъ“ („З. С.-С. К.“, стр. 20-21).

Курьезно здѣсь, прежде всего, что „Судебно-Слѣдственная Комиссія“, въ подтвержденіе своей мысли, ссылается ни примѣръ „Народной Воли“. Въ самомъ дѣлѣ, если, для этой Комиссіи, терроръ былъ переоцѣненъ руководителями Партіи С.-Р., то какъ безмѣрно больше должна была бы быть, въ ея глазахъ, переоцѣнка террора „Народною Волею“?

Но суть дѣла здѣсь не въ этомъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ лишь „смягчила“ тавтологію соціалъ-демократовъ. Если бы не „переоцѣ-

нивали“ террора, то ему отводили бы меньше мѣста и вниманія въ тактикѣ, его бы меньше дѣлали; а если бы дѣлали менѣе террора, то было бы въ Б. О. менѣе провокаціи, Азефъ не получилъ бы такого значенія, и меньше было бы жертвъ, и т. д.; ergo... Такое разсужденіе явилось бы остроумнымъ „синтезомъ“ соціалъ-демократическаго глубокомыслія съ здравымъ смысломъ, опять-таки, незабвеннаго Кузьмы Пруткова, этого оракула „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“. Путь отъ „синтеза“ къ твердокаменному выводу соціалъ-демократовъ былъ бы тогда, впрочемъ, недалекъ: ибо изъ ариѳметики извѣстно, что предѣлъ всякой безконечно убывающей величины есть нуль. На *нулѣ террора* произошло бы примиреніе непреклонной логики соціалъ-демократовъ и болѣе осторожнаго синтеза „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“ соціалистовъ-революціонеровъ.

Но думать такъ въ данномъ случаѣ значило бы лишь „скользить по поверхности“. Въ данномъ случаѣ, совершая заимствованіе, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ проявила вмѣстѣ съ тѣмъ даръ истинно-оригинальнаго творчества.

Указывая на „преувеличенно-террористическое настроеніе руководящихъ сферъ Партіи“, какъ на источникъ азефщины, „Судебно-Слѣдственная Комиссія“ добавляетъ: „При другихъ условіяхъ, при другой, болѣе партійной постановкѣ боевого дѣла, Азефъ не достигъ бы съ такой ошеломляющею быстротою привилегированнаго положенія въ Партіи и не продержался бы на немъ такъ долго *вопреки упорнымъ и долголѣтнимъ предупрежденіямъ*“ („З. С.-С. К.“, стр. 21, курсивъ въ текстѣ).

Обыкновенные смертные думаютъ, что если кто переоцѣниваетъ значеніе какого-нибудь предпріятія, то онъ дѣлаетъ рѣшительно все отъ него зависящее, чтобы это предпріятіе удалось. Онъ не щадитъ никакихъ жертвъ, привлекаетъ годныхъ для выполненія дѣла людей, устраняетъ всѣхъ людей, которые могли бы ему помѣшать, однимъ словомъ, зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы были на лицо всѣ средства, необходимыя для осуществленія цѣли.

Если, стало быть, какая-нибудь политическая группа „переоцѣниваетъ“ терроръ, то, согласно этому простому воззрѣнію обыкновенныхъ смертныхъ, естественно, чтобы подобная группа, высоко цѣня и даже переоцѣнивя результаты террора, принимала всѣ мѣры къ его безпрепятственному осуществленію и развитію; естественно, чтобы, въ виду крайней опасности провокаціи для дѣла террора, эта группа принимала самыя строгія мѣры для привлеченія къ дѣлу абсолютно благонадежнаго персонала и безпощадно отстраняла отъ него людей, на которыхъ лежитъ хоть малѣйшая тѣнь сомнѣнія.

Такъ разсуждаютъ обыкновенные смертные. „Судебно-Слѣдственная Комиссія“, напротивъ того, находитъ, что правящій центръ Партіи до такой степени „переоцѣнивалъ“ терроръ, что удерживалъ во главѣ боевого дѣла человѣка „вопреки упорнымъ и долголѣтнимъ предупрежденіямъ“ о его провокаціи.

Иначе говоря, по мнѣнію „Судебно-Слѣдственной Комиссіи“, центръ Партіи до такой степени хотѣлъ террора, во что бы то ни стало и кѣмъ бы онъ ни дѣлался, что онъ не останавливался даже передъ удержаніемъ во главѣ боевого дѣла... возможнаго провокатора!

Вотъ къ чему ведетъ логика достопочтенныхъ судей. Вотъ какъ мститъ за себя истина, когда, вопреки ей, хотятъ непремѣнно и во что бы то ни стало объяснять азефщину пламенною (якобы) страстью къ террору руководителей Партіи.

Послѣ того какъ терроръ былъ фактически сведенъ на нѣтъ, послѣ того какъ онъ былъ загрязненъ соприкосновеніемъ съ провокаціею; послѣ того какъ какъ террористы были физически убиты, отданные во власть провокатора; послѣ того какъ морально они не были пощажены, оклеветанные тѣми судьями, которые азефщину связали съ ихъ душою, съ ихъ „психологіею“, — послѣ этого оставалось еще попытаться убить самую душу террора, и миссію эту взяли на себя опять-таки тѣ же судьи, провозгласившіе, что азефщина — продуктъ преувеличеннаго террора.

Можно-ли считать случайностью то, что этотъ при-

говоръ совпалъ съ открытымъ походомъ въ оффиціальной Партіи противъ террора? Со всѣхъ сторонъ сыплются теперь на терроръ предательскіе удары. Терроръ еле дышитъ, но его надо доканать. Послѣ оффиціальнаго разоблаченія азефской провокаціи, вдругъ заговорили всѣ Валаамовы ослицы анти-терроризма. Они выступаютъ противъ террора въ собраніяхъ партійныхъ и нейтральныхъ, они усердно отстаиваютъ свой взглядъ въ изданіяхъ оффиціально-партійныхъ и полу-партійныхъ. Они хотятъ смести съ погъ прахъ прошлаго и стать такою же партіею, какъ иныя прочія. Они хотятъ всецѣло отдаться культурно-массовой дѣятельности, которой де сильно мѣшаетъ терроръ. Нѣкоторые изъ нихъ хотятъ замѣнить терроръ участіемъ въ 4-ой Думѣ. Идетъ, грядетъ воинствующій культурникъ. Какая непочатая почва для него въ обновленномъ строѣ! Шумно выступили съ своею проповѣдью филистерствомъ одухотворенные Митрофаны Простаковы отъ оффиціальнаго соціалъ-революціонизма*) Они ужъ заранѣе предвкушаютъ блаженство наступленія ихъ „новой эры“.

И, замѣтьте, всѣ эти рыцари анти-терроризма молчали до дѣла Азефа. Они ждали удобнаго момента для своего открытаго выступленія. Теперь они сильны не только пораженіемъ революціи, не только всеобщею деморализаціею, котораго порожденіемъ, впрочемъ, они сами являются, но и самою азефщиною, которая такъ загрязнила святое дѣло. О, какъ благодарны они должны быть Азефу, оказавшему имъ такую услугу! Не является-ли эта связь символомъ того морально-политическаго паденія, которое мы переживаемъ въ послѣдніе годы? Отличительная

*) Въ числѣ послѣднихъ нѣкій А. Савинъ («Извѣстія З. О. К.» и «З. Т.») выгодно отличается отъ другихъ совершенно откровеннымъ и ничѣмъ не замаскированнымъ манифестированіемъ с-р-овскаго культурничества и проповѣдью онаго для спасенія Партіи, совершенный развалъ которой имъ откровенно и безъ утаекъ доказывается. Жаль только, что онъ въ своей полемикѣ увлекается до того, что договаривается до вещей, которыя юридически могутъ быть квалифицируемы, какъ «доносъ». Мы, конечно, не обвиняемъ А. Савина въ злостныхъ намѣреніяхъ. Это — лишь результатъ того недомыслія и той распущенности, которыхъ столько примѣровъ намъ представляетъ вся исторія азефщины.

черта всѣхъ эпохъ реакціи и контръ-революціи, это — апологія малыхъ дѣлъ и смиренныхъ чувствъ выродками революціи.

Анти-террористическое теченіе получаетъ теперь если не по формѣ, то по существу новую поддержку въ заключеніи „Судебно-Слѣдственной Комиссіи".

Mot d'ordre данъ. Назрѣваетъ измѣна. Подъ покровомъ старыхъ вывѣсокъ и словесныхъ фикцій готовится послѣдняя фальсификація революціоннаго дѣла. Имя новому культу — интегральное культурничество.

Глава VII.

Дѣйствительныя причины азефщины.

При изслѣдованіи дѣйствительныхъ причинъ азефщины въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. того бытового духа и тѣхъ организаціонныхъ нравовъ въ Партіи, которые позволили провокаціи свить себѣ прочное гнѣздо въ самомъ сердцѣ Партіи, слѣдуетъ имѣть въ виду, что азефщина отнюдь не была ликвидирована оффиціальнымъ разоблаченіемъ провокатора, что, напротивъ того, духъ и нравы остались тѣ же и продолжали вліять не всю кампанію оффиціальной ликвидаціи.

Выясненіе истинныхъ причинъ азефщины должно дать правдивый отвѣтъ на слѣдующіе вопросы:

Какъ объяснить то, что высшая администрація Партіи въ теченіе многихъ лѣтъ сохраняла въ своей средѣ Азефа, защищая его отъ всѣхъ нападокъ, не смотря на его моральный обликъ и всѣ имѣвшіяся противъ него обвиненія, и не отстранила его отъ дѣлъ даже тогда, когда сумма все возраставшихъ уликъ дѣлала его пребываніе въ центрѣ величайшею опасностью для жизни людей, для боевого дѣла и для всей Партіи?

Какъ объяснить то, что, когда явные симптомы провокаціи были на лицо, партійная масса, такъ называ-

емая периферія, ничего рѣшительно не замѣчала, и когда обвинители и въ частности группа, представленная Конспиративною Комиссіею, выступили противъ провокаціи, они не только не нашли въ рядахъ Партіи сочувствія и поддержки, но, напротивъ того, всюду встрѣчали вражду и противодѣйствіе?

Какъ объяснить то, что администрація Партіи и лица, наиболѣе отвѣтственныя въ дѣлѣ Азефа, приняли, послѣ оффиціальнаго разоблаченія провокатора, мѣры, менѣе всего соотвѣтствовавшія требованію полной и истинной ликвидаціи азефщины, а дѣятельность „Судебно-Слѣдственной Комиссіи", назначенной для разслѣдованія дѣла, должна была кончиться и дѣйствительно кончилась полнымъ банкротствомъ?

Изслѣдованіе причинъ и источниковъ азефщины должно раскрыть передъ нами картину нравовъ, далеко не приглядную, и притомъ нравовъ въ революціонной средѣ.

Критика этихъ нравовъ будетъ равносильна суровому ихъ осужденію.

Должны мы слѣдовать мнѣнію того римскаго философа, который училъ, что „ненавидѣть пороки значитъ ненавидѣть людей", или признать, вмѣстѣ съ современнымъ соціалистомъ, великое значеніе „творческой ненависти", когда ненависть направлена противъ пороковъ, противъ зла, становящагося на пути того идеала, во имя котораго мы боремся ради блага людей?

Должны ли мы руководиться старою революціонною традиціею — нынѣ забытою, но нѣкогда свято чтившеюся всѣми революціонерами — традиціею, гласившею, что, покамѣстъ революціонныя партіи въ Россіи являются по необходимости тайными обществами, участіе въ которыхъ карается жестокими репрессіями правительства, критика внутренней жизни этихъ партій допустима лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ собственной революціонной семьи, но не должна быть вынесена на широкую арену публичной огласки, во избѣжаніе вреда для дѣла, для престижа борцовъ, во избѣжаніе также возможности ис-

пользованія этой критики врагами, — или же, разъ зло пустило такіе глубокіе корни, что оно способно расти и развиваться, если не будетъ оказано ему самое рѣшительное противодѣйствіе, мы обязаны вступить въ безпощадную борьбу съ этимъ зломъ и дѣйствовать, если нужно, открыто, памятуя, что правда не боится свѣта, и что борьба въ данномъ случаѣ идетъ не противъ отдѣльныхъ лицъ, а противъ системы?

Въ отношеніи нашего сюжета, характеръ современныхъ партій, особенность настоящаго момента и спеціальная природа Азефскаго дѣла не оставляютъ мѣста для сомнѣній.

Современныя революціонныя партіи перестали быть узкими сектами или маленькими заговорщицкими группами. Онѣ дѣйствуютъ на массы, опираются на массы и говорятъ отъ имени массъ. Даже вполнѣ активные элементы партіи образуютъ сложную организацію со сложнымъ составомъ, сложною іерархіею и сложными отношеніями. Революціонная въ тѣсномъ смыслѣ слова работа, за некоторыми исключеніями, то сплетается съ культурно-соціалистическою дѣятельностью, то совершенно стушевывается передъ послѣднею. Здѣсь нѣтъ мѣста той семейной морали, которая такъ тѣсно сплочиваетъ членовъ общества и союзовъ апостольскаго типа. Соціалистическія партіи объединяются соціалистическою моралью. Но послѣдняя не установила еще, кромѣ обязательнаго признанія общихъ прграммныхъ принциповъ, тѣхъ конкретныхъ правилъ, которымъ всегда должны слѣдовать соціалисты, признающіе несправедливость современнаго строя, работающіе для осуществленія болѣе моральнаго общежитія, но по необходимости продолжающіе жить въ ненормальныхъ условіяхъ осужденнаго ими строя и дѣлать уступки на каждомъ шагу требованіямъ этого строя. Только провозглашеніе и обязательное воплощеніе въ жизнь новыхъ требованій соціалистической морали въ переходное даже время могло бы создать психологію солидарности обширной соціалистической семьи. Нынче этого еще нѣтъ. И потому часто приходится

слышать и отъ соціалистовъ объ удручающемъ обособленіи между личною и общественною жизнью. Въ каждомъ соціалистическомъ „я“ замѣчается болѣзненная двойственность. Въ этомъ заключается одна изъ трагическихъ сторонъ совѣсти и сознанія соціалиста современнаго переходнаго періода.

Далѣе, въ настоящій моментъ революціонныя партіи въ Россіи фактически не существуютъ. Отъ нихъ остались только тѣни, симулирующія жизнь. Революція искоренена до такой степени, что въ дѣйствительности приходится критиковать только прошлое. Мало того, революція не только разбита, но и скомпрометирована. Никогда Народная Воля пала съ честью, послѣднее революціонное движеніе пало въ нѣкоторомъ отношеніи съ безчестіемъ. Да, оно опозорено непростительными ошибками, непростительными иллюзіями, непростительнымъ фанфаронствомъ и самомнѣніемъ, непростительными пріемами и дѣйствіями тѣхъ, которые поучали и руководили, игнорируя историческій опытъ и уроки прошлаго. Всѣ кумиры теперь повержены, всѣ цѣнности ждутъ своей переоцѣнки. Если суждено революціи возродиться въ Россіи, то для избѣжанія новаго цикла неудачъ и разочарованій, необходимо, чтобы она приняла новые принципы въ основу теоріи и практики борьбы. Необходимо выясненіе и рѣшительное осужденіе всего того, что привело къ столь ужасной катастрофѣ.

Наконецъ, въ отношеніи оффиціальной Партіи С.-Р., дѣло Азефа грозило и грозитъ для нея моральною смертью. Еще до разоблаченія провокаціи, она стала, подобно другимъ партіямъ, тѣнью; теперь же она — тѣнь отъ тѣни. Но дѣло Азефа было не только тяжкимъ и непоправимымъ ударомъ для центра, партійной организаціи и отдѣльныхъ дѣятелей. Оно породило массу чудовищныхъ легендъ и уродливыхъ заключеній, которыя не только насаждаютъ и укрѣпляютъ ложь въ представленіяхъ о фактической сторонѣ „дѣла“, не только переноситъ центръ тяжести отвѣтственности за содѣянное въ ненадлежащую плоскость, но и вовлекаютъ въ пучину гибну-

щихъ цѣнностей великія революціонныя идеи и великіе тактическіе принципы.

Вотъ почему необходима безпощадная критика. Вотъ почему здѣсь прежде всего необходимы правда и искренность. Fiat lux!

Пусть же революціонные лакеи смѣютъ теперь говорить намъ о Маркевичахъ и Лѣсковыхъ. Они этимъ докажутъ свою холопскую преданность не идеѣ, а іерархіи, не дѣлу, а кастѣ. Они тѣмъ самымъ распишутся, какъ наглядный примѣръ и живое подтвержденіе тѣхъ язвъ, которыя нынѣ раздираютъ душу и тѣло революціонныхъ организацій.

* *
*

Исторія азефщины находитъ свое объясненіе главнымъ образомъ въ тѣхъ организаціонныхъ нравахъ, которые привились въ оффиціальной Партіи С.-Р. со времени ея основанія.

Партія съ самаго начала создавалась и организовалась сверху. Съ самаго начала она имѣла централистическій характеръ. Съ самаго начала она строилась и воспитывалась въ духѣ идей и воззрѣній небольшой группы ея основателей.

Что собираніе и организованіе Партіи началось по иниціативѣ нѣсколькихъ лицъ, это было вполнѣ естественно и необходимо. Въ этой иниціативѣ и въ выполненіи и значитеальной работы объединенія разъединенныхъ элементовъ въ цѣлостный механизмъ заключется безспорная заслуга основателей Партіи.

Но съ самаго начала обнаружилось, что наиболѣе вліятельные изъ этихъ основателей Партіи смотрятъ на новую революціонную работу не только какъ на общее дѣло, но спеціально и въ особенности какъ на свое личное дѣло.

Прежде всего это сказалось въ области *идейнаго творчества.*

Идейный разбродъ, который характеризовалъ въ началѣ прошлаго десятилѣтія ту часть нашей революціонной интеллигенціи, которая не мирилась съ теоріею и практикою соціалъ-демократизма, съ одной

стороны, и неотложная необходимость начатія интенсивной борьбы съ самодержавіемъ, съ другой стороны, требовали объединенія всѣхъ работоспособныхъ элементовъ не столько на положительныхъ теоретическихъ догматахъ, сколько на признаніи обще-соціалистической платформы, единомыслія въ принципахъ тактики и отрицаніи тѣхъ теоретическихъ предразсудковъ, которые являлись помѣхою и препятствіемъ для раціональной работы и раціональныхъ методовъ борьбы. Надо было объединять, а не разъединять, въ особенности изъ-за отдаленныхъ задачъ и болѣе или менѣе абстрактныхъ догмъ. Выработку цѣльнаго міросозерцанія надо было предоставить будущему. Дѣлать на спѣхъ новую программную философію движенія значило совершать канцелярскую работу и вмѣстѣ съ тѣмъ компрометировать ближайшее будущее партіи возможною ортодоксіею новаго Корана, возможными его ошибками и противорѣчіями, возможною потерею друзей и единомышленниковъ въ области непосредственной практической работы, возможными раздорами, разногласіями и расколами въ самой партіи.

Иначе понимала дѣло правящая группа новой партіи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ другія партіи имѣютъ оффиціальныя міровоззрѣнія и программы; какъ же намъ быть хуже другихъ?

И вотъ быстро „сочинили“ оффиціальное міровоззрѣніе и оффиціальную программу для новой партіи. Съ этою цѣлью были соединены въ эклектическую систему разнородные и разноцѣнные элементы, скомпилированные изъ всевозможныхъ идейныхъ и политическихъ источниковъ и механически соединенные въ одно цѣлое. На продуктахъ подобнаго эклектическаго творчества было воспитано цѣлое молодое поколѣніе соціалистовъ-революціонеровъ.

Ужъ это обстоятельство имѣло весьма важныя послѣдствія.

Новизна программы и ея эклектическій характеръ требовали часто ея разъясненія и развитія. Истолкованіе должно было имѣть характеръ „аутентическій“, особенно въ ту стадію жизни партіи, когда теоретиче-

ское творчество ея руководителей имѣло только полуоффиціальный характеръ, впредь до юридической санкціи его правомочнымъ представительнымъ собраніемъ партіи. Роль истолкователей взяли на себя, конечно, сами сочинители. И юношество воспитывалось на полу-оффиціальномъ творчествѣ, и на оффиціальной интерпретаціи его. Продукты творчества и интерпретаціи стали постепенно символомъ вѣры. Правители новой партіи стали правовѣрными выразителями этого символа вѣры, подобно тому, какъ какъ нѣкогда Базаръ и Анфантенъ считались въ школѣ сенъ-симонистовъ „начальниками доктрины“ (chefs de la doctrine Saint-Simonienne). Правители партіи стали, въ глазахъ товарищей и въ собственныхъ глазахъ, ея папами.

Но папы новой Партіи С.-Р. обладали даромъ непогрѣшимости не въ большей степени, чѣмъ папы католическіе. Руководители Партіи С.-Р. часто противорѣчили себѣ въ пространствѣ и во времени. Имъ приходилось неоднократно мѣнять свои воззрѣнія, въ процессѣ ихъ дальнѣйшаго развитія и интерпретаціи. Имъ приходилось отказываться отъ старыхъ взглядовъ, подъ покровомъ новаго ихъ истолкованія. Въ различные моменты давались различныя аутентическія толкованія. Всему этому способствовалъ эклектическій характеръ оффиціальнаго міровоззрѣнія. Ученики часто дѣлали противорѣчивые выводы изъ разнородныхъ элементовъ программы, а иногда дѣлали крайніе выводы изъ бывшаго аутентическаго толкованія, которое было потомъ замѣнено другимъ аутентическимъ толкованіемъ. Другіе члены Партіи стали оттѣснять одни элементы программы, напр., народническіе и идеалистическіе, въ противоположность другимъ, напр., марксистскимъ. Появились расколы: аграрно-революціонная оппозиція, максималисты, народные соціалисты.

Центръ Партіи создалъ ортодоксію, онъ же былъ и оставался ея верховнымъ блюстителемъ. Онъ опредѣлялъ, что слѣдуетъ считать правовѣріемъ, и что ересью. Онъ выражалъ свои сентенціи въ оффиціальной литературѣ и популяризировалъ ихъ черезъ

своихъ агентовъ и черезъ покорныя ему учрежденія. „Периферія“ безпрекословно принимала теоріи и мнѣнія, декретированныя сверху.

Трудно найти примѣръ другой соціалистической партіи, столь послушной ея руковвдителямъ, столь слѣпо воспринимавшей ихъ догматы, столь мало участвовавшей, своимъ коллективнымъ творчествомъ, въ идейной работѣ, какъ Партія С.-Р. Бывали случаи, когда, въ силу эклектическихъ противорѣчій системы, руководители высказывали еретическія сужденія, съ своей собственной точки зрѣнія; подобныя сужденія, которыя вызвали-бы бурю негодованія, еслибы они были высказаны рядовымъ членомъ партіи, особенно заподозрѣннымъ въ уклоненіяхъ отъ ортодоксіи, вообще принимались за святую истину, когда они исходили изъ устъ „центровика“ или вообще вліятельнвй персоны въ оффиціальной Партіи. Сколько было идейныхъ и тактическихъ метаморфозъ и противорѣчій! Вспомнимъ хотя-бы соглашеніе съ представителями либеральной оппозиціи въ 1904 г. для координированія дѣйствій въ борьбѣ съ самодержавіемъ (гдѣ однимъ изъ представителей отъ Партіи С.-Р. былъ Азефъ) одновременно съ проповѣдью соціально-политическаго переворота путемъ аграрной революціи и безпорядочнаго захвата помѣщичьихъ земель. Что-жъ, вѣдь это былъ не „союзъ“, а „соглашеніе“! Такъ возглашали оффиціальныя пиѳіи, и „периферія“ всему аплодировала.

Оффиціально говорилось и увѣрялось, что Партія С.-Р. есть партія критики и самокритики. Въ дѣйствительности критики не только не поощряли, но клали ей всевозможныя „препоны и препятствія“. Литературная работа, въ партійныхъ изданіяхъ, и устная пропаганда въ революціонныхъ кружкахъ не только аатруднялись, но часто пресѣкались для товарищей, склонныхъ къ критицизму по отношенію къ трафаретнымъ догматамъ эклектическаго міросозерцавія оффиціальной партіи, тогда какъ ученическому разжевыванію ортодоксально-духовной пищи неизмѣнно давался ходъ. Мало того, критика ортодоксіи стала входить въ категорію „превратныхъ

идей", и партійные цензора добросовѣстно выполняли свою задачу. Критикъ провозглашался „еретикомъ", стоустая молва говорила о немъ, какъ о неблагонадежномъ членѣ партіи, и его старались, въ предѣлахъ самой партіи, окружить пустотой. „Периферіи" внушалось, что „еретикъ" борется съ Партіею: Партія, это — ея центръ; а идеи Партіи, это — идеи ея центра!..

До какой степени поощрялась критика въ Партіи, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1907 г. одной заграничной группѣ, въ лицѣ ея административной комиссіи, было сдѣлано строгое внушеніе оффиціальнымъ начальственнымъ лицомъ Партіи за то, что она позволяетъ себѣ „критиковать партійную программу". Критика программы заключалась въ томъ, что эта группа пригласила для прочтенія реферата о партійной программѣ въ закрытомъ ея собраніи одного члена Партіи.

Благодаря подобнымъ методамъ и нравамъ, небольшой кружокъ спѣвшихся между собою дѣятелей, вошедшихъ въ руководящій центръ, фактически присвоилъ себѣ *монополію идейно-теоретической работы и инициативы.* Создана была атмосфера, въ которой подавлялась идейная самодѣятельность работниковъ, и Партія отталкивала отъ себя индивидуальности, критическая мысль которыхъ не укладывалась въ Прокрустово ложе освященнаго эклектическаго міросозерцанія оффиціальной Партіи. Партійная масса была воспитана на оффиціальномъ катехизисѣ и дисциплинирована въ чувствахъ слѣпого преклоненія передъ центромъ Партіи, какъ единственномъ источникѣ партійной мудрости, которому слѣдовать всегда полагается „не за страхъ, а за совѣсть". Подобное воспитаніе и искусственный подборъ персонала менѣе всего, конечно, могли способствовать развитію критической иниціативы въ массѣ партійныхъ работниковъ.

О послѣднемъ съ достаточною наглядностью свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Когда въ 1904 году былъ опубликованъ проектъ „Программы Партіи С.-Р." (проектъ, который, впрочемъ, еще до оффиці-

альнаго принятія его былъ уже разсматриваемъ какъ партійный катехизись), редакція „Рев. Россіи“ пригласила членовъ Партіи принять участіе въ возможно широкой печатной дискуссіи, посвященной этому profession de foi Партіи. На этотъ зовъ, насколько мнѣ извѣстно, откликнулось изъ всей Партіи *только одно лицо* (конечно, „еретикъ“). Этимъ и ограничилась вся печатная критика проекта, принятаго первымъ съѣздомъ Партіи С.-Р. въ началѣ 1906 г.

Еще задолго до „революціи“, люди, безпристрастно наблюдавшіе, какъ воспитывается и подбирается партійный персоналъ, предсказывали неизбѣжный идейный крахъ Партіи С.-Р. въ близкомъ будущемъ.

* *
*

Съ *монополіею идейнаго руководительства* соединилась *монополія организаціоннаго руководительства.*

Управленіе Партіи сосредоточилось въ рукахъ проникнутой *бюрократическимъ* духомъ *касты.*

Бюрократическіе нравы и навыки постепенно сообщались отъ верховъ Партіи къ комитетамъ и къ другимъ оффиціальнымъ инстанціямъ Партіи.

Высшая администрація Партіи являлась замкнутою группою людей, связанныхъ тѣсною солидарностью не только совмѣстною работою съ самаго основанія Партіи или вообще въ теченіе долгаго времени на службѣ Партіи, но и общимъ для нихъ сознаніемъ своей *особой* миссіи, своего *особаго* престижа, своего *особаго* значенія для Партіи — центра, какъ совокупности, и каждаго его члена въ отдѣльности. Въ глазахъ многихъ, Партія, это были преимущественно центръ и близкіе къ центру дѣятели. О нѣкоторыхъ дѣятеляхъ, принадлежащихъ къ составу центра, приходилось слышать, что безъ нихъ Партія не могла бы существовать. Если кто-нибудь скромно работалъ въ Партіи, не входя въ близкое прикосновеніе съ центромъ и его оффиціальными агентами, то о немъ говорилось — въ самомъ центрѣ, — что онъ „далекъ отъ Партіи“. Исканіе близости къ центру и снискиваніе его симпатій называлось „любовью къ

Партіи", а холопская покорность центру часто называлась „партійной дисциплиною".

Центръ казался и считалъ себя провиденціальнымъ воплощеніемъ самой Партіи, а составъ его — составомъ людей, провиденціальныхъ и провиденціально необходимыхъ для Партіи. Азефъ не былъ въ этомъ отношеніи особымъ исключеніемъ.

Подобный центръ долженъ былъ, въ глазахъ его членовъ, быть окруженъ особымъ ореоломъ. Онъ былъ выраженіемъ разума, источникомъ внутренняго свѣта Партіи. Съ другой стороны, корпоративное чувство ему говорило, что умаленіе престижа одного изъ его членовъ подрывало престижъ всего учрежденія. И онъ естественно ревниво оберегалъ отъ всякихъ посягательствъ репутацію отдѣльныхъ своихъ членовъ.

Культъ сверхъ-величія центра не могъ, конечно, мириться съ проявленіемъ самостоятельности работниковъ не только въ идейной, но и въ организаціонной работѣ. Считая себя хранителемъ и вѣщателемъ партійной истины, сознавая за собою и только за собою великую миссію руководить Партію въ соотвѣтствіи со своими идеями, онъ пользовался своими прерогативами и своимъ вліяніемъ надъ „периферіею" для проведенія такой линіи властованія, которая исключала бы возможность развитія въ Партіи иниціативныхъ энергій, способныхъ дѣйствовать и направляться самостоятельными путями, независимыми отъ всепоглощающаго контроля центра. Это — новое основаніе для борьбы съ критикою внутри Партіи, для поощренія пассивнаго повиновенія или подражанія центру, для подавленія всякой „мятежной" иниціативы. Элементы послушные „„паиньки", получали всяческую хвалу и поддержку у центра. Тѣ, которые позволяли себѣ „смѣть свое сужденіе имѣть", объявлялись неуживчивыми и подвергались гоненіямъ. Руководители стали привыкать къ генеральству и были счастливы выслушивать лесть отъ подчиненныхъ; а рядовые Партіи все болѣе и болѣе воспитывались въ привычкахъ пассивнаго повиновенія и въ „готовности претерпѣть". „Естественный

подборъ", который былъ въ сущности „искусственнымъ подборомъ", все болѣе и болѣе дѣйствовалъ въ одномъ направленіи — въ пониженіи уровня самостоятельной инициативы, мысли и дѣйствія у рядовыхъ дѣятелей Партіи, все болѣе и болѣе свыкающихся съ мыслью, что за нихъ думаетъ и принимаетъ рѣшенія непогрѣшимый высокій центръ.

Верхи зорко смотрѣли за всякимъ проявленіемъ самостоятельнаго сужденія и независимой воли внутри Партіи и даже за опасною возможностью такого проявленія. Когда недреманое око партійной администраціи усматривало приближающагося „внутренняго врага", то немедленно принимались надлежащія мѣры воздѣйствія и противодѣйствія.

Года четыре или пять тому назадъ до свѣдѣнія центра было доведено, что въ одномъ изъ юго-западныхъ городовъ Россіи нѣкоторые партійные работники „забунтовали", т. е. стали критически относиться къ дѣйствіямъ и директивамъ Ц. К-та. Былъ посланъ туда представитель Ц. К-та, который заявилъ имъ буквально, что „Ц. К. стоитъ выше всякой критики". Въ результатѣ предпринятой противъ нихъ кампаніи, „бунтовщики" были парализованы и въ концѣ концовъ должны были совсѣмъ покинуть Партію, которая такимъ образомъ потеряла цѣнныхъ дѣятелей.

Въ 1904 г. группа членовъ Заграничной Организаціи Партіи С.-Р., принадлежавшихъ къ одной заграничной колоніи, постановила, въ соотвѣтствіи съ вновь принятымъ уставомъ Организаціи, преобразоваться въ комитетъ Партіи. Постановленіе это не было утверждено заграничнымъ центромъ Партіи (тогда въ значительной степени сливавшимся съ заграничною делегаціею Ц. К-та) на томъ основаніи, что „группа не доказалъ еще своей работоспособности" (*не заимствовано* у Столыпина!). Между тѣмъ, въ эту группу входили старые, заслуженные революціонеры еще народовольческой эпохи. Правда, на состоявшемся передъ тѣмъ съѣздѣ Заграничной Организаціи они держали себя оппозиціонно и вотировали за предложенія, клонившіяся къ тому, чтобы

не допустить подавленія мѣстныхъ организацій верхами. Послѣ всего этого, они вышли изъ Партіи, которая опять-таки потеряла цѣнныя силы.

На томъ же съѣздѣ Заграничной Организаціи произошелъ еще слѣдующій эпизодъ. Нѣкоторые члены съѣзда критиковали тенденцію верховъ связывать дѣятельность отдѣльныхъ работниковъ и группъ чрезмѣрною централизаціею, не чуждою капризнаго самовластія. Другіе противъ этого возражали. Тутъ поднялся одинъ членъ съѣзда, рабочій Яковъ, и произнесъ горячій дивирамбъ въ пользу Ц. К-та, со стороны котораго, по его словамъ, ничего сверхъ самаго теплаго отношенія, поощренія и всевозможнаго содѣйствія онъ никогда не видѣлъ. Заявленіе Якова послужило поводомъ для новой рѣчи другого члена съѣзда, В., который поставилъ въ примѣръ оппозиціонерамъ (изъ которыхъ нѣкоторые — бывшіе каторжане), ищущимъ какихъ то „правъ“ и „гарантій“, товарища Якова, искренне преданнаго дѣлу и работающаго безъ затѣй и претензій на пользу революціи. Произошла тяжелая сцена. Спустя короткое время, оказалось, что „товарищъ“ Яковъ, это — злостный провокаторъ Яковъ Машъ, и до и послѣ этого подвизавшійся долго на охранной службѣ. Такимъ образомъ маститымъ революціонерамъ поставленъ былъ въ примѣръ провокаторъ! Другой „товарищъ“, сильно распинавшійся на томъ-же съѣздѣ за Ц. К., впослѣдствіи, по слухамъ, тоже оказался подозрительною личностью — не то провокаторомъ, не то воромъ, скрывшимся съ революціонными деньгами. Изъ этихъ примѣровъ видно, какими нитями одна ужъ культура революціоннаго холопства и раболѣпія связывается съ культурою провокаціи.

Основатели Партіи слишкомъ склонны были смотрѣть на свою общественную дѣятельность почти какъ на личное дѣло. Они ревниво оберегали партійную работу отъ вторженія элементовъ, не принадлежавшихъ къ окружавшему ихъ тѣсному кругу личностей. Ради содѣйствія дѣлу, они прежде всего привлекали и выдвигали на первый планъ своихъ женъ,

родственниковъ и близкихъ друзей. Такъ, римскіе императоры, смотрѣвшіе на имперію, какъ на собственную вотчину, сосредоточивали управленіе ею въ рукахъ своихъ министровъ-рабовъ.

Примѣръ сверху нашелъ подражателей. Появились революціонныя династіи. Въ Партіи появились нравы непотизма и кумовства. Революціонное генеральство породило революціонное лакейство и революціонный карьеризмъ. Культъ революціоннаго чинопочитанія пускалъ корни. Условіемъ достиженія вліянія въ Партіи стало обладаніе протекціею, связями, средствами.

Нравы эти проникли и въ комитеты. Примѣръ: исторія знаменитаго московскаго комитета и „московской оппозиціи".

Часто бывало, что крайне симпатичнымъ, способнымъ и преданнымъ людямъ преграждалась возможность плодотворной работы, вслѣдствіе каприза начальства или сплетенъ высокопоставленныхъ кумумушекъ, тогда какъ ничего не стоящіе революціонные карьеристы или даже презрѣнные и нечистоплотные люди подвизались вверхъ по революціонной табели о рангахъ, благодаря прислужничеству, родству или важной протекціи.

О, это — самые вредные нравы буржуазной среды, особенно ея бюрократическихъ сферъ, давно въ принципѣ осужденные въ самой этой средѣ, которые теперь стали язвою соціалистическихъ и революціонныхъ организацій. Историки Парижской Коммуны 1871 года жалуются, что въ разгаръ борьбы между возставшею столицею и версальцами, кумовство и протекція вліяли на выборъ персонала, необходимаго для отправленія тѣхъ или другихъ революціонныхъ функцій. Что зло царитъ всюду, а не только у насъ, — это, конечно, лишь слабое утѣшеніе.

* * *

Бюрократическій духъ — врагъ *морали и безкорыстнаго идеализма.*

Бюрократизмъ требуетъ прежде всего внѣшней

дисциплины и практической исполнительности. Онъ не интересуется внутреннимъ содержаніемъ человѣка. Онъ цѣнитъ человѣка лишь постольку, поскольку онъ полезенъ для выполненія функціи, необходимой для хода бюрократической машины. Такъ дѣло обстоитъ въ „идеальной“ бюрократіи, поскольку она служитъ не отдѣльнымъ бюрократамъ, а той миссіи, которую она выполняетъ. Когда являются бюрократическія злоупотребленія, и когда они становятся второю натурою корпораціи, тогда въ самой бюрократіи успѣхъ имѣютъ часто не наиболѣе способные и наиболѣе преданные, а наиболѣе ловкіе и наиболѣе неразборчивые въ средствахъ для дѣланія карьеры.

Подобнымъ же оброзомъ и революціонный бюрократизмъ, это — могила для высоко моральныхъ требованій, которыя должны предъявляться къ каждму соціалисту и революціонеру.

Какой страшный парадоксъ! Соціализмъ, этотъ великій идеалъ, возстающій противъ всего зла современнаго общества, противъ его язвъ, лицемѣрія и безнравственности, требующій отъ своихъ адептовъ жертвъ и моральнаго возвышенія себя и другихъ, — и соціалистическая партія, борющаяся за этотъ идеалъ, но допускающая въ своей собственной, внутренней организаціи процвѣтаніе тѣхъ самыхъ пороковъ, которые ею же такъ бичуются, какъ позорныя черты современнаго строя...

Въ той соціалистической и революціонной партіи, гдѣ генеральство и лакейство, карьеризмъ и непотизмъ получилъ право гражданства, слишкомъ часто забываютъ объ обязанности считаться съ моральными качествами личностей, принимаемыхъ въ партію и потомъ въ ней подвизающихся.

„Судебно-Слѣдственная Комиссія“ упомянула въ своемъ „Заключеніи“ о необходимости „предъявленія болѣе строгихъ моральныхъ требованій къ членамъ Партіи“ (стр. 96). Но она не поставила этого требованія въ связи ни съ какими фактами, относящимися къ азефщинѣ. У нея это требованіе является невольнымъ признаніемъ, ибо она не могла и не хотѣла видѣть причины азефщины въ той организа-

ціонной деморализаціи Партіи, изучить которую она воздержалась.

Не только въ Партію получали доступъ лица, моральный уровень которыхъ оставался неизвѣстною величиною, но, мало того, бюрократически-іерархическіе нравы въ самой Партіи часто портили людей, которые, при вступленіи въ Партію, думали только о служеніи идеѣ и ни о чемъ другомъ.

Какъ рабство деморализуетъ господъ и самихъ рабовъ, такъ и бюрократическія отношенія въ партійномъ союзѣ развращаютъ дѣятелей, стоящихъ на различныхъ степеняхъ партійной іерархіи. Высокомѣріе и заносчивость по отношенію къ низшимъ или слабымъ, раболѣпіе и пресмыкательство по отношенію къ высшимъ или сильнымъ — вотъ заурядныя явленія, наблюдаемыя не только въ отношеніяхъ между членами партіи, но и въ отношеніяхъ между фракціями и между партіями.

Превращенія, которымъ подвергались люди въ Партіи, могли бы представить весьма интересный матеріалъ для психолога. Намъ приходилось, незадолго до оффиціальнаго основанія Партіи С.-Р., встрѣчаться съ будущими ея дѣятелями. Это были симпатичные, искренніе и скромно преданные дѣлу люди. Черезъ три года эти люди были неузнаваемы: они сдѣлались весьма важными персонами Партіи. Эти были уже влюбленные въ себя Нарциссы, съ сознаніемъ своего начальственнаго достоинства и съ типическими манерами бюрократовъ, окруженные штатомъ и „придворною“ обстановкою, испорченные лестью поклонниковъ и ухаживаніемъ подчиненныхъ, чающихъ милостей, способные на всѣ тѣ пріемы борьбы съ диссидентами, какіе только допускаетъ raison d'Etat партійной касты. Параллельно этому шло іерархическое приспособленіе психологіи многихъ изъ подчиненныхъ дѣятелей.

До какой степени іерархически-кастовая психологія проникала сужденія партійныхъ чиновниковъ, видно изъ того, что, когда отдѣльныя личности пытались критиковать и бороться съ зловредными бюрократическими нравами, укоренившимися въ цен-

трѣ, а потомъ и въ самой Партіи, либо же противопоставляли нѣкоторые свои взгляды и убѣжденія оффиціальнымъ догматамъ Партіи, отъ „вѣрноподданныхъ“ приходилось неизмѣнно выслушивать слѣдующую характеристику новаторовъ: „они борются съ Ц. К-омъ, такъ-какъ они сами туда хотятъ попасть“...

Въ подобной атмосферѣ удѣльный вѣсъ моральныхъ цѣнностей не всегда могъ стоять достаточно высоко.

Другой факторъ, который дѣйствовалъ демонализующимъ образомъ на партійные круги, это — *власть денегъ* въ самой Партіи.

Новый грозный парадоксъ, заключающійся въ томъ, что соціалистическія партіи, борющіяся противъ господства денегъ и капитала въ современномъ обществѣ, сами нуждаются для своей борьбы въ деньгахъ, которыя какъ бы мстятъ за себя тѣмъ моральнымъ растлѣніемъ, которое онѣ вносятъ въ соціалистическую и революціонную среду!

Мы далеки отъ того времени, когда директорія соціально-революціонной партіи Бабефа („Заговоръ Равныхъ“), т. е. ея центральный комитетъ, никогда, по словамъ Буанарроти, не располагалъ въ своей кассѣ болѣе, чѣмъ нѣсколькими сотнями франковъ, не смотря на расходы, необходимые на литературу, организацію, агитацію, а также и на подкупы правительственныхъ агентовъ, и когда эта денежная бѣдность союза заговорщиковъ считалась залогомъ идейнаго успѣха дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантіею противъ опасности коррупціи.

Нынѣ *соціалистическія* партіи стали *капиталистическими*, въ томъ смыслѣ, что ихъ организаціи нуждаются въ капиталахъ и располагаютъ капиталами. Капиталъ, прежде нервъ войны, сталъ нынѣ также нервомъ жизни революціонной организаціи. Между двумя соперничающими революціонно-соціалистическими фракціями больше шансовъ на развитіе и успѣхъ имѣетъ та изъ нихъ, которая располагаетъ большими денежными средствами. Въ революціонной средѣ развивается уваженіе къ деньгамъ и къ силѣ.

Къ деньгамъ льнутъ, передъ деньгами пресмыкаются. Истина и справедливость — здѣсь второстепенное дѣло. И поэтому вопросъ о власти денегъ въ революціи сталъ страшнымъ и больнымъ вопросомъ.

Во время оно партійный карьеризмъ — въ формѣ либо обезпеченія себѣ положенія внутри партіи въ качествѣ партійнаго чиновника, либо политическаго возвышенія при помощи партіи въ тѣхъ странахъ парламентаризма, гдѣ партія получила достаточную электоральную силу, — былъ печальнымъ удѣломъ лишь западно-европейскаго соціализма. Въ Россіи же дѣйствующіе соціалисты и революціонеры имѣли лишь одну привилегію: жертвовать и страдать. Награда для русскаго соціалиста заключалась лишь въ сознаніи исполненнаго долга и въ томъ внутреннемъ удовлетвореніи, которое гармонировало съ энтузіазмомъ, который питало служеніе великому идеалу. Но нынче и мы европеизировались. Наши партіи стали большими организаціями, вліятельными не только въ смыслѣ революціонномъ, но и въ смыслѣ связей и престижа, которые она даетъ своимъ квалифицированнымъ работникамъ и лицамъ, близко къ нимъ стоящимъ. А съ тѣхъ поръ какъ революціонныя организаціи стали получать въ свое распоряженіе большія денежныя средства, въ особенности послѣ совершенныхъ колоссальныхъ экспропріацій, къ тому виду революціоннаго карьеризма, который былъ направленъ на полученіе власти и вліянія въ партіи или черезъ партію, прибавился еще другой видъ революціоннаго карьеризма, съ вполнѣ осязательною экономическою подкладкою, съ стремленіемъ пристроиться въ партійной бюрократіи и исканіемъ мѣста или платной работы въ самой партіи. Циклъ свершился.

Теперь намъ не въ чемъ завидовать Европѣ. Теперь нуженъ фонарь Діогена, чтобы искать прочныхъ убѣжденій и вполнѣ безкорыстныхъ жертвъ. Общественное мнѣніе не бичуетъ ни спеціалистовъ по перебѣжчичеству, ни пресмыкающихся политическихъ гадовъ. Въ теченіе одной ночи „революціо-

неръ“ перемѣнилъ свои взгляды, свою философію, свои фракціи, свои вывѣски, свою газетную лавочку и — онъ *не* скомпрометированъ на-вѣки. Быстрые и безпрестанные переходы справа налѣво и обратно, изъ одной фракціи въ ей враждебную и обратно, никого болѣе не удивлятюъ. Измѣна возведена въ принципъ, а указанія политическаго барометра о характерѣ вліянія новыхъ политическихъ комбинацій, о ростѣ или упадкѣ денежной силы той или другой фракціи, часто играютъ роль путеводной звѣзды въ практическомъ осуществленіи цѣлесообразныхъ политическихъ метаморфозъ. И когда къ вамъ является политическій дѣятель и предлагаетъ вамъ свои революціонныя услуги, то, даже если вы вполнѣ увѣрены, что это — не провокаторъ, вы все же невольно начинаете задавать себѣ въ умѣ вопросы: кто онъ? авантюристъ, или карьеристъ, или рекламистъ? не расгратилъ ли онъ общественныхъ или партійныхъ суммъ? не совершилъ ли онъ злоупотребленій, караемыхъ граждански-уголовнымъ закономъ? не думаетъ ли онъ присосаться опять къ революціонному пирогу?.. Вѣдь „исторія повторяется“.

Революціонная мамона — бичъ всѣхъ партій. Тлетворнаго дѣйствія ея не избѣгла и Партія С.-Р. И въ этомъ — новый источникъ внутренней деморализаціи.

Незамѣтно для Партіи забота о добываніи денегъ превращается изъ средства въ цѣль. Ростъ партійной бюрократіи и ростъ бюджета обусловливаютъ другъ друга. Въ Партіи особенно цѣнными начинаютъ казаться лица, имѣющія денежныя средства или могущія доставать денежныя средства. Они возвышаются до самыхъ верховъ партійной іерархіи. Не всегда, конечно, подобныя лица обладаютъ политическими и моральными качествами, соотвѣтствующими тому высокому положенію, которое имъ предоставляютъ. Но объ этомъ привыкаютъ мало заботиться. On trouve toujours des accomodements avec le ciel!

Азефъ въ началѣ своей карьеры добывалъ часто деньги для Партіи. Провокаторъ Татаровъ тоже до-

ставалъ много денегъ, и одно время возникъ вопросъ о его кооптаціи въ Ц. К.

Объ одномъ членѣ Партіи, богатомъ человѣкѣ, жертвовавшемъ въ Партію много денегъ, разсказывали, что одно время онъ игралъ въ оппозицію и даже грозилъ совсѣмъ отойти отъ Партіи, если не будетъ исполнено его требованіе касательно возвышенія его въ надлежащій рангъ; центръ Партіи смирился, далъ ему требуемый іерархическій чинъ, и примиреніе состоялось къ обоюдному удовольствію.

Съ другой стороны, благодаря власти денегъ, бюрократическій духъ въ Партіи усиливается сознаніемъ экономической зависимости отъ іерархіи и экономической солидарности въ іерархіи. Кастовой духъ укрѣпляется. Моральная власть и моральное подчиненіе соединяются съ экономическою властью и экономическимъ подчиненіемъ. Въ случаѣ появленія опасности для іерархіи, она инстинктивно возстаетъ какъ одинъ человѣкъ, и передъ кастовою дисциплиною безсильными оказываются призывы къ разуму и истинѣ; заглушается сознаніе отвѣтственности, и совѣсть молчитъ. Революціонный сервилизмъ въ организаціи получаетъ матеріальный базисъ. Честные и преданные товарищи, сознающіе ненормальность положенія, не смѣютъ громко роптать, чтобы не подвергнуться репрессіямъ, чреватыми для нихъ весьма печальными послѣдствіями. Бывало даже, что весьма заслуженные партійные дѣятели, посѣщая „еретиковъ“, просили послѣднихъ не говорить о знакомствѣ съ ними, дабы не сердить партійныхъ громовержцевъ и не навлечь на нихъ весьма чувствительныхъ перуновъ...

* * *

Бюрократическая психологія отражалась также самомъ способѣ веденія дѣла.

Бумажная дѣятельность, бумажное разслѣдованіе, бумажная борьба. Работа комиссій и канцелярій. Переписки, отписки и проволочки. Бюрократическій оптимизъ, когда на бумагѣ и словесно все обстояло

благополучно. Резолюціи, конференціи, споры о выѣденномъ яйцѣ, когда Ганнибалъ стоитъ у воротъ. Видимость движенія, когда все стоитъ на одномъ мѣстѣ или сводится на нѣтъ. Фикція жизни, когда все замираетъ.

Бюрократическое самодовольство въ революціонной Партіи парализуетъ способность смотрѣть здоровыми глазами вокругъ себя, понимать происходящее, видѣть приближающуюся опасность, сознавать свою страшную отвѣтственность и принимать серьезныя и рѣшительныя мѣры. Въ моментъ самой страшной правительственной и общественной реакціи, высшая партійная бюрократія услаждаетъ себя иллюзіями и рисуетъ ближайшія перспективы въ розовомъ свѣтѣ. Въ моментъ распада Партіи, она съ самою серьезною миною толкуетъ о партійной консолидаціи. Она обманываетъ себя и другихъ, полагая, что она работаетъ „въ интересахъ Партіи“. Галлюцинаціи и миражъ вмѣсто пониманія горькой дѣйствительности, фраза вмѣсто логики, фикціи вмѣсто реальнаго дѣла. Такъ спириты матеріализуютъ вызываемые ими призраки.

Революціонная бюрократія, не въ меньшей степени, чѣмъ вульгарная правительственная бюрократія, чужда той искренности, которая предписываетъ открыто сознаваться въ своихъ заблужденіяхъ. Вѣдь отъ этого пострадаетъ ея престижъ, который, для нея, есть престижъ Партіи. Ея категорическій императивъ: оберегать показную сторону дѣла и Партіи. Послѣ крушенія надежды на близкое массовое революціонное движеніе крестьянъ и пролетаріата въ Россіи, она, революціонная бюрократія, сама воспитавшая Партію на иллюзіи ожиданія этой массовой революціи, вдругъ заговорила о томъ, что „Партія“ (т. е. она, партійная бюрократія) никогда этого взгляда не раздѣляла, что это — взглядъ собственно еретическій... Какъ будто бы годъ или два года тому назадъ первый съѣздъ Партіи не занимался вопросомъ о томъ, слѣдуетъ ли сейчасъ призывать крестьянъ къ революціонному захвату земель, или немного погодить! Какъ будто, послѣ разгона 1-й Думы, не было указа Ц. К-та о начатіи массовой революціи!

Какъ будто оффиціальные „лидеры“ Партіи не пророчествовали каждый годъ, что крестьянское возстаніе неизбѣжно поднимется если не ближайшею осенью, то ближайшею весною!

Послѣдствія того же бюрократическаго духа — мелкое политиканство, мелкая демагогія, мелкая междуфракціонная политика и, въ особенности, мелкая реклама своей партійной лавочки.

Бюрократическая слѣпота не только мѣшала видѣть то, что есть, но часто еще порождала оптическій обманъ, при которомъ видятъ то, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Вспомнимъ, съ какимъ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, „Знамя Труда“ взялось доказывать тезу убіенія Черняка правительственными агентами, опираясь притомъ на явно подложные документы. То же „Знамя Труда“, послѣ провала Сѣв. Боевого Отряда, когда стали говорить о провокаціи, высмѣяло обвинителей и назвало ихъ „салопницами“.

Таковы результаты бюрократически-партійнаго кретинизма.

О, я знаю, что указанныя мною темныя стороны организаціи не являются исключительною особенностью Партіи С.-Р., что многими изъ этихъ недостатковъ страдаютъ и другія соціалистическія партіи, а нѣкоторыми изъ нихъ онѣ страдаютъ даже въ еще большей степени, чѣмъ Партія С.-Р., и что анархисты, въ силу этого, ошибочно возстаютъ даже противъ самаго принципа авторитета въ организаціи. Когда Бланки и Барбесъ вмѣстѣ съ другими осужденными революціонерами сидѣли въ одной тюрьмѣ, образовались двѣ враждебныя фракціи, примыкавшія одна къ Бланки, а другая къ Барбесу, и здѣсь сторонники Бланки обвиняли своихъ противниковъ въ коррупціи, въ полученіи подачекъ и надеждъ на подачки отъ богатаго Барбеса. Нѣмецкую соціалъ-демократію еще наши народники въ 70-ыхъ годахъ обвиняли въ капральствѣ ея верховъ, въ диктатурѣ, въ нетерпимости и въ насажденіи сервилизма въ партійныхъ массахъ. Тѣ же обвиненія потомъ повторялись „молодыми“, а въ недавнее время анархо-

соціалистами, локалистами и революціонными синдикалистами. Очень тяжкимъ обвиненіямъ подвергался г. Плехановъ, когда шла полемика между нимъ и группою „Рабочаго Дѣла“. Далѣе, когда начались раздоры между большевиками и меньшевиками въ русской соціалъ-демократіи, то въ чемъ только они не обвиняли другъ друга! Въ самое послѣднее время меньшевики выдвинули противъ главарей большевиковъ обвиненія въ бандитизмѣ, систематическихъ обманахъ, захватѣ денегъ и типографіи, а нхъ пособниковъ называли кликою лакеевъ, карьеристовъ и т. д.; а большевики посылаютъ своимъ противникамъ контръ-обвиненіе въ „политическомъ шантажѣ“ и пр.

Но развѣ чужіе грѣхи могутъ служить основаніемъ для опраданія или даже извиненія своихъ собственныхъ грѣховъ, своихъ самобытныхъ ужасныхъ нравовъ? Мы могли бы быть оригинальнымъ свѣточемъ для соціалистической мысли Европы, великимъ импульсомъ для оживленія идейнаго духа въ міровомъ соціализмѣ, яркимъ примѣромъ моральнаго величія въ нашей организаціи и революціонныхъ дѣлахъ. И что же? Вмѣсто этого, мы породили въ оффиціально-партійномъ міровоззрѣніи жалкій эклектизмъ, мы рабски копируемъ чужія заблужденія въ теоріи, мы заимствуемъ и даже утрируемъ недостатки организаціи и противныя истинной соціалистической морали правила поведенія...

* *
*

Теперь для насъ ясны дѣйствительныя причины азефщины въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Провокація могла проникнуть въ центрѣ Партіи благодаря тому, что въ Партіи, при оцѣнкѣ личности, слишкомъ часто руководились въ меньшей степени сужденіемъ о ея моральныхъ качествахъ, нежели разсчетомъ кажущейся пользы, которую она могла принести. Провокація могла укрѣпиться на долгое время въ партіи и оставаться недосягаемою для самыхъ тяжкихъ уликъ и обвиненій, благодаря бюро-

крократически-кастовому духу партійной организаціи и порожденныхъ этимъ духомъ спеціальныхъ интересовъ, особой психологіи и особыхъ практическихъ навыковъ.

Что Азефъ — морально грязная личность, это знали и объ этомъ говорили весьма многіе. Но, когда его стали выдвигать въ Партіи, никто даже не позаботился собрать какія-нибудь справки о его моральномъ прошломъ Конспиратитная Коммиссія, приступивъ къ своимъ работамъ, скоро и безъ большого труда установила, что, когда Азефъ былъ еще подросткомъ, его въ родномъ городѣ Ростовѣ презирали и терпѣть не могли за эгоизмъ и грубый животный характеръ. Въ Дармштадтѣ, гдѣ онъ учился, о немъ шли дурные слухи, и это подтверждаетъ „Судебно-Слѣдственная Коммиссія“ („З· С.- С. К.“, стр. 14). И все же его ввели въ Партію, и все же его произвели въ герои! Безсердечіе его, которое обнаружилось въ связи съ самоубійствомъ шлиссельбуржца Поливанова, тоже не обратило на себя доежпаго вниманія оффиціальныхъ лицъ Партіи. Въ сношеніяхъ съ товарищами тоже неоднократно прорывались такія черты его характера, какъ жестокость, черствость, наглость, грубость, деспотическая требовательность („З. С.-С. К.“, стр. 41, 48—50, 58 и 58). Все это не обращало на себя вниманія и игнорировалось центромъ Партіи даже и тогда, когда Азефъ форменно обвинялся уже въ провокаціи. Такъ и нравственность Татарова подверглась серьезному разслѣдованію лишь послѣ „петербургскаго письма“, а между тѣмъ Татаровъ считался уже кандидатомъ въ Ц. К. Но о Татаровѣ по крайней мѣрѣ стали наводить справки. По отношенію же къ Азефу не сочли нужнымъ ничего разслѣдовать.

Чѣмъ объяснить такое различіе между отношеніемъ къ Татарову и отношеніемъ къ Азефу? На мой взглядъ, тутъ дѣло не только въ „заслугахъ“ Азефа, въ его участіи въ дѣлѣ Плеве и т. п.; тутъ дѣло еще въ томъ, что Татаровъ не успѣлъ еще проникнуть въ „святая святыхъ“ партійной бюрократіи, гдѣ онъ сталъ бы совершенно своимъ человѣкомъ, и гдѣ его

защищала бы желѣзная броня „круговой поруки "этой бюрократической психологіи. И весьма возможно, что еслибы Татаровъ попалъ въ самый центръ или акклиматизировался бы близко него въ теченіе достаточно долгаго времени до полученія „петербургскаго письма", то мы имѣли бы теперь дѣло не только съ азефщиною, но и съ татаровщиною.

Другое дѣло—Азефъ. Онъ быстро добрался до вершины революціонно-бюрократическаго Олимпа и тамъ прочно засѣлъ. Но олимпійцы, въ глазахъ простыхъ-смертныхъ, должны быть одарены *всѣми* высшими добродѣтелями, высшею мудростью, высшими способностями. Иначе страдаетъ божественный престижъ *всей* коллегіи революціонно-бюрократическихъ Нарциссовъ. Азефъ, какъ членъ этой коллегіи, украшалъ ее своимъ сіяніемъ и самъ былъ окруженъ ея высокимъ ореоломъ.

Партійно-патріотическое самовозвышеніе центра дѣлало послѣдній совершенно невоспріимчивымъ къ допущенію самой возможности провокаціи въ своей средѣ, и въ частности провокаціи Азефа. Такого рода подозрѣніе центръ долженъ былъ отметать отъ себя съ инстинктивнымъ ужасомъ. Оно было слишковъ жестоко, для него самого и для „Партіи", чтобы казаться морально возможнымъ. Какія страшныя перспективы открывались для руководителей Партіи, еслибы они допустили хоть на одну минуту основательность подозрѣнія! Какая страшная отвѣтственность за все содѣянное! Какое паденіе, какой ударъ еля репутаціи! Что станется съ престижемъ центра, съ *ихъ* дѣтищемъ, съ *ихъ* идеями, что станется съ *Партіею*, съ кастою? О, это — невѣроятно, о, это — невозможно!

И вотъ работа мысли, доказывающей чистоту центра и полную несостоятельность уликъ противъ Азефа, принимаетъ патологическій характеръ. Изобрѣтаются чудовищно-нелѣпыя гипотезы, чтобы объяснить „петербургское письмо" и „саратовское письмо". Свѣдѣнія Бакая — свѣдѣнія убійственныя, если сопоставить ихъ съ фактомъ полученія „петербургскаго письма", — отводятся, какъ исходящія отъ человѣка,

„подосланнаго департаментомъ полиціи“. Свѣдѣнія Лопухина постигаетъ вначалѣ таже участь: Лопухинъ могъ быть подосланъ охраною. „Загадочный“ провалъ Сѣв. Боевого отряда *могъ быть объясненъ иначе.* Всѣ другія данныя *могли быть объяснены иначе.*

Необъяснимый полицейскій иммунитетъ Азефа объяснялся его сверхъестественною ловкостью. Неприкосновенность другихъ видныхъ дѣятелей Партіи, близкихъ друзей Азефа, безъ сомнѣнія, также объяснялась ихъ выдающимся конспиративнымъ искусствомъ, одною изъ многихъ способностей, которыми провиденціально были надѣлены люди центра.

Полное безсиліе Б. О. въ самый критическій, самый страшный моментъ реакціи не возбуждало подозрѣній и вообще не особенно безпокоило эклектически уравновѣшенную партійную бюрократію. Во-первыхъ, для нихъ оно *могло быть объяснено иначе.* Во-вторыхъ, моментъ ей казался далеко не критическимъ, ибо она убаюкивала себя сладкими грезами неизбѣжнаго впереди всенароднаго вооруженнаго возстанія. Въ-третьихъ, въ канцелярскомъ смыслѣ, все обстояло сравнительно благополучно, ибо не терроромъ единымъ живъ человѣкъ: литературная работа кипѣла, съѣзды происходили или подготовлялись, пропаганда среди рабочихъ не прекращалась, крестьянская работа дѣлала успѣхи, словомъ партійный „синтезъ“ жилъ самою полною жизнью. Гдѣ ужъ тутъ сокрушаться по поводу того, что въ этомъ богатствѣ партійной жизни не хватаетъ одного такого элемента, какъ террористическая борьба...

Съ того самаго момента, какъ стали появляться серьезныя данныя о существованіи провокаціи въ центрѣ, методъ разслѣдованія дѣла въ Партіи свидѣтельствовалъ не только о вліяніи кастовагодуха, но и о беззаботныхъ бюрократическихъ нравахъ, съ присущими имъ небрежностью и формализмомъ.

Азефа не устраняли отъ дѣлъ, ибо малѣйшая уступка гипотезѣ о возможной провокаціи была бы уже чувствительнымъ подрывомъ престижа верховъ. А своей совѣсти говорили: какъ лишиться такого „провиденціальнаго“ человѣка?

Сознаніе кастовой солидарности считалось и называлось, по отношенію къ Азефу, „чувствомъ товарищества“ („З. С.-С. К.“, стр. 67—69 и 92). При этомъ совершенно забывали, что всякій провокаторъ, это — бывшій „товарищъ“. Еслибы при разслѣдованіи дѣлъ о провокаціи приходилось руководствоваться „чувствомъ товарищества“, то никогда бы провокаторы не могли быть изобличены.

Послѣ полученія „петербургскаго письма“ формальный анализъ личности Азефа былъ произведенъ лишь „во исполненіе внѣшняго долга“ (З. С.-С. К.“ стр. 104). Съ авторомъ письма не попытались завязать никакихъ сношеній, Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые рѣшали вопросъ о Татаровѣ, не знали даже о томъ, что имѣется обвиненіе противъ Азефа. Это — все образчики бюрократическаго способа веденія самыхъ серьезныхъ дѣлъ.

О „саратовскомъ письмѣ“ знали даже не всѣ члены Ц. К-та. Разслѣдованіе по этому письму совершенно заглохло за смертью Гершуни. Объ этомъ письмѣ не могла быть также освѣдомлена *вся* коллегія членовъ „Коммиссіи по изслѣдованію слуховъ о провокаціи“. Вотъ другіе образчики канцелярской халатности и беззаботности.

Послѣ провала Сѣвернаго Боевого Отряда, разслѣдованіе слуховъ о провокаціи поручается въ одной части россійскимъ работникамъ, а въ другой части — названной „Коммиссіи по изслѣдованію слуховъ о провокаціи“. Послѣдняя постановляетъ свое окончательное заключеніе, не справившись даже о данныхъ, имѣвшихся у россійскихъ „изслѣдователей“. Она все же рѣшаетъ, что провокаторы въ Партіи есть, и что разслѣдованіе слѣдуетъ продолжать. Докладъ Коммиссіи поверхностно выслушивается центромъ во время Лондонской Конференціи, и дѣло предается забвенію. Вотъ еще поразительные примѣры революціоннаго канцеляризма.

Даже, когда провокація Азефа была оффиціально признана, бюрократическая растерянность, небрежность и въ то же время самомнѣніе продолжали дѣлать свое дѣло. Не удивительно что Азефъ ушелъ.

Верхи боялись, между прочимъ, „преслѣдованія со стороны французскихъ властей... заграничныхъ представителей Партіи С.-Р.“ и „разгрома партійныхъ учрежденій“ въ Парижѣ. (З. С.-С. К.“, стр. 87-88). Спокойствіе нѣсколькихъ партійныхъ бюрократовъ и цѣлость нѣсколькихъ партійныхъ канцелярій, конечно, были дороже, чѣмъ дѣйствительная честь Партіи и долгъ возмездія за погибшихъ товарищей...

Но почему молчала Партія во время заключительныхъ актовъ всей азефщины?

Отвѣтъ теперь ясенъ.

Подчиненные элементы партійной бюрократіи не могли выступать потому, что они послушнымъ орудіемъ въ рукахъ центра. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ доказывали свою преданность начальству тѣмъ, что они метали громы и молніи противъ людей, выступившихъ съ обличеніемъ провокаціи. Нашлись молодцы, которые занимались даже вывѣшиваніемъ анонимныхъ объявленій и разсылкой анонимныхъ писемъ въ посрамленіе обличителей, а, слѣдовательно, и во славу Азефа. Это дѣлалось уже въ тотъ моментъ, когда провокація Азефа была quasi-оффиціально признана центромъ, но низшій персоналъ еще не зналъ объ „отбоѣ“.

Что же касается „периферіи“ въ широкомъ смыслѣ, то долголѣтнее воспитаніе въ дисциплинѣ пассивности, подавленіе иниціативы и культъ верховъ не прошли даромъ. Партійная масса не могла и не считала себя въ правѣ выступать съ критикою противъ центра. Когда провокація Азефа была оффиціально признана, масса встрепенулась, послышались жестокіе протесты противъ центра, появились попытки подготовленія организаціоннаго возрожденія Партіи. Но это продолжалось сравнительно недолго. И потомъ новаторы были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ.

А между тѣмъ моментъ, наступившій послѣ оффиціальнаго разоблаченія Азефа, не смотря на весь ужасъ положенія, былъ весьма благопріятенъ для того, чтобы быть началомъ спасенія, началомъ новой жизни Партіи. Слѣдовало использовать этотъ духов-

ный подъемъ, эту проснувшуюся инициативу Партіи, послѣ обнаруженія зла. Слѣдовало произвести самое безпощадное изслѣдованіе причинъ азефщины и язвъ организаціонной жизни Партіи. Слѣдовало раскрыть и вырвать съ корнемъ болѣзненные наросты, оздоровить моральную атмосферу, реорганизовать на новыхъ началахъ Партію и начать новую эру борьбы.

Почему это не было сдѣлано? А потому, что этому воспротивилась та же высшая бюрократія Партіи, отвѣтственная за самую азефщину. Снова заговорилъ духъ касты.

Послѣ временнаго замѣшательства, магнаты отъ партійной бюрократіи оправились. Вмѣсто того чтобы „посыпать главу пепломъ“ и просто сказать „mea culpa!“, они стали выступать гордыми орлами, спасавшими „Партію“... отъ себя самихъ. Надо было, чтобы все фактически осталось по прежнему. Надо было, чтобы духъ, породившій азефщину, не угасалъ. Погибай революція, но да здравствуетъ революціонная бюрократія!

Раздался кличъ: спасти „Партію“! „Имѣяи уши“ уразумѣли. Бюрократическая машина была пущена въ ходъ.

Тогда началась вакханалія дипломатіи, лицемѣрія и политиканства. Лакеи и карьеристы отъ революціи усердствовали, какъ никогда. Какое для нихъ открывалось поприще!

Рѣшено было ликвидировать дѣло Азефа семейнымъ образомъ, но съ соблюденіемъ внѣшняго декорума.

По обыкновенію прибѣгли къ фикціямъ: фикція отставокъ, фикція „Совѣта“ и фикція „Суда“.

Все дѣлалося какъ по писаному.

„Судебно-Слѣдственная Коммиссія“, это дѣтище „Совѣта Партіи“, а слѣд. Ц. К-та, должна была „увѣнчать зданіе“ реабилитаціи партійной бюрократіи, de facto ее избравшей. Она оказалась тѣмъ, чѣмъ она должна быть, — продуктомъ партійной бюрократіи, преисполненнымъ ея духомъ и ея психологіею.

„Судебно-Слѣдственная Коммиссія“, хотя и не очень умно, но все же выполнила возложенную на нее миссію. Она валила отвѣтственность за азефщину

на мертвыхъ, на обстоятельства, а въ особенности на боевиковъ и на переоцѣненный терроръ. Съ приличествующими, для вящщаго безпристрастія, оговорками, она реабилитировала центръ Партіи и воспѣла ему хвалу. Революція принесена въ жертву. Прежніе нравы остаются. Процессъ разложенія идетъ. Культурничество высоко подымаетъ голову и стремится занять вакантное отъ революціи мѣсто. Но за то „революціонная“ бюрократія спасена и торжествуетъ. Quod demonstrandum erat...

Таковъ оффиціальный финалъ азефщины.

Глава VIII.

Заключеніе.

Мораль азефщины ясна. Изъ критики того, что *не должно* было бы быть, непосредственно вытекаетъ рѣшеніе вопроса о томъ, что *должно* быть.

Первое требованіе, которое должно красоваться на знамени всякой соціалистической партіи, это—требованіе, которое должно предъявляться прежде всего къ собственнымъ адептамъ, именно *требованіе морали*.

Соціалистическій идеалъ зиждется на прочномъ этическомъ фундаментѣ. И если дѣятельность и борьба соціалиста въ каждый данный моментъ имѣютъ цѣлью лишь подготовленіе и приближеніе къ осуществленію совершеннаго идеала, то *принципами* соціалистической нравственности должны быть всегда и во всѣхъ случаяхъ проникнуты жизнь и поведеніе соціалиста. Съ борьбою за конечную цѣль должно находиться въ гармоническомъ соотвѣтствіи настоящее соціалиста.

Особенно строгія моральныя требованія должны предъявляться къ соціалисту, который, въ силу общественныхъ условій, становится революціонеромъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Для того, чтобы дѣятельность соціалиста имѣла

глубокую моральную основу, необходимо, чтобы онъ руководствовался въ ней серьезно продуманнымъ и сознательно воспринятымъ убѣжденіемъ. Необходимо, чтобы онъ развивалъ критическую самодѣятельность, необходимую для того, чтобы его убѣжденіе выработалось и укрѣпилось, какъ свободный и естественный продуктъ творчества мысли и совѣсти, а не какъ результатъ пассивнаго воспріятія догмата, установленнаго свыше или диктуемаго велѣніями моды либо капризомъ общественнаго мнѣнія окружающей сферы. Надо, чтобы соціалистъ сознавалъ свою обязанность бороться всѣми силами за свое убѣжденіе не только противъ внѣшнихъ силъ эксплуатаціи и гнета, но и въ своей собственной средѣ, своей собственной партіи, среди собственныхъ товарищей и союзниковъ. Надо, чтобы партійная организація не только не препятствовала этому развитію иниціативы и самодѣятельности личности, но и создала, напротивъ того, благопріятную для этого развитія культуру.

Внутри партійной организаціи не должно быть мѣста тѣмъ антагонизмамъ и той уродливой іерархіи, съ которыми мы, какъ соціалисты, боремся въ современномъ обществѣ. Кто борется противъ зла, тѣ не должны допустить появленія и укорененія подобнаго же зла въ собственномъ станѣ.

Товарищеская солидарность внутри организаціи должна быть чужда тѣхъ формъ подчиненія, которыя, вмѣсто здоровой кооперації силъ для достиженія общей цѣли, ведутъ къ разслоенію партіи на властвующихъ и пассивно подчиненныхъ, къ монополіи идейнаго и организаціоннаго руководительства, къ обособленію партійной администраціи въ особую бюрократическую касту, съ особою психологіею, особыми нравами, особыми интересами, къ отсутствію фактическаго контроля надъ этою администраціею, къ насажденію партійнаго карьеризма, къ подавленію самостоятельныхъ проявленій воли и интеллекта партійныхъ массъ. Подобныя отношенія и антиморальны, и имѣютъ послѣдствіемъ разложеніе организаціи.

И пусть не говорятъ намъ, что болѣе высокія формы партійной организаціи являются недостижи-

мымъ идеаломъ. Это все равно, какъ если бы соціалистъ призналъ соціализмъ недостижимымъ идеаломъ. Исторія революціонныхъ и соціалистическихъ партій показываетъ различныя степени совершенства (или несовершенства) организацій. Но тамъ, гдѣ возможно *больше* и *меньше*, возможно и неопредѣленное приближеніе къ совершенству. И если только суждено возродиться революціонному движенію въ Россіи, то невое революціонное поколѣніе не забудетъ урока прошлаго.

Другая насущная задача, стоящая на очереди, это — строительство не только *организаціонное*, но и *идейно-теоретическое*. Надо разъ навсегда покончить съ программнымъ эклектизмомъ, который порождаетъ самодовольство, примиряетъ съ чѣмъ угодно и, въ моментъ самой страшной реакціи, поощряетъ совершеніе политическаго подлога, прикрывая неподдѣльное культурничество въ россійскомъ обновленномъ строѣ подъ знаменемъ революціоннаго соціализма. Надо разъ навсегда покончить съ революціонною схоластикою, съ романтическими иллюзіями, съ идеализаціею историческаго процесса и массъ, съ ожиданіемъ фатальнаго всенароднаго возстанія, съ проистекающими отсюда разочарованіями, измѣнами и деморализаціею. Надо заклеймить, какъ рецидивы, всѣ старанія и попытки обосновать схоластическую публицистику, противную методамъ научной критики, чуждую раціонализма, враждебную духу революціонной эмансипаціи, помощью ни въ чемъ неповинной науки. Надо уяснить разъ навсегда ту истину, что соціализмъ — не одна простая задача, а совокупность нѣсколькихъ сложныхъ освободительныхъ задачъ, изъ которыхъ каждая рѣшается своими особыми данными и методами. Надо понять, что завоеваніе демократіи въ Россіи есть *одна изъ соціалистическихъ задачъ*, которыя, въ въ соотвѣтствіи съ данными исторіи и логики, будетъ рѣшена борьбою партіи, какъ *организованнаго революціоннаго меньшинства*, опирающагося на народныя массы и на всѣ оппозиціонныя силы страны, и освобождающаго, съ политическимъ освобожденіемъ великой страны, внутреннюю энергію

народа, необходимую для того соціальнаго творчества, которое откроетъ рядъ этаповъ въ практическомъ приближеніи народной жизни къ соціализму.

Моментъ, который мы переживаемъ теперь, мраченъ. Рисующіяся намъ перспективы темны и печальны. Но кто знаетъ, не наканунѣ ли мы „настоящаго дня“? И, во всякомъ случаѣ, чѣмъ безотраднѣе дѣйствительность, тѣмъ болѣе соціалистъ обязанъ бороться за скорѣйшее наступленіе лучшаго будущаго. Не на насъ ли, на наши ошибки и иллюзіи, падаетъ значительная доля отвѣтственности за торжество зла? И, приступая къ новой борьбѣ, мы должны помнить, что, передъ тѣмъ какъ эмансипировать другихъ, мы должны прежде всего эмансипировать самихъ себя — отъ своихъ заблужденій, отъ пережитковъ нравовъ, отъ пережитковъ мысли.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Бурцевіада.

Наше время есть время паденія людей и моральныхъ цѣнностей.

При этомъ часто бываетъ, что, въ глазахъ толпы, рыночная цѣнность дѣйствій и стремленій человѣка становится тѣмъ выше, чѣмъ ниже падаетъ уровень ихъ моральной цѣнности.

Подтвержденіе этой истины мы находимъ въ той бурцевіадѣ, которою обогатилась «этическая культура» нашей революціонной среды.

Послѣ азефскаго дѣла, Бурцевъ сдѣлалъ себя героемъ печальнаго фарса, длящагося еще до сихъ поръ и возможнаго лишь въ нашу эпоху безпринципности и деморализаціи. Роль его здѣсь — менѣе почетна, чѣмъ та, которую онъ игралъ въ дѣлѣ Азефа.

Въ атмосферѣ, полной коррупціи и преклоненія передъ минутнымъ успѣхомъ, при услужливомъ содѣйствіи невѣжественныхъ и падкихъ на сенсацію газетныхъ писакъ, при попустительствѣ и даже содѣйствіи революціонныхъ организацій, Бурцевъ внезапно былъ провозглашенъ и принялъ титулъ «Шерлока Холмса» отъ русской революціи.

Онъ, Бурцевъ, вѣчно окруженный провокаторами, вѣчно въ рукахъ провокаторовъ, онъ, бывшій другъ Гекельмана-Ландезена (будущаго Гартинга), — котораго, по словамъ товарищей, онъ ввелъ въ дѣйствительную революціонную работу, — онъ, бывшій интимный другъ провокатора Бейтнера, отъ котораго онъ получалъ деньги на литературу и съ которымъ онъ организовывалъ революціонныя предпріятія, онъ, получавшій на свои изданія деньги отъ провокатора Еваленко, онъ, одинъ изъ моральныхъ виновниковъ самоубійства Бэлы Лапиной, которую смѣшали съ Зинаидою Жученко, онъ, чуть не погубившій Аки-

мова (убійцу Чухнина), котораго онъ смѣшалъ съ провокаторомъ Батушанскимъ, и проч., и проч., онъ теперь—«Шерлокъ Холмсъ» отъ революціи!

У новаго «Шерлока Холмса», повидимому, закружилась голова. Міровая пресса говоритъ о необыкновенныхъ талантахъ, которые онъ раскрылъ въ дѣлѣ Азефа. Бурцева фотографируютъ и показываютъ публикѣ въ балаганномъ кинематографѣ. И вотъ Бурцевъ ринулся въ новую карьеру, полную безумной рекламы.

Онъ заявляетъ о томъ, что Азефа онъ подозрѣвалъ уже въ теченіе долгаго времени, и что съ самаго начала онъ относился къ нему съ недовѣріемъ. Между тѣмъ, еще лѣтомъ 1907-го года онъ защищалъ самымъ энергичнымъ обазомъ Азефа противъ нападокъ лицъ, обвинявшихъ Партію С.-Р. въ томъ, что она воздвигла на пьедесталъ столь жестокаго, безнравственнаго и интеллектуально ничтожнаго человѣка.

Бурцевъ не можетъ жить спокойно, если вокругъ его имени нѣтъ шума. Онъ узнаетъ о томъ, что въ Парижѣ живетъ Федоровъ, несчастная жертва черносотенцевъ, тотъ самый, который убилъ Іоллоса и потомъ вдохновителя этого убійства Казанцева. Какой благодарный матеріалъ для рекламной сенсаціи! И вотъ Бурцевъ беретъ Федорова подъ свое покровительство и затѣваетъ дѣло, которое должно было кончиться выдачею Федорова Россіи французскимъ правительствомъ (ради «громкаго» политическаго процесса). До сихъ поръ еще не было случая выдачи французскою республикою политическаго эмигранта русскому правительству. Вся эта махинація создавала такимъ образомъ первый прецедентъ. Къ счастью, Федоровъ своевременно былъ предупрежденъ о возможномъ финалѣ новой надъ нимъ опеки и скрылся за предѣлы Франціи. Съ другой стороны, министръ-президентъ Бріанъ оказался менѣе податливымъ въ отношеніи вопроса о выдачѣ, чѣмъ этого можно было ожидать, и русское правительство получило отказъ на свою просьбу о выдачѣ Федорова.

Но вотъ случай пришелъ на помощь Бурцеву въ его «исканіяхъ». Менщиковъ (Иксъ), рѣшившійся въ 1909-омъ году приступить къ своимъ разоблаченіямъ, сообщилъ Бурцеву, какъ посреднику, первыя имена своего «чернаго списка».

Отъ Менщикова Бурцевъ узнаетъ, къ своему изумленію, что Геккельманъ-Ландезенъ — это Гартингъ. Пускается въ ходъ неистовая реклама, и за Бурцевымъ, какъ за разоблачителемъ Гартинга, окончательно устанавливается репутація «Шерлока-Холмса». Впослѣдствіи, когда Менщиковъ, бывшій Иксъ, выступилъ открыто, Бурцевъ въ свою очередь выступаетъ съ утвержденіемъ, что о Гартингѣ онъ получилъ свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ.

Отъ Менщикова же, черезъ посредство другихъ лицъ или

непосредственно, Бурцевъ узнаетъ о провокаторахъ Зинаидѣ Жученко, Каплинскомъ, Батушанскомъ, Еваленко, Серебряковой и другихъ. Тогда вся Россія узнаетъ, что *онъ, Бурцевъ, открылъ* новыхъ провокаторовъ. Онъ «организуетъ разслѣдованіе», «срываетъ маски» раскрытыхъ ему провокаторовъ, ведетъ эти дѣла плохо и неумѣло, многое портитъ, наполняетъ весь міръ шумомъ о своихъ заслугахъ и своей проницательности.

Онъ обзаводится штатомъ и газетою, обвиняетъ однихъ, даетъ индульгенціи другимъ, выдаетъ похвальный листъ Ц. К-ту одной революціонной партіи, выноситъ порицаніе Ц. К-ту другой революціонной партіи, вершитъ судьбы революціи. Тридцать тысячъ курьеровъ скачутъ!

Бурцевъ совершаетъ путешествіе въ Америку и здѣсь вплетаетъ новый вѣнокъ въ свою славу. По данныхъ Меньщикова, онъ «изобличаетъ» провокатора Еваленко. Но онъ до такой степени извращаетъ эти данныя Меньщикова, что нынѣ (въ 1911 году) приходится кассировать обвинительный приговоръ суда (1910 года) и передать дѣло новому суду.

Обрывокъ разговора бывшаго директора деп полиціи Коваленскаго съ его знакомымъ доходитъ до свѣдѣнія революціонеровъ и становится извѣстнымъ Бурцеву. На основаніи этого сообщенія, начинаютъ подозрѣвать террористку Бэлу Лапину, хотя самый поверхостный анализъ данныхъ могъ-бы показать, что оно къ ней никакого отношенія имѣть не можетъ. Несчастная Бэла узнаетъ, что ее подозрѣваютъ, и кончаетъ самоубійствомъ. Послѣ этого Меньщиковъ устанавливаетъ, что Зинаида Жученко — провокаторъ. И вотъ, послѣ смерти Коваленскаго, Бурцевъ пишетъ въ своемъ «Общемъ Дѣлѣ», что первыя свѣдѣнія о Жученко онъ получилъ отъ Коваленскаго...

Когда Меньщиковъ выяснилъ, что Зинаида Жученко-Гернгроссъ — провокаторъ, происходитъ опереточное путешествіе Бурцева въ Берлинъ, «по порученію Ц. К. П. С.-Р.» (!), для «изобличенія» Жученко. Здѣсь онъ выполняетъ такъ «искусно» свою дипломатическую миссію, ухитряется установить такія отношенія къ Жученко, что она можетъ бравировать и выступать даже своего рода героинею передъ общественнымъ мнѣніемъ. Но газеты шумятъ о новомъ «разоблаченіи» Бурцева. И на лейпцигскомъ партейтагѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи Карлъ Либкнехтъ приноситъ торжественную благодарность Бурцеву за эти разоблаченія.

Бурцевъ слылъ всегда за убѣжденнаго террориста. Но борьба за террористическую тактику несовмѣстима съ борьбою за личную рекламу.

И вотъ Бурцевъ помѣщаетъ въ иностранныхъ газетахъ статьи и матеріалы, позволяя дѣлать тутъ-же изъ нихъ анти-террори-

стическіе выводы. Онъ пишетъ одобрительныя предисловія и беретъ подъ свое покровительство сенсаціонно-бульварныя брошюры, въ которыхъ осуждается террористическая тактика, но возвышается до небесъ Шерлокъ-Холмсъ-Бурцевъ. Онъ подымаетъ вокругъ своего имени новый шумъ по поводу стараго факта причастности Азефа къ убійству вел. князя Сергѣя и къ покушенію на царя; онъ требуетъ отъ русскаго правительства суда то надъ Азефомъ, то надъ Азефомъ и Столыпинымъ за эти преступленія. Онъ пишетъ письма Николаю II, великимъ князьямъ, вел. княгинямъ и всякимъ августѣйшимъ родственникамъ, министрамъ и виднымъ черносотенцамъ (и въ частности Пуришкевичу). Онъ проситъ содѣйствія и заступничества въ патріотическомъ дѣлѣ защиты жизни царя и вел. князя и воздаянія Азефу. Извѣстна отповѣдь ему Пуришкевича. Бурцевъ печатно обѣщается посадить на скамью подсудимыхъ Столыпина за его попустительство Азефу. И, когда, въ моментъ конфликта съ Гос. Совѣтомъ, Столыпинъ, передъ «компенсаціями», грозилъ отставкою, Бурцевъ серьезно утверждалъ, въ одномъ газетномъ интервью, что Столыпинъ палъ несомнѣнно изъ-за дѣла Азефа, т. е. изъ-за агитаціи, конечно, его, Бурцева. Если Столыпинъ, послѣ этого, все же остался на своемъ посту, то, надо думать, лишь потому, что Бурцевъ смягчился и далъ Столыпину индульгенцію.

Въ самое послѣднее время Бурцевъ (въ своемъ «Будущемъ») предрекаетъ Азефу висѣлицу въ Россіи и требуетъ отъ Партіи С.-Р., чтобы она выслушала и судила Азефа...

Незадолго передъ тѣмъ онъ подымаетъ въ русскомъ сенатѣ дѣло противъ московскаго градоначальника по обвиненію послѣдняго въ томъ, что онъ, въ оффиціальной бумагѣ, назвалъ Бурцева «государственнымъ преступникомъ»...

Въ № 3-емъ «Будущаго» превозносятся выступленія въ Думѣ представителей оппозиціи, по поводу запроса объ убійствѣ Столыпина, причемъ нѣтъ ни слова осужденія или протеста противъ хамскаго тона одной изъ рѣчей и въ отношеніи къ Николаю II, и въ смыслѣ загрязненія террористической борьбы.

За то въ томъ-же „Будущемъ» (№ 4), въ подражаніе отечественнымъ хамамъ, посылается ударъ копытомъ въ догонку казненному Ботрову, избавившему Россію отъ палача Столыпина.

Въ чаду погони за шумихою неизбѣжно начинаютъ испаряться представленія о требованіяхъ революціонной этики и обще-человѣческой морали.

И вотъ Бурцевъ помѣщаетъ сначала статью въ «Monde Illustré», а потомъ издаетъ въ Берлинѣ брошюру на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ («Царь и внѣшняя политика»), посвященную «разоблаченію» секретнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ возникновенію русско-японской войны, которые онъ,

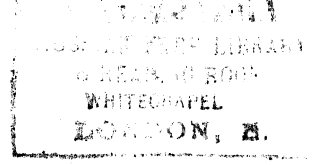
Бурцевъ, какъ онъ самъ объ этомъ пишетъ, «получилъ изъ вѣрнаго и безусловно компетентнаго источника». И что же? Вся публикація оказывается *сплошнымъ плагіатомъ* изъ старыхъ номеровъ «Освобожденія» и изъ легальной «Политической Энциклопедіи» Слонимскаго, гдѣ всѣ эти документы давнымъ - давно напечатаны.

Бурцевъ узнаетъ отъ Менщикова о провокаторѣ С. Вейсманѣ. Онъ его опубликовываетъ въ своемъ «Общемъ Дѣлѣ», откуда сообщеніе перепечатывается въ другихъ органахъ печати. И что же? С. Вейсманъ является къ вождю австрійской соціальдемократіи Викт. Адлеру съ письмомъ Бурцева, составленнымъ въ такихъ выраженіяхъ, что С. Вейсманъ считаетъ себя вправѣ ссылаться на это письмо, какъ на равносильное его реабилитаціи. «Реабилитированный» С. Вейсманъ подвизается вначалѣ въ Европѣ, а потомъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ онъ выступаетъ въ качествѣ горячаго сторонника Бурцева противъ клики Еваленко. Иронія судьбы! Сознавалъ ли Бурцевъ, какую отвѣтственность на себя беретъ, оказывая содѣйствіе провокатору, въ отношеніи его реабилитаціи?

Революціонеры и революціонные филистеры, прежде травившіе и третировавшіе Бурцева, когда онъ, не смотря на нѣкоторыя свои несообразности, заслуживалъ симпатій и уваженія, теперь курятъ ему ѳміамъ и даже пресмыкаются передъ нимъ, когда онъ, сдѣлавшись рекламною «силою», компрометируетъ такъ часто достоинство революціонера. А нѣмецкіе соціальдемократы, не стѣснявшіеся нѣсколько лѣтъ тому назадъ публично отзываться о Бурцевѣ, какъ о сумасшедшемъ и маніакѣ, нынѣ величаютъ его «знаменитымъ вождемъ русскихъ революціонеровъ»...

Quousque tandem?!

БИБЛІОТЕКА
АКАДЕМІИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Судъ надъ азефщиною 3

Глава I. Краткій комментарій къ исторіи образованія Суд.-Слѣдств. Ком. 4

Глава II. О томъ, какъ Суд.-Слѣдств. Ком. производила разслѣдованіе по дѣлу Азефа 7

Глава III. Конспиративная Комиссія Парижской Группы и дѣло Азефа . . 24

Глава IV. О томъ, какъ Суд.-Слѣдственная Комиссія творила судъ 39

Глава V. Нашли виновнаго. 1) Психологія боевиковъ 54

Глава VI. Нашли виновнаго. 2) „Переоцѣнка террора“ 65

Глава VII. Дѣйствительныя причины азефщины 82

Глава VIII. Заключеніе 111

Приложеніе. Бурцевіада 115

